

Журнал творческой мастерской
«Московский салон литераторов»

ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560

№ 2 (45) 2023

МОСКОВСКИЙ BAZAR

МОСКВА, 2023

Колонка главного редактора

Уважаемые читатели!

Так сложилось, что летний номер нашего журнала выходит постфактум, после двух важнейших событий российской истории: дня великой радости, дня стойкости советского солдата и советского народа – Победы над фашистской Германией, которую мы отмечаем 9 мая; и дня великой скорби – 22 июня, когда без объявления войны фашистская Германия напала на СССР. Эта война унесла миллионы жизней не только советских людей, но и других народов, тех, кто сражался бок о бок с нашими солдатами, и тех, кто воевал против нас.

Правда, память у некоторых народов оказалась короткой. Не хотят они помнить, что только Советский Союз за время этой войны потерял 26,6 млн человек. Не хотят помнить Бабий Яр и Хатынь, уничтоженных заживо в концлагерях детей, 872 дня блокады Ленинграда, расстрелянных, сожженных заживо, замученных, но не сдавшихся. Эта война коснулась каждой советской семьи, нанесла огромный экономический урон стране.

Но мы победили. И эта победа далась нам ценой огромных усилий, стала символом сплоченности и стойкости нашего народа.

Именно эта сплоченность и не дает покоя нашим врагам, которые в недрах «Бюро легенд» пишут методички, как обесценить эту Победу, как превратить подвиг народа в преступление. И вот уже появляются на радио передачи, на всю страну вещающие, что Ленинград нужно было сдать врагу, что сохранило бы сотни тысяч жизней, и вообще, проигравшие живут лучше победителей, а праздновать Победу просто неприлично, ибо это не праздник. Да, да, именно в таких пропагандистских кампаниях грамотные и хорошо обученные люди разрабатывают и применяют схемы дискредитации нашей страны. А потом на протяжении многих лет в фейсбуке (сеть, признанная экстремистской) наши же граждане, бывшие и не бывшие, пишут сочинения на тему «Почему я, а равно и мои близкие, не празднуем Победу». Причем им искренне кажется, что это они сами дошли до этой «гениальной» мысли. Так и хочется предложить этим людям открыть учебники истории и почитать, как все это время все народы именно праздновали Победу. Ибо это Праздник!

А чтобы не забывали, мы хотим открыть этот номер рубрикой «И ОТБЛЕСК ВЕЧНОГО ОГНЯ», где вспомним о подвиге нашего народа, том подвиге, оставшемся в истории, и этом, который совершается сейчас. Потому что враг не разбит, он снова перед воротами нашего дома, а значит, нам нужно снова сплотиться и снова победить.

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ

...И ОТБЛЕСК ВЕЧНОГО ОГНЯ

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ		6
ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ		7
ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ		7
ПОЛИНА ОРЫНЯНСКАЯ (Балашиха)		8
НИКИТА БРАГИН (Москва)		9
АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)		12

ИНТЕРВЬЮ

МАРИЯ СИДЛЕР (МОССАЛИТ, Москва): «Я ВЕРЮ, ЧТО ОДНА УЛЫБКА МОЖЕТ РЕШИТЬ ТЫСЯЧУ ПРОБЛЕМ...» <i>Интервью с детской писательницей. Специально для МВ</i>		15
---	---	----

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

АЛЕКСАНДР КОСТЕРЕВ (Санкт-Петербург)		
• НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ: В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ «СИСТЕМЫ КОШЕК»		22

ПРОЗА

НАТАЛЬЯ БАКИРОВА (г. Заречный, Свердловская обл.)		
• ВЕЧНЫЙ САД		31
НИНА ЛЕВИНА (Керчь)		
• ИЛЮШКА		35
• ДАМОЧКА С ФУРАЖКОЙ		40
НАТАЛЬЯ ЛАПШИНА (Набережные Челны)		
• ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ		44
• СЕКРЕТ ВОЛШЕБСТВА		48
ИЛЬЯ КРИШТУЛ (Москва)		
• УЧЕНИК И МАСТЕР		53
• ВЕЛИКИЕ ЖЕНЩИНЫ ЗНАМЕНИТЫХ МУЖЧИН		54

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

ПЕТР ДУБЕНКО (МОССАЛИТ, Москва)		
• «ПУГВИДОМ» – простые вещи говорят о сложном мире		58

ПОЭЗИЯ

БОРИС ПРАХОВ (Москва)	60
ОЛЬГА ФЛЯРКОВСКАЯ (Москва)	65
ПОЛИНА ОРЫНЯНСКАЯ (Балашиха)	68
ОЛЬГА ДРАГУНОВА (Москва)	70
ЮЛИЯ ПУЧКОВА (Москва)	71
ГАЛИНА КЛЮЧНИКОВА (Сергиев Посад)	73
ЮРИЙ ВОРОТНИН (г. Дедовск, Московская обл.)	75
<i>Призеры конкурса «Путевка в жизнь»:</i>	
СЕРГЕЙ БЕРСЕНЕВ (Москва)	78
МАРИЯ ДЕ ПАОЛИ (Санкт-Петербург)	79
СЕРГЕЙ ЕРЕМЕЕВ (Москва)	80
НАТАЛЬЯ КОЛМОГОРОВА (ст. Клявлино, Самарская обл.)	81
АЛЕКСЕЙ КУЗИН (г. Кротопкин, Краснодарский край)	82
ОЛЕГ ТОМСКИЙ (Санкт-Петербург)	82

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)	83
• СВОБОДНАЯ КАССА	

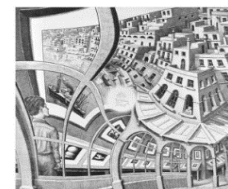
ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ЕЛЕНА ДОЛГИХ (Южно-Сахалинск)	86
• СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ	
ЕЛЕНА ПОНОМАРЕВА (Саратов)	89
• СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ	
МАРИЯ СИДЛЕР (МОССАЛИТ, Москва)	93
• ОСТАНОВИТЬ ВРЕМЯ	
• ПРИВИДЕНИЕ	101

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

МАРГАРИТА ГОЛОВАНОВА (Москва)	104
• ПРОСТО УЛИЦА НА ЮГЕ МОСКВЫ	

ГАЛЕРЕЯ BazART

ХУДОЖНИКИ ВЕРОНИКА АЛФЕРОВА И ГАЛИНА ВЯЗНИКОВА. <i>Выставка «Весенний воздух». 15 апреля 2023 г.</i>	114
ГАЛИНА ВЯЗНИКОВА (Москва)	114
• ЧИСТЫЙ БЕЛЫЙ ХОЛСТ, ДАВАЙ ПОГОВОРИМ?	
ВЕРОНИКА АЛФЕРОВА (Москва)	116
• МИР КАК ОБРАЗ	

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

АНАСТАСИЯ МИЛЮТИНА (Москва)

- Я ПОКАЖУ ТЕБЕ УЗБЕКИСТАН. ЧАСТЬ 2. Хроники одного путешествия

117

В оформлении журнала использованы репродукции картин и иллюстрации М. Эшера, Г. Вязниковой, В. Алферовой, фотографии из авторских архивов М. Сидлер, М. Головановой, П. Дубенко, А. Захаринского, А. Милютиной, фотоархивов МОССАЛИТа, открытых интернет-источников.

На обложке:

Галина Вязникова. Крымские маки. 2023 г.

Руководитель проекта Ольга Грушевская
 Главный редактор Светлана Сударикова
 Редактор-корректор Ирина Чижова
 Художественный редактор Ольга Грушевская

Кураторы рубрик:

«Проза» – Светлана Сударикова
 «Поэзия» – Алексей Казарновский, Ольга Уваркина, Юлия Сорокина
 «Культурное наследие» – Ольга Грушевская, Светлана Сударикова
 «Частная территория» – Светлана Сударикова
 «Публицистика», «Голос прошлого – литературная критика» – Петр Дубенко
 «BAZART» – Ольга Грушевская
 «Записки на манжете» – Ольга Рыбакова
 «Детское чтение» – Ольга Уваркина
 «Собираем чемоданы» – Анастасия Милютина

Журнал выходит в рамках проекта творческой мастерской «МОССАЛИТ»

www.moscowbazar.com

© МОССАЛИТ

...И ОТБЛЕСК ВЕЧНОГО ОГНЯ

Арсений Тарковский (1907–1989)

Суббота, 21 июня

Пусть роят щели хоть под воскресенье.
В моих руках надежда на спасенье.

Как я хотел вернуться в до-войны,
Предупредить, кого убить должны.

Мне вон тому сказать необходимо:
«Иди сюда, и смерть промчится мимо».

Я знаю час, когда начнут войну,
Кто выживет, и кто умрет в плену,

И кто из нас окажется героем,
И кто расстрелян будет перед строем,

И сам я видел вражеских солдат,
Уже заполонивших Сталинград,

И видел я, как русская пехота
Штурмует Бранденбургские ворота.

Что до врага, то все известно мне,
Как ни одной разведке на войне.

Я говорю — не слушают, не слышат,
Несут цветы, субботним ветром дышат,

Уходят, пропусков не выдают,
В домашний возвращаются уют.

И я уже не помню сам, откуда
Пришел сюда и что случилось чудо.

Я все забыл. В окне еще светло,
И накрест не заклеено стекло.

1945 г.

Юрий Левитанский (1922–1996)

Ну что с того, что я там был.
Я был давно. Я все забыл.
Не помню дней. Не помню дат.
Ни тех форсированных рек.

(Я неопознанный солдат.
Я рядовой. Я имярек.
Я меткой пули недолет.
Я лед кровавый в январе.
Я прочно впаян в этот лед —
я в нем, как мушка в янтаре.)

Но что с того, что я там был.
Я все избыл. Я все забыл.
Не помню дат. Не помню дней.
Названий вспомнить не могу.

(Я топот загнанных коней.
Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня.
Я бой на дальнем рубеже.
Я пламя Вечного огня
и пламя гильзы в блиндаже.)

Но что с того, что я там был,
в том грозном быть или не быть.
Я это все почти забыл.
Я это все хочу забыть.
Я не участвую в войне —
она участвует во мне.
И отблеск Вечного огня
дрожит на скулах у меня.

(Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
от той зимы, от тех снегов.
И с той землей, и с той зимой
уже меня не разлучить,
до тех снегов, где вам уже
моих следов не различить.)

Но что с того, что я там был!..

Владимир Высоцкий (1938–1980)

Братские могилы

На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают,
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают.

Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче — гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы —
Все судьбы в единую слиты.

А в Вечном огне виден вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.

У братских могил нет заплаканных вдов —
Сюда ходят люди покрепче.
На братских могилах не ставят крестов,
Но разве от этого легче?..

1964 г

Полина Орынянская (г. Балашиха)

Послушай, дед Володя, новостей.
Смотри, как наши фрицев кроют «Градом».
Ты видел эту мразь под Сталинградом,
ты до Берлина гнал таких гостей.

Они вернулись. Долго ждали, дед,
чтоб заросли окопы и воронки,
истерлись да истлели похоронки
и выцвел твой единственный портрет.

Мне, знаешь, дед, уже за пятьдесят.
Ты спишь давно у церкви под Можайском.
Вокруг сирени зацветают к майским,
в монастыре по праздникам звонят.

Леса, поля, насколько хватит глаз,
Москвы-реки серебряная кромка...
Прости мне, дед, что в мире снова громко.
Там ничего не поняли про нас.

Теперь вот наши объясняют им.
С трудом, но потихонечку доходит.
Все будет, как мы любим, дед Володя.
Мы победим.

Из ночи в ночь, листая дни назад,
прислушиваюсь к боли и тревоге.
Во мне режут военные дороги,
во мне поля разрывами гремят.
Стрелковый бой. Солдатский мат.

Ах мальчики! В глазах и свет, и мгла.
Во мне давно не нервы, а растяжки.
Когда бы рождена была в рубашке,
сдирая кожу, вам бы отдала.
Пускай среди расхристанных дорог
хранит вас Бог.

Живущая под крыльями Его,
я думаю – не вы ли эти крылья?..

Белесого рассвета рождество.
Уходит ночь, и тьма ее бессильна.

Ты все еще думаешь, что война где-то там?
Что живые и мертвые – это статистика?
Война идет за тобой по пятам,
а у тебя все спокойно, привычно, чистенько.

Ну конечно, мил человек не любит грязь,
мат, ярость, ненависть и прочее.
Вы там работайте, братья, перекрестясь,
а мы посмотрим, чем дело кончится.

Это ж слово какое неловкое – патриот,
все в нем поля, березки, деды да иконы.
А тебе-то придумали красивое имя вот –
эскапист эпохи Армагеддона.

А если на кухню твою завалятся тучи врагов,
ты же сразу – ух! Ты ж не робкий!
Ты как выскочишь, как выпрыгнешь из штанов
и заявишь им, что на все готов
ради жизни и миски похлебки.

Ни корней, ни чести, только животный страх.
Из таких, готовых на все, потому что страшно,
из таких, как ты, лепили капо в концлагерях –
диких зверей, изгоев и нелюдей... А пока что

убеждай себя, мученик больших перемен,
в своем надмирном величии, в парении над
суетою.
Мне плевать на тебя с обугленных стен,
которые мы потом отстроим.

Никита Брагин (Москва)

Священная весна

Перекоп

На пустынной равнине у мертвых озер
тонкой рябью, дрожащей от зноя,
горизонт расплывается, зыбкий узор
совмещает с небесным земное,
и палит все сильней, и вдали все черней,
и горячей золой потянуло,
и мерещатся гривы летящих коней,
и кипящие тучи в нарывах огней,
и раскаты подземного гула.

То из прошлого – беглый огонь батарей,
батальоны идут на Литовский,
и ладони раскинул апостол Андрей,
застывая в прицеле винтовки,
и каховская кровь прямо в соль Сиваша
иссякающими родниками
потекла и горит как вино из ковша,
и сквозь пух облаков улетает душа,
и остались железо и камень.

Это память и родина, ветер и путь,
это зарево, пепел и слово,
это кровь обратилась в гремучую ртуть,
и по сердцу грохочут подковы...
Красным – кровь и огонь, белым – свет и слеза,
между ними лазурь небосвода,
и смолой золотою текут образа –
но когда же покинут война и гроза
неделимую душу народа!

Из стольного Киева

Принеси же из стольного Киева
крестик медный, крупинку святыни,
и судьбиной своей обреки его
на дороги, просторы, пустыни,
и на север, в леса заповедные
отправляясь путем всей земли,
сохрани, как молитву заветную,
и печали свои утоли.

И когда совершится не правое
расторжение крови и веры,
и когда над Печерскою лаврою
в грозной хмари завоят химеры –
ничего не добьются преступники
в черном аде костров и костей,
потому что душа неприступнее
всех утесов и всех крепостей.

Потому что ни кровью, ни копотью
не замазать пресветлого лика,
и бесовскому свисту и топоту
не прервать литургии великой –
не бывает Господь поругаемым,
и во тьме не смеркается свет...
Помолись за спасенье Украины,
даже если спасения нет.

Медный бунт

Не палят на Двору Государевом
наведенные в грудь пищали,
и не видно ни дыма, ни зарева –
отчего же столько печали,
отчего в зеленом безмолвии
ненаглядных древних дерев
видишь рваные корни молнии,
под корой укрывшийся гнев?

Медный звон под корой и под ребрами,
в помертвевшем и душном полдне –
время смутное, время лобное,
не тебя ли слышу и помню?
Не твоя ли бьет артиллерия
в летний праздник да по своим,
не тобой ли рвутся артерии,
не в тебе ли по горло стоим?

Все отравлено и растрчено,
от воды ключевой до елея,
медный мрак на глаза незрячие
опускается, тяжелея...
В синем небе демон карающий
пролетел, трубя и губя,
в чистом поле брат умирающий
отрекается от тебя.

Все кружится и вьюжится,
рыдая на бегу
до льдистой красной лужицы,
протаянной в снегу,
до нашей скорби угольной
и горьких черных слез
по всей стране, поруганной
и втопанной в навоз.

Пора скорбеть и каяться
в беспамятных страстях,
но верба распускается
на плачущих ветвях,
но колыбелью солнечной
раскинулась весна,
а в тихой звездной полночи
такая глубина...

Но как собрать единое –
где зерна, где ростки?
Ладонью, словно льдиною,
касание руки...
Слова чадят как факелы
анчаровой смолы,
и молча плачут ангелы
на острие иглы...

Хоть рыдай не рыдай, хоть кричи не кричи,
по притихшей Одессе идут палачи,
против них ни пройти, ни проехать,
против них ни речей, ни горящих очей,
ни железных дверей, ни заветных ключей –
им убийство всего лишь потеха.

Не поймешь, не проймешь, не раздавишь как
вошь,
ибо каждый из них и пригож, и хорош –
сам затопчет, кого пожелает;
будут кости хрустеть как во рту леденец,
и прольется свинец, и наступит конец –
аж вода помертвевает живая...

...Стало горе горчее, война – горячей,
в медсанбат на носилках внесли палачей,
за погибших поставили свечи;
уцелевший на землю кладет автомат –
он без памяти рад, он же русскому брат,
а Россия и кормит, и лечит.

Еще есть время, брат

*There is still time... brother
(from «On the Beach»,
Stanley Cramer, 1959)*

В чем сила, брат? Обожжена броня,
разбит бетон, щетиной арматура –
у смерти не бывает перекура,
она не утомится, хороня.
В чем сила? В мураве под сапогом,
в сырой земле под гусеницей ржавой,
в России, что превыше, чем держава,
и в памяти о самом дорогом.

В чем совесть, брат? Опять берешь займы,
и думаешь, как избежать уплаты
и как достроить, наконец, палаты,
с эмблемой в виде нищенской сумы...
В чем совесть? В неиспользованной лжи,
в тяжелом неразряженном патроне,
и в тех, кто голову в земном поклоне
склонил, за други душу положив.

В чем правда, брат? А в том, что все умрут –
и те, кто разжигал, и те, кто тушит,
кто слышал все, кто ничего не слушал,
кто бросил все, кто продолжал свой труд.
В чем правда? Здесь по-русски говорят,
но детский плач повсюду одинаков.
Сейчас твоих детей пошлют в атаку.
Останови. Еще есть время, брат.

Красный и белый

Алый плющ на стене белокаменной,
пятна крови на белой рубашке,
ликование жаркого пламени
над покровами бледного праха.
От взаимной вражды обессилев,
белый с красным слились и застыли,
лед с огнем породили слезу,
а она в багрянице заката
сочетает осеннее золото
и вечерних небес бирюзу.

А потом на дороги разбитые
льется дождь, и раскисшую глину
воронье взбивают копытами,
и ободьями наполовину
в этой жиже ползут трехдюймовки,
с карабинами наизготовку
мужиков конвоиры ведут,
веет копотью, кровью, навозом,
смерд тифозный плывет за обозом,
труп лежит – и раздет, и раздут.

Первым снегом укрой, бледным саваном
эту ниву, село и дорогу,
замети эту землю кровавую,
чтоб не видеть ее, ради Бога!
чтобы кровь под бинтом снежно-белым
упокоилась и отболела,
чтобы насмерть замерзла война,
и – ни стали, ни слез, ни развалин,
только шепот апрельских проталин,
только майских садов тишина.

Отпою, отмолю, убаюкаю,
как умею, своими словами,
перед мороком, мраком и муками.
Сам Господь осенил образами
эти зори, пожары и раны,
эту изморось, эти туманы,
этих скорбных снегов чистоту.
Припадаю в последнем поклоне,
а в глазах – словно белые кони
загораются на лету.

Анна Народицкая (МОССАЛИТ, Москва)

С нами Бог

(Из письма солдатам, январь 2023 г.)

Святая Русь так велика,
Что злая тянется рука
Кусок жирнее отщипнуть!
Ударить в тыл, изранить грудь,

И изорвать со всех сторон,
Что б больше нанести урон!
А после обвинить страну
Сказав, что подлую войну

Она затеяла сама,
Дабы наполнить закрома,
Ограбить, притеснить народ...
Да нет же! Все наоборот!

Веками рвутся к нам враги,
Чтоб грабить и трясти долги!
Им в глубине страны с руки
Растить предателей полки,

Ведь если в дом пришла война,
Для трусов Родина – тюрьма.
Они, сбегая впопыхах,
Винят всех в собственных грехах!

А парни, павшие в бою,
Любили Родину свою!
России смелые сыны
Остались Родине верны,

Уйдя отважно защищать
Страну и дом, жену и мать,
Донецк, Луганск от силы тьмы.
Их вечно помнить будем мы...

А кто сбежал, поджав хвосты,
Теперь с нацистами на «ты»
Признав, что стыдно русским быть!
Увы, такое не забыть!

Неужто, правда, невдомек,
Что свой получите урок!
Но будет поздно бить в набат
И разбирать, кто виноват.

Где ложь похвальна – вам туда!
Быстрее бегите, господа,
И отрекайтесь от Руси!
Вернуться – боже упаси!
Издаেকে ругайте нас.
А с нами Бог! И Он нас спас!

Молитва воина

(Из письма солдатам, январь 2023 г.)

Я дойду обязательно! Все дотерплю,
И с победой нас встретят родные!
Пусть сейчас я устал и ночами не сплю,
Таковы наши скорби земные.

Мы за Родину вместе и с Богом всегда!
Отступать ни к чему пред врагами!
Восстановим из пепла мы все города,
Оскверненные их сапогами.

Только ждите и крепко молитесь за нас!
Та молитва спасет нас от смерти!
И настанет тот день, и настанет тот час,
Когда мы к вам вернемся, поверьте!

Сказ о печальке американского президента

Как-то, в сумрачный момент,
Американский президент
Захотел себе оттяпать
От Евразии фрагмент!

Встав, видать, не с той ноги,
Объявил, что «там враги»!
Был в таком он настроеньи,
Что перечить не могли!

Дал министрам свой наказ,
Тайный подписал указ
И настроил всю Европу,
Как бывало – и не раз.

Мол, Россия террорист!
Скоро наш капиталист
Будет слушать вместо птичек
Вой сирен и пули свист.

Но Россия велика,
Не дотянется рука,
Так что въехать к ним на танке
Не получится пока.

И, подумав, президент
К нам отправил контингент,
Чтоб сомнения посеять
Средь людей на тот момент.

А шпионы, ты смотри,
Стали гадить изнутри!
Правду кривдой измарали
Не отмоешь, как ни три.

Нам внушали тридцать лет,
Что у нас талантов нет,
И для нас США с Европой –
Образец-авторитет!

Что свобода есть одна –
Лишь на западе она!
Там уже и пол меняют,
Хочешь – муж, а хошь – жена.

А теперь нам говорят:
«Жизнь в России – это ад!
Не проводят гей-парады
И рожают все подряд!

Там два пола только есть,
А в Европе их не счесть!
Вы нам верьте! Мы за правду!
Мол, несем благую весть!»

Вот – свобода из свобод!
Пусть моральный ты урод
Но когда урод богатый,
То уроду смотрят в рот.

Долго Родина спала.
Уж такие вот дела...
А пока мы крепко спали,
К нам под бок беда пришла.

Вдруг откуда ни возьмись
НАТО к нам подобралась!
Понатыкали ракеты
Всюду, где ни повернись.

Врут, не жмуря наглых глаз,
Мол, ракеты не для вас,
Мы ученья тут проводим
На Луганск и на Донбасс.

Это даром не прошло,
Восемь лет творилось зло!
Ничего себе ученья –
Сколько люду полегло!

А украинский народ
Понял все наоборот:
Он давно уже Европе
Вожделенно смотрит в рот.

Им, наверно, невдомек –
Есть у дедушки щенок,
Лизоблюд по кличке Зея,
Очень странный паренек.

Верный песик-наркоман
Лезет в западный карман.
Он у них всё деньги клянчит,
Чтоб купить себе дурман.

Украина верит им,
Славным спонсорам своим,
И мечтает стать Европой,
Отобрав у русских Крым.

Но всему же есть предел –
Мало ль кто чего хотел!
Вы куда полезли, черти?
Натворили столько дел!

С детства знаем мы наказ:
Кто прижал тебя хоть раз,
Будет дальше это делать.
Нужно первым вдарить в глаз!

Вот российские войска
Поднатужились слегка
И решили разобраться,
Чья тут прячется рука.

Удивился в тот момент
Американский президент.
Он достал пакетов пачку,
Чтоб закончить инцидент.

Десять санкций ввел дедок!
Резал вдоль и поперек,
Всю Европу искалечил
И на холод их обрек.

Опечален старый дед:
«Это все какой-то бред!
Нам самим уж стало плохо,
А России дела нет!

Что же это за страна?
Может, я сошел с ума?
Вот уж год они воюют,
А у них полна казна!

Скажем “раз”, они нам – “два”,
И не действуют слова,
Мы у них отжали деньги,
Ну а им все трын-трава!

Что-то нам не повезло,
Бьем все мимо как назло!
Как мы что у них порушим –
Вдвое сразу приросло...

Уж не знаю почему,
Только в толк я не возьму,
Как мы только ни старались,
Не идут они ко дну!

Сыт я этим всем сполна!
Передышка мне нужна,
Что-то стал я падать с трапа –
То России всё вина!»

Эх ты, горе старичок,
Прикусил бы язычок!
Лучше пей свои таблетки –
И к супруге под бочок!

Наша славная страна
Очень Господу нужна!
Так что все у нас в порядке,
Далеко еще до дна!

Вот такой уж мы народ,
Все у нас наоборот,
Сколько б нас ни обижали,
Только движемся вперед.

Значит, так тому и быть –
Нас врагу не победить!
Мы великая держава,
Не советуем дерзить!

ИНТЕРВЬЮ

Специально для МВ

Мария Сидлер (Жаворонкова)
(МОССАЛИТ, Москва)

«Я верю, что одна улыбка может решить тысячу проблем...»

Интервью с детской писательницей

В гостях у журнала «Московский BAZAR» писательница Мария Сидлер, член международного союза писателей «Новый Современник», член творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ), член Союза детских и юношеских писателей «СоюзДетЛит», участник и призер различных сетевых литературных конкурсов, в том числе неоднократный призер конкурсов литературного портала «Что хочет автор?» и издательства нового поколения «ВВверх!», участник благотворительного проекта «Сказка всем», благотворительного проекта в поддержку животных «Мой друг человек», проекта терапевтических сказок «Волшебный мамин сундучок». Произведения Марии неоднократно издавались в различных сборниках и альманахах. В 2010 году в издательстве «Новый Современник» вышла книга для детей 5–8 лет «Тигруша ищет папу», в 2023 году в издательстве «Вверх!» издан сборник фантастических историй для детей 9–12 лет «Встречаемся в будущем!».

Работает в жанрах фантастики, фэнтези и сказки.

МВ: Мы уже давно с тобой знакомы, и я ни разу не видела тебя в плохом настроении, ты всегда улыбаешься, всегда доброжелательна и открыта. Это позитивное отношение к жизни вдохновляет тебя писать книги для детей, или наоборот – соприкосновение с миром детства приводит к тому, что ты умеешь радоваться жизни? То есть что первично: позитивное отношение к жизни и как результат – книги для детей и юношества, или книги для детей и юношества и как результат – позитивное отношение к жизни?

МС: Вот он, вечный вопрос о первичности того или иного! Наверное, у меня нет четкого ответа. Все сразу. Я действительно чувствую в себе некую «детскость». Ну то, что в народе называют «детство где-то там играет». Вот оно во мне играет, пузырится, точно шампанское, и создает хорошее настроение.

А если серьезно, то считаю, что жизнь слишком коротка, чтобы разменивать ее на недовольство окружающим миром. И верю, что одна улыбка может решить тысячу проблем, в том числе внутренних. Мое позитивное отношение к жизни рождает потребность писать детские книги, а детские произведения добавляют мне внутреннего позитива. Замкнутый круг.

МВ: *Почему взрослый человек вдруг начинает писать книги для детей? В интервью издательству «Вверх!» ты сказала: «начала писать для своих дочек, тогда еще совсем маленьких. Мне захотелось оставить им на память образ мамы через слово». Но ведь одного нашего желания недостаточно, чтобы стать детской писательницей, придумывать истории, которые будут понятны детям. Для этого нужно проникнуть в мир детского сознания, в общем-то стать немного ребенком. Поэтому у меня вопрос: как ты считаешь, детский писатель – это взрослый ребенок? Или есть какая-то тайна – как стать детским писателем?*

МС: Начну с того, что пишу не только детскую литературу, но и прозу для взрослых тоже. Но дело в том, что детские книги мне интереснее писать потому, что дети более открыты миру. Так же, как я сама. С детьми и подростками на одной волне стараюсь быть – своим дочкам нотаций не читаю, не изображаю всезнающую маму. Но они точно знают, что всегда могут ждать от меня поддержку и помощь. Я – мама-друг. Есть такой типаж в психологии. Вот детский писатель в моем представлении – это тоже такой взрослый друг детей. Он не должен уподобляться ребенку, но понимать, принимать и помогать – его миссия. Через литературу это сделать гораздо удобнее – всегда можно донести свою мысль через главных героев, сюжет.

МВ: *И в продолжение предыдущего вопроса. Многие творческие люди утверждают, что сюжеты к их произведениям приходят откуда-то «оттуда», как будто кто-то надиктовывает или показывает образы. Знаешь, мне кажется, что есть какой-то особый канал, через который и приходят сюжеты именно детской литературы, доступный определенным людям, далеко не всем писателям. У каждого творческого человека своя творческая миссия. Но писать для детей – особая ответственность. Маленький человек не способен увидеть зло в личине добра, он искренен и доверчив, все принимает за чистую монету. Как ты думаешь, быть детским писателем – это особая миссия, или такая же, как у любого другого писателя? И чувствуешь ли ты свою ответственность за неокрепшие детские души, которые будут читать твои книги?*

МС: Согласна: главное – не злоупотреблять, не нести детям что-то плохое, злое. А вот все светлое и доброе – нести обязательно. Это действительно очень ответственно. Поэтому детские произведения отбирают во всех редакциях особенно тщательно. И личная ответственность автора тоже существует. Например, когда придумываю сюжет, всегда стараюсь в первую очередь сама себе ответить на вопрос: «А чему научит этот рассказ детей?»

Но прямое морализаторство в детских и тем более в подростковых произведениях тоже стоит оставить за рамками текста – они это почувствуют и не примут. Проверено. Однажды написала рассказ на вполне актуальную тему – про детские самоубийства по указаниям через интернет, типа сообщества «Синий кит» или что-то в этом роде. Но я же не только автор, я же мама! И, видимо, перестаралась с моралью. Так в отзывах мне многие ребята из фокус-группы так и написали: «Автор, нам и в школе морали хватает! Мы все знаем!» В общем, тот рассказ не прошел в сборник. Пока лежит, ждет редактуры и своего часа.

Но да, важно и свой жизненный опыт тоже в книги вкладывать. Я многое брала в детстве из книг.

Что же касается про сюжеты «оттуда», портал и особую связь с космосом... По-разному бывает. Иногда рассказ или сказка рождаются из самых простых бытовых сюжетов – ведь главное взглянуть на них под другим углом, например магическим. В рассказах о будущем я придумываю такой мир, в котором хотела бы жить сама. А первый рассказ о Ваське и Тошке я придумала в метро, вспомнив любимого Рэя Брэбери. Но бывают сюжеты и «оттуда» – во сне может присниться и не отпустит, пока на бумагу не выложишь.

МВ: *Что такое вдохновение? Нужно ли оно для того, чтобы писать? Или «ни дня без строчки», как сказал Ю. Олеша?*

МС: Вдохновение, как и аппетит, приходит во время еды, то есть письма. У меня все зависит от ситуации. Иногда есть вдохновение – нет времени. Иногда наоборот. Стараюсь записывать какие-то обрывки мыслей в моменты, когда они приходят, чтобы потом, когда будет время, развить их в сюжет и не ждать никаких озарений. Есть еще такое понятие, как дедлайн сдачи рукописи на конкурс, поэтому я свое вдохновение под эти рамки подстраиваю.

МВ: *Что ты чувствуешь, когда завершаешь работу над книгой?*

МС: Сначала хотела сказать удовлетворение. Но потом поняла, что это будет неправда. Когда заканчиваю рукопись, то чувствую страх. Первая мысль после отправки текста в редакцию: «А вдруг я написала такую ерунду, что дети не примут?» Поэтому удовлетворение я испытываю, когда читаю детские отзывы и вижу в них ответ на свой вопрос – нет, не ерунда! Вообще никогда не бываю на сто процентов довольна текстом – всегда найду, что можно отредактировать.

Хотя когда из типографии пришла уже готовая книга «Встречаемся в будущем!», почувствовала гордость. Она и правда очень интересной получилась. Не только сюжетно, но и концептуально – книга выполнена в стилистике скетчбука-дневника. В ней много интерактивных заданий, где ребята могут проявить свою фантазию и даже написать самому себе письмо в будущее. Это издатели постарались. Вернее, мы все вместе работали над книгой. Даже моя старшая дочь выступила в роли художника-оформителя, рисовала внутренний блок – там много рукописных вставок, всяких финтифлюшек, которые девочки рисуют в дневниках. Ведь по сути книга «Встречаемся в будущем!» – это дневник девочки Василисы из будущего. А вот как он попал в наш век, можно прочесть в книге.

МВ: *А что чувствуешь, когда вдруг в голове возникает сюжет новой книги или нового рассказа?*

МС: Чувствую одно – надо записать, пока не забыла! Уже говорила, что сюжеты часто приходят неожиданно. И почти всегда не вовремя.

МВ: *А дети, они какие читатели: вредные, благодарные, бескомпромиссные, требовательные или, наоборот, нетребовательные и им все равно? И какими бы ты хотела видеть своих читателей?*

МС: Мне повезло – у меня есть постоянная читательская аудитория благодаря концепции Издательства нового поколения «ВВЕРХ!». Это фокус-группа ребят от 7 до 14 лет, которые

читают и отбирают произведения для печати. Дети абсолютно разные, но всех объединяет одно – они любят много читать. К слову, это не такая уж и редкость, вопреки расхожему мнению, что нынешние дети не читают. Работа издательства доказывает обратное – фокус-группа постоянно расширяется, приходят чуть не целыми классами. Отзывы, которые получаю и я, и другие авторы, конечно, разные. Бывают и бескомпромиссные: «Класс!» или «Не понравилось!». А бывают настолько вдумчивые, что впору ребенку сразу в критики идти: такой тонкий анализ – Белинский обзавидовался бы. На встречах в библиотеках мои читатели с удовольствием слушают и дискутируют о рассказах. На книжных ярмарках и фестивалях я тоже вижу своих читателей. Равнодушных среди них точно нет.

МВ: У тебя есть обратная связь с читателями? Ведь писателю всегда хочется знать, что думают о его книгах читатели, а сейчас много доступных средств общения.

МС: Собственно, благодаря большому числу положительных отзывов ребят из фокус-группы и появилась на свет моя книга «Встречаемся в будущем!». Ребятам так полюбились близнецы Васька и Тошка и их приключения в сборниках, что в один прекрасный день издатели предложили мне дописать новые рассказы, объединить их единой концепцией и выпустить отдельной книгой. Самые яркие отзывы даже вынесены на обложку и отдельную страничку внутри книги – это ведь лучшая рекомендация.

МВ: Ты пишешь с 2009 года, и в твоём багаже достаточно публикаций и авторских книг. А что ты почувствовала, когда было опубликовано твоё первое произведение?

МС: Сейчас, наверное, не вспомню, что именно было первым опубликовано. Да и не важно. Когда текст опубликован на бумаге, я как-то перестаю воспринимать его личной собственностью. Он теперь живет самостоятельной, взрослой жизнью. Такая вот сепарация. Но точно помню, что чувствовала, когда выходили в печатном виде значимые для меня тексты, например сказочная повесть «Тигруша ищет папу». Я поняла тогда, что написала очень знаковую для себя вещь – книга посвящена моей младшей дочери. Кстати, именно эта сказочная повесть определила мой вектор развития в сторону детской литературы.

МВ: *Недавно в издательстве «ВВерх!» вышла твоя новая книга «Встречаемся в будущем!». Расскажи поподробнее об этой книге – где ее можно приобрести, а также о твоём сотрудничестве с издательством «ВВерх!».*

МС: Кажется, я почти всё интервью рассказываю о книге и об издательстве, потому что они неразрывно со мной связаны последнее время. Или это я с ними. Но с удовольствием расширю знания читателей «МВ».

Издательство нового поколения «ВВерх!» – это уникальное молодое издательство. Его создали два года назад две Веры: Вера Полонская из Саратова и Вера Шумкова из Новосибирска. Их слоган: «Нас выбирают дети!». И это не просто слова, это как раз принцип того самого нового поколения – ребята сами выбирают, что им читать. Основное, что отличает это издательство от прочих, – подход к выбору произведений для выпуска книг. Все рукописи проходят строгий анонимный отбор большой детской фокус-группы от 7 до 14 лет – целевой аудитории издательства. Ребята оценивают произведения взрослых авторов по критериям, которые предоставляет им издательство, выставляют свои оценки, после чего редакция выводит рейтинг. Только тексты, набравшие высокие баллы, отбираются в сборники рассказов. Сейчас у издательства выпускаются две серии «Прочитай и раскрась» и «Книга с письмом». По такому же принципу издаются и авторские книги.

В издательство я тоже попала через конкурс. Прислала в 2019 году один из старых рассказов «Где найти деда Мороза?». Он еще на «ЧХА» до сих пор на страничке висит. Детям понравился и был издан в самом первом сборнике «Давай дружить!». А мне так понравилась обратная связь от детей и энергетика, которая исходила от обеих Вер, что я пришла и на второй конкурс. Ну а дальше, как говорится, затянуло. Апофеозом нашего сотрудничества случилась моя сольная книга фантастических историй о Ваське и Тошке «Встречаемся в будущем!».

Василиса (дома ее зовут Васька) и ее брат Тошка – добрые, но чрезвычайно любопытные подростки. Они постоянно ищут приключений – то с киборгом подружатся, то пришельцу помогут, то в прошлое сгоняют. Но благодаря рассудительности сестры и изобретательности брата все их истории с хорошим финалом. И несмотря на огромное количество гаджетов, которые окружают людей в будущем, самым главными ценностями ребята считают дружбу, взаимопомощь и доброту.

МВ: *Помимо книг для детей и юношества ты пишешь и рассказы для взрослых и планируешь выпустить отдельным сборником. Скажи, для кого писать проще: для детей или для взрослых? Хотя слово «проще» звучит в данном контексте немного странно, все непросто, и все же...*

МС: Да, хотела бы выпустить книгу рассказов для взрослой аудитории, но пока это в планах. Повторюсь: писать для детей мне интереснее. Когда пишу для взрослых, это скорее

саморефлексия, то есть моей целевой аудиторией являюсь я сама – отрабатываю письменную практику собственных болей. В текстах для детей такого не бывает.

МВ: *Кроме художественной литературы ты также работаешь в жанре публицистики, пишешь для нашего журнала статьи об искусстве. Особенно по следам выставок: Дюрера, Врубеля. Что для тебя живопись? И есть ли любимые художники, любимые направления в искусстве?*

МС: Кстати, давно ничего не писала на тему искусства. Надо будет сходить на какую-нибудь хорошую выставку и написать для «МВ». Наверное, не смогу назвать любимых художников, кроме моей двоюродной сестры, Ольги Гуревич. Я достаточно всеядна в искусстве, за некоторым исключением в любом направлении. Так, из сюрреалистов я люблю Дали и Магритта, но совершенно не понимаю Макса Эрнста. Обожаю Шагала, но не восхищаюсь Малевичем. Врубель, кстати, один из моих любимых художников. Он поражает своим гением и своим безумием. Вообще живопись для меня портал в другой мир, например картины Гедиминаса Пранкевичуса или Яцека Йерка точно ведут в параллельные вселенные. Вот уж кто черпает вдохновение и сюжеты «оттуда», так это художники и скульпторы. Часто, когда смотрю на полотна, ощущаю соприкосновение с другой вселенной, не всегда дружелюбной. И, конечно, искусство в целом, не только живопись, это источник вдохновения.

МВ: *Что ты делаешь, когда остаешься одна дома? Ну вот так получилось, что дети разбежались по своим делам, писать не хочется, чем ты заполняешь высвободившееся время?*

МС: Вот как раз если остаюсь одна, мне писать хочется. Это единственное время, когда можно создать свой мир. Так что беру ноутбук и пишу. Если уж совсем не пишется – всякое бывает, занимаюсь йогой. Чтобы после все-таки начало писаться. Йога очень стимулирует мозговую деятельность.

МВ: *А ты любишь готовить? Какое у тебя любимое блюдо?*

МС: К готовке отношусь без фанатизма. Люблю скорее не сам процесс, а его результат и радость семьи или друзей, когда они едят и хвалят. Люблю быстрые и вкусные рецепты, особенно итальянскую и средиземноморскую кухню – беспроигрышные варианты.

МВ: *Ты амбициозна? Есть у тебя планы покорить детские сердца всей планеты?*

МС: Да. Слава Джоан Роулинг не дает мне спать спокойно. Без шуток. Я ее очень уважаю и стремлюсь повторить успех.

МВ: *Как относятся к твоему творчеству близкие, особенно твои девочки?*

МС: Об этом лучше их спросить. В целом поддерживают, гордятся. Надеюсь, что своим детям они будут читать сказки и рассказы, которые написала бабушка.

МВ: *У тебя три очаровательных собачки. Я знаю, ты любишь животных и даже участвовала в благотворительном проекте в поддержку животных «Мой друг человек».*

Московский BAZAR № 2 (45) 2023

Скажи честно, твои собачки являются твоими соавторами? Или они критики? Или просто наблюдатели процесса?

МС: Мои собачки являются всем сразу. У меня есть Telegram-канал, где я частично освещаю их жизнь. Есть рассказы, где главные герои – таксы. А вообще в планах написать отдельную книгу о приключениях трех такс. Осталось время найти на все задумки.

***МВ:** Ты любишь путешествовать и много путешествовала, а была ли в твоей жизни какая-то поездка, которая послужила толчком к написанию нового рассказа?*

МС: Таких поездок много. Кстати, последний рассказ в книге «Встречаемся в будущем!» написан по следам печальной истории затопленного города Молога. Я как раз прошлым летом отдыхала с семьей на Рыбинском водохранилище. Меня так тронула история, что в рассказе я спасла город с помощью Васьки, Тошки и машины времени.

***МВ:** И последний вопрос: каковы твои планы на будущее? Есть ли в ближайшей перспективе нова книга?*

МС: Во-первых, в апреле вышел сборник рассказов о Великой Отечественной войне «Наша Победа», где издан мой новый рассказ «Ночной гость» о слепом мальчике из 1943 года. В планах – чтобы его прочло как можно больше ребят. Рассказы в сборнике все очень достойные. Во-вторых, ориентировочно в ноябре в издательстве «ВВЕРХ!» выйдет книга с новогодними историями, где и моя точно будет. Называется «Мандарины для ангела».

А в самой ближайшей перспективе жду результатов очередного этапа издательского проекта «Напишем книгу», где фокус-группа оценивала фэнтези-повести. Если ребятам понравится кусочек рукописи и синопсис, которые я прислала, то к концу этого года выйдет еще одна авторская книга для подростков. И еще недавно подавала рассказы для книги для первоклашек. И здесь тоже ожидаю решения самого строгого жюри – детского. Так что держим кулачки на удачу.

***МВ:** Спасибо, Маша, за искренние ответы и за то, что в своем плотном графике нашла время для интервью нашему журналу.*

Книгу «Встречаемся в будущем!» наши читатели могут приобрести как в интернет-магазине издательства, так и на маркетплейсах: «Озон», «Вайлдберриз» и «Лабиринт».

<http://knigivverh.tilda.ws/>

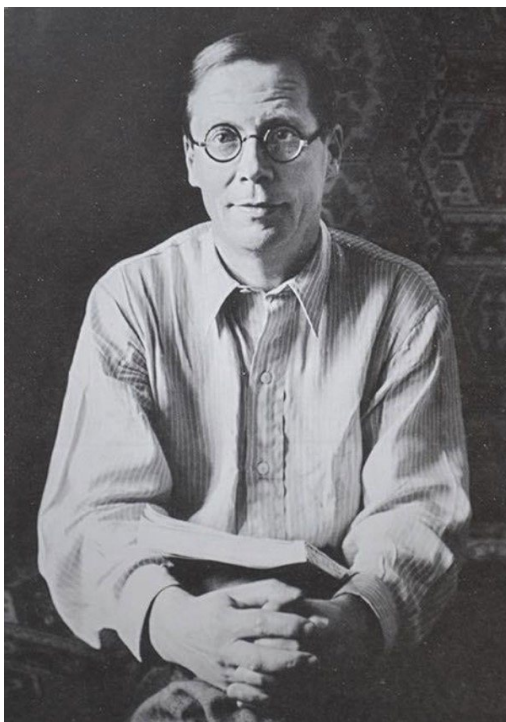
<https://www.labirint.ru/books/934731/>

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Александр Костерев
(Санкт-Петербург)

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ: В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ «СИСТЕМЫ КОШЕК»

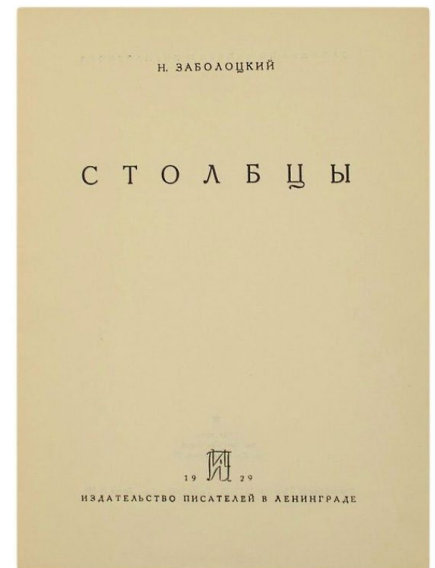
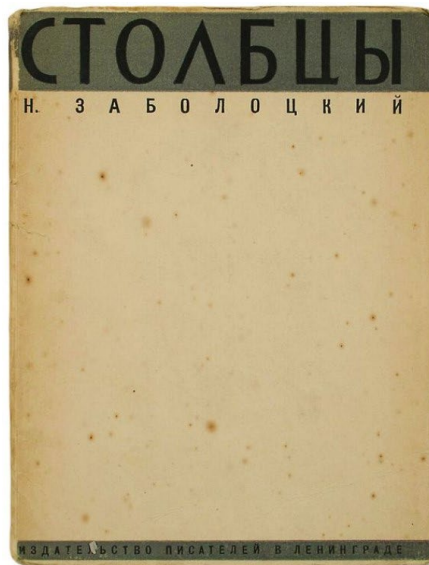
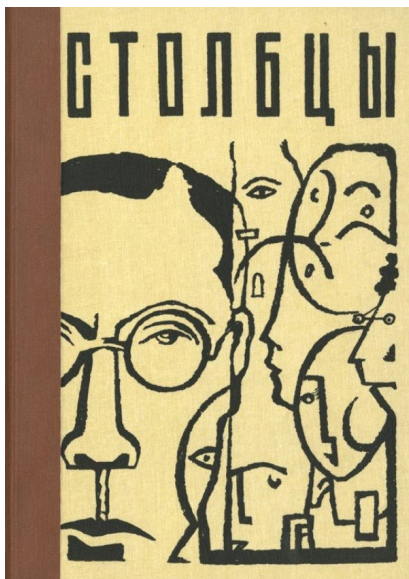

Николай Заболоцкий

В 1928 году Николай Заболоцкий в статье «Поэзия ОБЭРИУТОВ» сформулирует декларацию нового творческого объединения: «Полагают, что литературная школа – это нечто вроде монастыря, где монахи на одно лицо. Наше объединение свободное и добровольное, оно соединяет мастеров – а не подмастерьев, художников – а не маляров. Каждый знает самого себя, и каждый знает, чем связан с остальными. Введенский (крайняя левая нашего объединения) разбрасывает предмет на части, но от этого предмет не теряет своей конкретности. Вагинов, чья фантазмагория мира проходит перед глазами как бы облеченная в туман и дрожание. Бехтерев – поэт, сознающий свое лицо в лирической окраске своего предметного материала. **Заболоцкий – поэт голых конкретных фигур, придвинутых вплотную к глазам зрителя.** Слушать и читать его следует более глазами и пальцами, нежели ушами. Хармс – поэт и драматург, внимание которого сосредоточено не на статической фигуре, но на столкновении ряда предметов, на их взаимоотношениях. Левин – прозаик, работающий в настоящее время экспериментальным путем» [2, с. 523-524].

Свою новую поэтику, как и умение приблизить к глазам читателя «голые конкретные фигуры», Заболоцкий в полной мере реализовал в первом сборнике стихов «Столбцы» [2, с. 31]:

И всюду сумасшедший бред,
Листами сонными колышим,
Он льется в окна, липнет к крышам,
Вздывает дыбом волоса...
И ночь, подобно самозванке,
Открыв молочные глаза,
Качается в спиртовой банке
И просится на небеса.

Закономерно, что обложку для своей книги поэт предложил оформить ученику Малевича, одному из основоположников супрематизма, художнику Льву Юдину, тонко чувствовавшему специфику обэриутской поэзии. Обложка по замыслу Заболоцкого должна быть беспредметной: двухцветной (черно-белой), сугубо текстовой, на которой строгим и лаконичным шрифтом, использованным для плаката к «3 обэриутским часам», должно быть написано: «Н. Заболоцкий. СТОЛБЦЫ. 1929» [3, с. 307].

Тираж «Столбцов» – фантазмагорической сатиры на обывателей, носителей мещанской философии в обновляемой стране – разошелся в несколько дней. «Книжка вызвала в литературе порядочный скандал, – писал Заболоцкий после выхода сборника, – и я был причислен к лику нечестивых. Что касается самой книжки, то последний экземпляр ее у меня похитили более года тому назад» [3, с. 313].

Заболоцкий приглашает нас в странный, абсурдный мир, в котором привычные понятия смещены, привычные планы – перепутаны, базовые принципы трех измерений – беспощадно нарушены, и сам этот мир сконструирован поэтом по законам отражений в системе уродливых кривых зеркал. В его поэтическом восприятии обычные вещи утрачивают свои масштабы, безразмерно увеличиваясь или уменьшаясь в сознании, а мы бродим среди них свифтовскими Гулливерами: то карликами, окруженные бытовыми вещами-громадинами, то – великанами, без усилий перешагивающими городские кварталы и реки. Этот загадочный город чаще всего Ленинград, временами – Москва, однако жителям его не чужда бесприютная тоска провинциальных заброшенных городков России и бескрайние лесные просторы. Маршрут, предложенный поэтом, уводит читателя вдаль от парадных городских артерий – проспектов, великолепных дворцов, величественных памятников, музеев, перемещая его в узкие отдаленные переулки, неизвестные трущобы, плотоядные рынки, темные коридоры, заставляет подниматься по шатким лестницам подгнивающих домов в грязные коммунальные квартиры [2, с.62]:

Нагие кошечки, стесняясь,
Друг к дружке жмутся, извиняясь.
Один лишь кот в глухой чужбине
Сидит, задумчив, не поет.
В его взъерошенной овчине
Справляют блохи хоровод.

Отшельник лестницы печальной,
 Монах помойного ведра,
 Он мир любви первоначальной
 Напрасно ищет до утра.

Как было бы славно жестоко ошибиться, сочтя это фантастическое путешествие детской сказочкой-страшилкой, образы которых так мастерски удавались Заболоцкому [2, с. 483]:

Жил-был кот,
 Ростом он был с комод,
 Усищи – с аршин,
 Глазищи – с кувшин.

Однако не следует верить первому впечатлению, а принять кажущуюся «детскость» стихов Заболоцкого всерьез: ироническая усмешка от стиха к стиху тускнеет, а «детские» стихи прорезаются тревожными нотами взрослого отчаяния. «Чуковщина» Заболоцкого – весьма изощренный прием, один из элементов поэтического экспериментаторства – создавая иллюзию «детскости» поэзии, автор лишает ее внешних признаков разума, сознания, последовательного тематического замысла.

Среди других – не менее искусных приемов – использование элементов торжественной, одической поэзии в качестве инструмента борьбы с примитивным словарем мещанина. Языки вельможи и советского обывателя так умело чередуются друг с другом, что кажутся единым языком, создавая неподобный гротесковый эффект. Наиболее застарелые и давно отброшенные высокие поэтические штампы оживают в «Столбцах» только для того, чтобы еще резче оттенить линию «низкую» – «жаргона «Ивановых», маклаков, бесчисленных «девок».

Цель Заболоцкого трансформировать мещанский смысл – в бессмысленность, стремление обладать вожделенным предметом – в беспредметность, в искреннем стремлении передать в поэтических образах внутренний примитив, первичные ощущения не рассуждающего подсознания. Заболоцкий традиционен в своих законченных строфических массивах городской застройки и не выходит за пределы канонических ритмов и метров, подкрадываясь к экспериментаторству с иного конца – обновлением смыслового звучания слова и порождаемых им ассоциаций. В этом качестве можно угадать неявное сходство с поэзией Велимира Хлебникова. Редкий пример поэзии 20-х годов – времени возникновения бесчисленного количества новых поэтических стилей, объединений, смыслов – «Столбцы» удивительно ритмически единообразны, как однообразны картины окраинной застройки городских агломераций. За небольшим исключением вся книга написана традиционным четырехстопным ямбом, накрепко схваченным стяжками монотонной однородной рифмы. Однообразное ритмическое течение стиха время от времени прерывается – в стиле психопатологического нерассуждающего восприятия – незначительным слоговым удлинением или сокращением, оживляется внезапным исчезновением рифмы. Все строго подчинено основной задаче и работает на единую концепцию сборника. Заболоцкий юродствует, кривляется, издевается, время от времени пародируя Козьму Пруткува, пронизывая реальность взглядом точечным, прикованным к косности, тупости, оскудению человеческой души под наркозом мещанского быта, очерченного строками певца-ассенизатора [2, с. 366]:

Вокруг него – система кошек,
 Система ведер, окон, дров,
 Висела, темный мир размножив
 На царства узкие дворов.

Отрывочные восприятия элементов окружающего мира объединены поэтом в стройную систему – систему «кошек, ведер, окон, дров», которую он ненавидит сосредоточенно и страстно. Но вероятнее всего это система сама объединилась вокруг Заболоцкого в злобном стремлении помешать ему чувствовать красоту окружающего мира. «Двор» Заболоцкого – грозный и величественный в своей устрашающей пошлости и ничтожности – в «системе кошек» изолирован от окружающей социалистической действительности, как ее понимали революционные вожди 20-х.

Именно эта изолированность внутреннего мира мещанина и его «двора» от так называемых и воспеваемых официальной литературой будней социалистического строительства, так метко переданная Заболоцким, вызвала наибольшую критику со стороны оппонентов.

Существо потока обличительных статей: Селивановского в журнале «На литературном посту», Незнамова в журнале «Печать и революция», Горелова в журнале «Стройка» – сводилось к следующим постулатам: «В наши дни происходит напряженная реформаторская и революционизирующая поэтическую технологию работа, однако не всякое новаторство тут будет уместно и плодотворно. Иное “новаторство” окажется на поверку лишь буржуазно-формалистским творчеством. Таково же значение и книжки Н. Заболоцкого “Столбцы”. Поэзия Заболоцкого социально роднится с живописью Поля Гогена, джазбандской музыкой, дадаистами и ничевоками. Основная беда Заболоцкого – в пустоте и бесцельности его метаний, в социально-классовой выхолощенности его иронии, в его противопоставленности действительности социализма. Такая позиция отщепенца-индивидуалиста обусловила и все стилевые особенности творчества Заболоцкого, которые социально чужды делу выработки стиля пролетарской поэзии, а технологически реакционны при всей бесспорной их оригинальности» [6, с. 210].

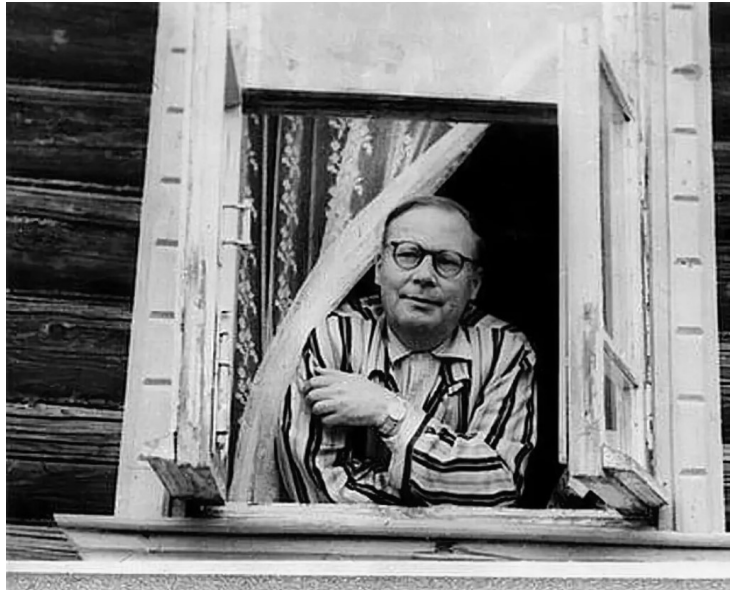
После «неудачного» дебюта «Столбцов» стихи поэта стали редко печатать, а скромные средства к существованию Заболоцкому давали работа в детских журналах и переводы иностранной литературы [2, с. 63]:

Монах! Ты висельником стал!
 Прощай. В моем окошке,
 Справляя дикий карнавал,
 Опять несутся кошки.
 И я на лестнице стою,
 Такой же белый, важный.
 Я продолжаю жизнь твою,
 Мой праведник отважный

В 1931 году Заболоцкий утратил интерес к ОБЭРИУ, перестал бывать на встречах и участвовать в представлениях сообщества, однако на смену этому увлечению пришло более глубокое – физикой и строением Вселенной, которое нашло выражение в поэме-причте о познании «Безумный волк», решенной в форме древнегреческой трагедии с главными действующими лицами – медведем и волком – и обезличенным собранием волков, ведомых неутомимым председателем.

Стоически преодолевая превратности судьбы в начале 1930-х годов, Заболоцкий тем не менее переживает творческий кризис, вызванный неприятием созданной им поэтики официальной советской критикой.

Выход из творческого тупика поэт обрел обращением к натурфилософской концепции «диалектика природы» («Лодейников», «Деревья»), которая привела Заболоцкого к коренной перестройке всех уровней его поэтики, свойственной художественной системе «Столбцов». Результатом поисков становится поэма «Торжество

земледелия», написанная в 1929-30 гг. и напечатанная в 1933 г. в ленинградском журнале «Звезда», – поэма на тему торжества коллективизации, полная утопических мечтаний о золотом веке возрождения природы, руководимой свободным человечеством, уничтожившем не только насилие человека над человеком, но и насилие человека над природой, предлагающая в качестве альтернативы добровольное и разумное сотрудничество.

«В Москве шум из-за “Торжества земледелия”, – Писал Заболоцкий жене. – Говорят, что “Звезда” впервые за все время ее существования на столах у всех москвичей; одни хвалят и очень, другие в бешенстве, третьи злорадствуют – мол, до чего докатились» [3, с. 316]. Неудивительно, что в разгар коллективизации критики сочли «Торжество земледелия» «злой сатирой на социализм» и «пасквилем на коллективизацию» (например, Елена Усиевич в журнале «Литературный критик» № 1 за 1933 год), «пасквилем на социализм» [5, с. 90]:

Шесты таинственные зыбок
Хрипели, как пустая кость,
Младенцы спали без улыбок,
Блохами съедены насквозь.

Кулак, владыка батраков,
Сидел, богатством возвеличен,
И мир его, эгоцентричен,
Был выше многих облаков.

В 1937 году Заболоцкому удалось выпустить сборник «Вторая книга», куда вошло 18 стихотворений, а 19 марта 1938 года Заболоцкого арестовали и обвинили в троцкистской контрреволюционной деятельности по статье 58-10, 11 УК РСФСР и создании в Ленинграде контрреволюционной писательской организации.

В книге «История моего заключения» писатель вспоминал: «Начался допрос, который продолжался около четырех суток без перерыва... <...> Первые дни меня не били, стараясь разложить меня морально и измотать физически. Мне не давали пищи. Не разрешали спать... <...> За стеной, в соседнем кабинете, по временам слышались чьи-то неистовые вопли. Ноги мои стали

отекает, и на третьи сутки мне пришлось разорвать ботинки, так как я не мог более переносить боли в стопах» [1, с. 8].

Поэт не признал вину даже после пыток, но был осужден и приговорен к пяти годам лагерей.

Из обвинительного заключения по обвинению Заболоцкого Н. А. 31 июля 1938 года: «IV-м отделом УГБ УНКВД ЛО вскрыта и оперативно ликвидирована антисоветская троцкистско-правая организация среди писателей г. Ленинграда. Организация создана в 1935 году по прямым заданиям троцкистского центра в Париже на основе блока ранее существовавших антисоветских троцкистских и правых групп среди писателей. Следствием по делу в отношении обвиняемого Заболоцкого Николая Алексеевича установлено, что он входил в состав антисоветской правой группы данной организации с 1931 г. На основании изложенного обвиняется: Заболоцкий Николай Алексеевич, 1903 г. р., литератор, до ареста член Союза советских писателей в том, что являлся участником антисоветской троцкистско-правой организации. Являлся автором антисоветских произведений, использованных организацией в своей антисоветской агитации – т. е. в пр. пр. ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР. Виновным себя не признал, но полностью изобличается показаниями Лившица Б. К. и Тагер Е. М.» [4, с. 10].

Выписка из протокола Особого совещания при народном комиссаре внутренних дел СССР, 2 сентября 1938 года: «Заболоцкого Николая Алексеевича за к.-р. троцкистскую деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на пять лет, сч. срок с 19 / III – 38 г. Дело сдать в архив» [4, с.11].

В качестве инструментов «исправления» и приобщения к «система кошек, ведер, окон, дров», последняя предложила Заболоцкому тяжелый физический труд в ИТЛ до изнеможения, скудное питание, лагерный диктат уголовников, стремясь приблизить жизнь осужденного к чисто физиологическому существованию.

В Востоклаге Николай Заболоцкий трудился на общих работах – дробил камень в карьере, валил лес в тайге, строил дороги. Спасение для Заболоцкого от гибели, вероятнее всего, пришло неожиданно – в виде назначения чертежником, в качестве которого он отработал большую часть заключения.

В смысле духовного общения поэт не оставался одиноким в окружении любимых писателей: Пушкина («Так с Пушкиным я и встретил мой Новый 1941 год, мысленно поздравляя всех вас, мои дорогие, всех друзей и знакомых»), Толстого («Как я люблю Толстого! Какой он умный наблюдатель жизни и какой большой художник! “Война и мир” доставила мне столько счастливых минут, и мне так было жаль, что не было тебя вместе со мной, чтобы поделиться впечатлениями»), Баратынского («Книжечка Баратынского доставляет мне много радости. Перед сном и в перерывы я успеваю прочесть несколько стихотворений и ношу эту книжечку всегда с собой <...> и то, что он поэт думающий, мыслящий, – приближает его ко мне, и мне часто приходит в голову, что Баратынский и Тютчев восполнили в русской поэзии XIX века то, чего так недоставало Пушкину»), Гюго, Гейне, Вересаева, чьи книги удается сохранить и которые, как и образы их авторов, незримо присутствуют рядом с Заболоцким во время заключения и в лагерях.

Но даже великие книги Заболоцкий приравнивает лишь к вещественной части бытия: «Ибо мудрость книг – вокруг нас, а жизнь наша и детей наших – одна-единственная и не повторяется больше».

Из писем Николая Заболоцкого жене и близким почти физически ощущаешь, как система пытается сломать психику поэта, однако душа поэта спасается любовью и заботой о близких,

которым посвящены все его помыслы, в каждой строке – пренебрежение к бытовым неудобствам, вторичный интерес к отсутствию добротной одежды, предметам быта, скудному пайку:

27 февраля 1939 года

Родная моя Катенька, милые мои дети!

Работаю на общих работах. Хотя с непривычки и трудно, но все же норму начал давать. ...нуждаюсь в витамине С... хорошо бы луку, чесноку. Очки бы мне нужно от близорукости – 1,75 Д. Мой адрес: г. Комсомольск-на-Амуре, Востоклаг НКВД, 15 отделение, 2 колонна [1, с. 20]

14 мая 1939 (Район Комсомольска-на-Амуре)

Нужны из продуктов сало, сахар, лук, чеснок. Из одежды – портянки, носки, рукавицы, носовые платки. Ты спрашиваешь – курю ли я – да, курю, – махорку. Может быть, пошлешь какой кисетик побольше, для махорки [1, с. 21],

30 сентября 1939 года

Довольно регулярно читаем газеты. Это нам разрешено. Нет денег – продай мои книги, в первую очередь – Брокгауза и Эфрона – Шекспир, Байрон, Шиллер и пр. Костюмы мои можно продать. Не в них счастье... [1, с. 22].

13 марта 1940 (Район Комсомольска-на-Амуре)

Послал еще одно заявление Верховному Прокурору... Говорят, теперь пересматривают многие дела. На днях мы проводили на свободу одного из своих товарищей. Вчера я был очень удивлен. Как всегда, склонившись над столом, я работал. В другом конце барака говорило радио. Транслировалась Москва. Вдруг слышу – артист читает, что-то знакомое. Со второй строчки узнаю – мой перевод Руставели! Как хочется тихо, молча посидеть рядом с тобой, ничего не говорить, так, чтобы понемногу отходили и успокаивались наши души. Чтобы все прошлое, как мучительная болезнь, отошло назад и все существо отдыхало бы от пережитых бурь. Будет ли это? Будет. Не будем волноваться и разжигать нетерпением сердце. Будем терпеливы [1, с. 24].

30 апреля 1940 (Район Комсомольска-на-Амуре)

Я работаю чертежником и мне положено премиальное вознаграждение 30 рублей в месяц. Это вполне достаточная по нашему положению сумма – ее хватит на сахар, на махорку. Почти все время работаю в конторе, черчу... Здесь в глухой тайге, даже такой городок, как Уржум, кажется очень культурным местом... [1, с. 25].

24 февраля 1941 (Комсомольск-на-Амуре)

Я живу и работаю по-старому. Срочная работа окончилась; более двух месяцев питался хорошо и подкрепился за это время. Теперь питаюсь по-старому – хлеба и каши хватает, иногда – редко – удается прикупить кое-что, но мало. Только сладкого нет ничего [1, с. 33].

18 февраля 1944 (Михайловское)

Друг мой, стоит ли тут говорить о библиотеке, о костюмах! Тысячу раз права ты, когда продала книги, и вообще – может быть, наибольшая польза, которую могли дать мои книги, – это та польза, которую ты получила от продажи их. Я совершенно серьезно говорю это. Ибо мудрость книг – вокруг нас, а жизнь наша и детей наших – одна-единственная и не повторяется больше. Милая Катя, вчера я сдал большое заявление о пересмотре моего дела – на имя Наркома

Внутренних дел для передачи в Особое Совещание. По всей видимости, его скоро перешлют в Москву. Оно подробное, на 11 страниц текста. Буду ждать ответа [1, с. 40].

17 февраля 1944 г. Заболоцкий пишет обстоятельное (на одиннадцати листах) ходатайство в адрес Особого совещания НКВД СССР, г. Москва, с просьбой о полном пересмотре его дела: «Что же остается реального во всем моем обвинении? Только поэма “Торжество Земледелия”. Центральный орган “Правда” поместил резкую статью, в которой поэма расценивалась как враждебное, кулацкое произведение. Критика получила установку, грозные статьи последователи одна за другой. Почему так извратили суть моей поэмы, весь дух моего произведения? Менее всего я считал себя антисоветским человеком. Книжные представления о том, что новое слово в искусстве не сразу признается, – еще довлели надо мной. Но постепенно смысл происшедшего выяснился для меня. Изощренная форма заслонила в моей поэме ясность ее содержания и дала повод к неправильному ее истолкованию. Способствовала этому и утопическая идея о возрождении природы, частично заимствованная мной у поэта-футуриста Хлебникова. Образовался разрыв между писателем и читателем <...> сохранив основные особенности найденного стиля.

Но даже если формально подходить к этому вопросу, то не нужно забывать о том, что моя поэма была напечатана в советском журнале, прошла цензуру и номер журнала не был изъят после выхода его из печати. Если же говорить по существу, то вопрос об этой поэме – вопрос специфически литературный, и он должен решаться на страницах газет и журналов, но вовсе не в следственных органах НКВД. Ибо от формализма, от литературной ошибки до контрреволюции – шаг огромный и далеко не обязательный.

Я прошу Особое совещание снять с меня клеймо контрреволюционера, троцкиста, ибо не заслужил я такой кары, – совесть моя спокойна, когда я утверждаю это. Я мог допустить литературную ошибку, я мог быть не всегда разборчивым и достаточно осмотрительным по части знакомств, – но быть контрреволюционером, нет, им я не был никогда! Верните же мне мою свободу, мое искусство, мое доброе имя, мою жену и моих детей.

Ввиду того, что мое дело связано с литературной работой и, в частности, – с моей поэмой “Торжество Земледелия”, – я прошу об организации экспертной комиссии с компетентными представителями Союза советских писателей, которая должна дать свое заключение, – в какой мере моя поэма является криминальной с точки зрения советских законов. Все свои силы готов отдать на служение советской культуре. Несмотря на болезнь (у меня порок сердца), я готов выполнить свой долг советского гражданина в борьбе с немецкими захватчиками.

Н. Заболоцкий. Алтайский исправительно-трудовой лагерь НКВД, ст. Кулунда Омской ж.-д., с. Михайловское» [4, с. 10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Гор. Москва, 1944 года, августа 8 дня, утвержденное зам. начальника 2 Управления НКГБ СССР Комиссаром Госбезопасности 3 ранга Федотовым от 11 августа 1944 года: «В деле имеется заключение критика ЛЕСЮЧЕВСКОГО, в котором указывается, что “творчество ЗАБОЛОЦКОГО является активной контрреволюционной борьбой против советского строя, советского народа, против социализма”. ЗАБОЛОЦКИЙ виновным себя ни в чем не признал, однако на основании имевшихся в деле материалов постановлением Особого Совещания от 2 сентября 1938 года он был осужден за троцкистскую деятельность к 5 годам ИТЛ. В 1939 году <...> Прокуратура СССР произвела проверку материалов дела и не нашла возможным удовлетворить ходатайство осужденного о пересмотре решения по его делу.

ПОЛАГАЛ БЫ: Жалобу ЗАБОЛОЦКОГО Н. А. о пересмотре решения Особого Совещания оставить без удовлетворения. Архивно-следственное дело № 607371 по обвинению

ЗАБОЛОЦКОГО Николая Алексеевича направить в 1 Спецотдел НКВД СССР для дальнейшего хранения в архиве.

Ст. следователь 5 отд. XI отд. 2 упр. НКГБ СССР майор Госбезопасности Круковский

Нач. 5 отд. XI отд. 2 упр. НКГБ СССР майор Госбезопасности Комиссаров

«СОГЛАСЕН» – Зам. нач. XI отдела 2 упр. НКГБ СССР Комиссар Госбезопасности Эсаулов [4, с. 11].

По постановлению Особого Совещания в Москве Заболоцкий был освобожден 18 августа 1944 года с оставлением по месту отбывания наказания в качестве вольнонаемного до конца войны [1, с. 42].

В 1946 году Заболоцкий наконец переехал в Москву, где первое время ютился у литературоведа Николая Степанова, который позже вспоминал: «Н. А. пришлось спать на обеденном столе, так как на полу было холодно. Да и сами мы спали на каких-то ящиках. Н. А. педантично складывал на ночь свою одежду, а рано утром был уже такой же чистый, как всегда». В летние месяцы 1946 года Заболоцкий жил в поселке Переделкино на даче у философа Эвальда Ильенкова, потом у писателя Вениамина Каверина.

В 1946 году Заболоцкий был восстановлен в Союзе писателей, а в 1948 году подготовил третий сборник стихотворений, а учитывая, что книга выходила в год празднования 70-летия Сталина, в целях увеличения шансов на ее печать, поэт включил в издание наряду со стихами «Некрасивая девочка», «Портрет», стихи о родине вождя Грузии: «Горийскую симфонию», «Тбилиссские ночи», «Казбек», «Греми». Сборник остался незамеченным критиками, однако, как вспоминал Заболоцкий: «Для писателя, имеющего судимость и живущего под агентурным надзором госбезопасности, и такое издание книги было большим достижением».

Не смотря на страстное желание жить и работать система уже совершила свое гнусное дело: в 1955 году у Николая Заболоцкого случился первый инфаркт, а 14 октября 1958 года поэт ушел из жизни. А система оказалась на редкость живучей и здравствует поныне, ожидая нового часа своего триумфа, притаившись у неосвященных уголках человеческой души, чтобы ужалить побольнее [2, с. 224]:

О, я недаром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потемок,
Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний мой потомок,
Доделал то, что я не довершил.

Библиография

1. Заболоцкий Н. А. История моего заключения. Библиотека «Огонек» №18. – М.: Издательство «Правда», 1991 г. – 48 с.
2. Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 1. – М.: Художественная литература. 1983. – 655 с.
3. Заболоцкий Н. А. Собрание сочинений. В 3-х т. Том 3. – М.: Художественная литература. 1984 – 415 с.
4. «Коммерсант Weekend», №9 от 13.03.2015. – М.: Издательский дом АО «Коммерсантъ». – 28 с.
5. Селивановский А. П. Очерки по истории русской советской поэзии. – М.: Художественная литература. 1936. – 455 с.
6. Селивановский А. П. Поэзия и поэты. Критические статьи. Советская литература. – М. 1933. – 216 с.

ПРОЗА

Наталья Бакирова

*(г. Заречный,
Свердловская обл.)*

ВЕЧНЫЙ САД

Изольда Михайловна уставилась в глаза соседки тренированным взглядом педагога. Соседка переминалась на пороге, торопилась объяснить:

– Иду из магазина, а эти – так и орут друг на друга, так и орут! Потом, смотрю, мужик стал цветы из окна выбрасывать! Их-то за что? Вот: знаю, что цветочки любите, так подобрала вам! – Она пихнула Изольде горшок, из которого торчали узкие и твердые, как пластмасса, листья. – Тещин язык это...

Изольда подняла бровь.

– Это сансевиерия. Что ж, спасибо.

Сансевиерия выглядела ухоженной и здоровой. Видимо, хозяйка о ней заботилась. А этот мужик... Уничтожать то, чему другой посвящает силы и время? Так поступают только враги. Или мужья.

У самой Изольды ни врагов, ни мужей никогда не было, только ученики и цветы. Рос у нее хлорофитум, похожий на кочку болотной травы; колеус рос (соседка бы сказала: «крапивка»), но не с красно-фиолетовыми листьями, как у всех, а особый, редкий сорт «черный дракон» – действительно почти до черноты пурпурный. Еще спатифиллум, почти круглый год поднимавший свой цветок-парус, – этот цветок никогда не увядал, только менял цвет с белого на зеленый... Много что у нее росло, в общем. И всего ценней – узамбарские фиалки. Одному кустику, с махровыми красно-белыми цветами, она дала даже имя – Императрица.

– Представь, встречаю вчера мужчину, – рассказывала Императрице Изольда, подходя к подоконнику с кружкой теплой воды. – Молодой, импозантный... Здравствуйте, говорит, Изольда Михална... Добрый день, говорю... А сама – не помню его! Понимаешь, не помню! То есть лицо-то знакомо, конечно, а как зовут – не помню... А? Это старость, как думаешь?

Императрица не желала думать о старости. И была, конечно, права.

Когда Изольду приглашали на день рождения, она первым долгом отправлялась в магазин и покупала отрезок шуршащей упаковочной бумаги. Дома выбирала растение, которое цвело особенно пышно. Красиво оборачивала горшок. Перевязывала яркой лентой. Цветов, конечно, было жаль, но Изольда не могла представить себя явившейся без подарка. Пенсия же не позволяла почти ничего, кроме самой простой еды и лекарств. Подумать только: книгу в магазине – и то не купить! И на концерт не сходишь лишний раз... Зато было особенное отношение к вещам, которого не знают обеспеченные люди. Каждая вещь в доме – не случайна. Каждая имеет историю.

Вот, например, хрустальная ваза. Она осталась от мамы. Мама Изольды Михайловны тоже была учительницей, и весь сентябрь в этой вазе у нее стояли астры: белые, бордовые, фиолетовые... Розы, которые дарили тоже, норовили завянуть чуть ли не на следующий день. А скромные астры – держались.

– Ну, что молчишь? – говорила Изольда эухарису, назначенному в подарок племяннице. – К Светке не хочешь?

Изольда старалась не думать о том, что ухаживать за эухарисом Светка не станет, и, вероятно, просто выбросит его, как только он отцветет.

– Я тебе обещаю: всё, с весны начну цветы для подарков выращивать отдельно. Какие-нибудь такие... красивые... чтоб не жалко.

Эухарис кивал и вообще держался достойно. Рыцарь в темно-зеленом, с белоснежным граммофончиком первого цветка.

В июле, накануне Дня города, который всегда отмечался общим гуляньем, на клумбе у дворца культуры появились небольшие кустики с широкими крепкими венчиками. Венчики были разноцветные: розовые, желтые, оранжевые... Герберы, – определила Изольда. Она простояла у клумбы полчаса. В комнатных условиях, как ей было известно, и при надлежащем уходе такие растения цветут круглый год.

Уходя, Изольда твердо решила вернуться – вечером. Ночью.

Она никогда раньше не выходила по ночам и теперь ничего вокруг не узнавала. Тускло горели фонари, через дорогу протягивались их длинные тени. Небо придвинулось к самой земле и дышало холодом. Дома отступили в кусты, затаились, погасили окна. Изольда, оглянувшись: ей вдруг показалось, что сзади идет кто-то, сверлит спину недобрым взглядом. Нет, пусто было на улице, тихо и пусто. Ни одной живой души, как на кладбище.

Герберы выглядели почти одинаково. В неверном свете фонаря их цвет было не разобрать: Изольде-то хотелось накопать, конечно, разных. «Эх, надо было днем заметить, какая где растет!» – подосадовала она на себя. Возникла мысль – отложить. Но это ж надо будет опять решиться выйти в чужой, незнакомый город...

Только нагнулась с тяпкой над ближайшим кустом, как за углом раздался надсадный кашель. Сердце подпрыгнуло и – показалось Изольде – невероятно расширившись, застряло в грудной клетке. Изольда поняла, что сейчас умрет. Однако умирать было ни в коем случае нельзя: приходилось спасать свою честь. Что скажут люди, найдя ночью у городской клумбы труп учительницы – отличника народного просвещения! – с тяпкой наизготовку? При этой мысли колени Изольды Матвеевны ослабели, и, еле успев выставить вперед руки, она рухнула прямо в герберы.

Кашель между тем приближался; стали различимы слегка шаркающие шаги. Поняв, что подняться и уйти она уже не успеет, Изольда решила лежать. А когда кашляющий товарищ пройдет своей дорогой – тут же домой! Она не понимала, как вообще могла подумать сюда прийти – она! Сорок лет безупречной работы... Лежа на влажной холодной земле, Изольда отчаянно соображала: что скажет, как объяснит и свое распластанное положение, и тяпку – хотя тяпку она просто бросит, – если ее все же заметят?

Но простуженный ночной бродяга не заметил ничего. Он стоял теперь совсем рядом с Изольдой и, кажется, никуда больше идти не собирался.

Послышалось кряхтенье.

Изольда осторожно повернула голову и скосила глаза. Фонарь светил в спину пришедшего, так что ни лица, ни написанных на нем намерений Изольда разобрать не могла. Взгляду представился только темный силуэт – тучная фигура, увенчанная панамой, в каких во времена ее молодости ходили детсадовцы. Фигура прочно утвердилась на месте, наклонилась и принялась что-то делать на клумбе. Уверенная в своей хулиганской безнаказанности.

– Как вам не стыдно! – услышала Изольда негодующий голос и с ужасом опознала его как свой собственный. Ах, не надо бы ей негодовать-то! Но было поздно.

– А-а-а! – Фигура схватилась за сердце, стала оседать, тяпка (тоже с тяпкой!) со стуком упала на асфальт. Изольда поспешно встала на карачки, с трудом разогнулась и – успела-таки подставить плечо.

– У вас есть валидол?

Фигура утвердительно закивала, зашарила по карманам. Изольда выхватила из ее рук плоскую коробочку, молниеносно добыла таблетку и впихнула фигуре под язык. Они потихоньку переместились к краю дороги и сели под фонарем прямо на асфальт. Фигура продолжала сдавленно охать, испуганно косясь на Изольду.

– Маша! Тимофеева! – пригляделась та. Маша была старостой в классе первого Изольдиного выпуска. Разница в возрасте между ними составляла всего десять лет.

– Напугали вы меня, Изольда Михайловна... – пожаловалась Маша. – Всегда были строгой, мы ух как вас боялись! Даром что молоденькая.

Изольда виновато вздохнула. В то время, сразу после института, она сама очень боялась. Вдруг не сможет завоевать авторитет? Вот и добивалась почти армейской дисциплины.

– Поверите, – Маша все не могла отойти от испуга, – еще долго, после школы даже, я, как что-то не совсем правильное сделать хочу, – все вас вспоминаю. Пошла вот... – покосилась она, – кустик выкопать, а вы тут как тут: «Как не стыдно!»

Маша вдруг засмеялась, и Изольда засмеялась, признаваясь сквозь смех, что вот и она, тоже, по цветочки пошла, так что совсем и не надо было на Машу кричать-то...

– Так давайте я быстренько и себе и вам накопаю! – обрадовалась Маша.

– Да ладно, – Изольда смутилась. – Не надо... Пойду уж я...

Она как-то враз обессилела. Подумала: как же далеко идти до дома...

– Как не надо? Надо! – строго сказала Маша. – Для кого беречь-то? Все равно завтра все обоссут, все вытопчут! Праздник же!

С утра Изольда чувствовала жар, тяжесть, ломило суставы, но герберы рассадила по горшочкам. Они прижились. Все пять кустиков. Видно, у Маши была легкая рука. Кстати, приближался день рождения очередной племянницы. Изольда Матвеевна, как всегда, пошла в магазин, взяла целлофана, тут же попросила открытку. Дома обернула горшочек покрасивее, открытку пристроила среди зеленых бархатных листьев. Получилось стильно.

Долго глядела на свой шедевр. Потом, отперев дверь, вышла на лестничную площадку и с грохотом спустила его в мусоропровод.

Вслед отправились все остальные герберы.

Ей сразу стало легко.

– Н-ну! – по-боевому оглядела дом. – И что же мы будем дарить?

Как назло, ни одно растение не цвело. Даже спатифиллум убрал свой парус. С бьющимся сердцем, уже предчувствуя – да что там! – уже зная, ведь она только вчера поливала их, Изольда

подходила к одному подоконнику, к другому... Нет, ничего подходящего. Хлорофитум – смешно. Сансевиерия – глупо. Ничего нет, ничего не годится... Колеус! – осенило ее. «Черному дракону» и цвести не надо, у него такие яркие, пестрые листья!

Однако «дракон», стоило взглянуть на него как на будущий подарок, оказался стар, облезл и уродлив. Нижние листья опали, были видны кривые голые стебли. Задеревеневшие, как мозоль.

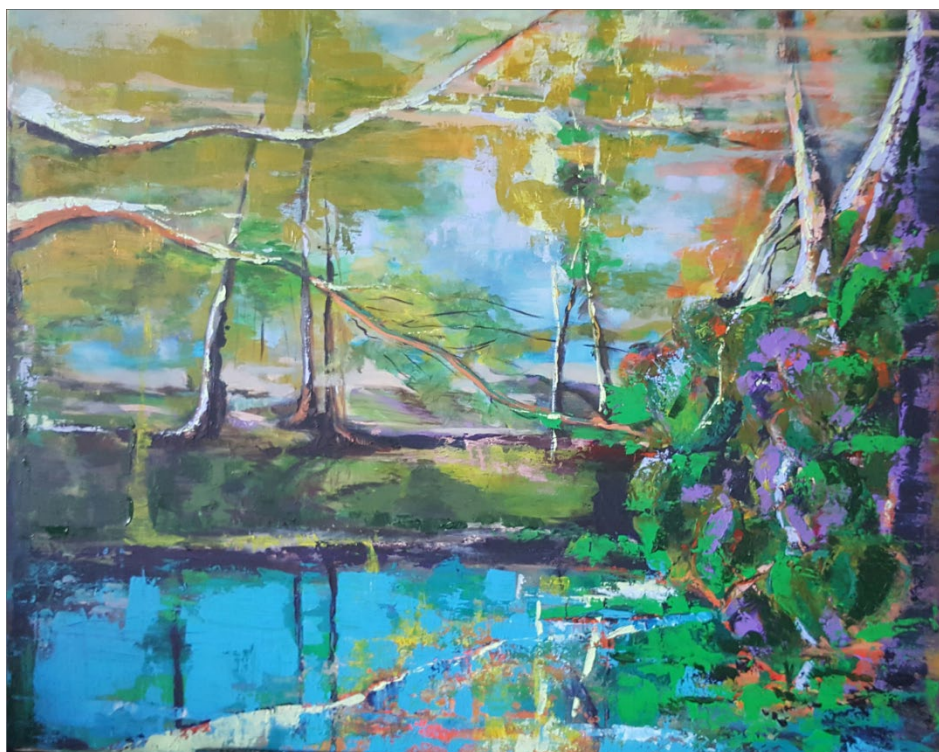
– Да, дружок, подвел ты меня, – сказала ему Изольда.

А на соседнем подоконнике – роскошная, яркая – блистала Императрица.

Изольда старалась на нее не смотреть. Но та звала, притягивала – Изольда, не выдержав, подошла. Императрица протянула к ней листья, как ладони.

Племяннице она подарила хрустальную мамину вазу.

Изольда Михайловна дожила до восьмидесяти двух лет и умерла тихой и, должно быть, легкой смертью – просто не проснулась однажды утром. На ее могиле посадили куст акации, которая бурно разрослась и цветет душисто и ясно каждую весну. Домашние цветы разошлись по родственникам, в память о немного странной, но, в общем, невинной тетке. Только редкая узамбарская фиалка с махровыми красно-белыми цветами никому не досталась – она зачахла после смерти хозяйки необъяснимо и быстро, как отравленная.

Галина Вязникова. Абстрактный пейзаж. 2015

ПРОЗА

Нина Левина

(Керчь)

ИЛЮШКА

Илюшка родился в конце апреля 2014 года в Луганске, в тот самый день, когда было объявлено о создании Луганской Народной Республики. Но Илюшка ничего об этом не знал. В то время как вершилась история, он заходился громким надрывным криком. Илюшку обмыли в теплой воде, перевязали пуповину и положили маме на животик. Илюшка затих, услышав знакомый ласковый голос и привычные удары маминого сердца, и ему было все равно, о чем говорят женщины, находящиеся поблизости.

– Что же получается, теперь мы тут все террористы? – тихо спрашивала молоденькая медсестра, складывая в металлическую емкость грязные инструменты.

– Получается, да, – отвечала пожилая акушерка, тщательно намыливая руки. – Против нас объявили антитеррористическую операцию. Пошлют к нам войска на зачистку. Танки, самолеты...

– Да они что там в Киеве, совсем с ума посходили? Неужели стрелять по нам будут?

– Как знать, как знать...

– Не может такого быть! Двадцать первый век на дворе.

Но двадцать первый век оказался богат на сюрпризы. Домой Илюшку принесли как раз в тот день, когда в Одессе живьем сжигали людей. Тех, кто смог выбраться из огненного ада, добивали прямо на улице. Илюшкиной маме папа запретил смотреть новости, чтобы не волновалась, а сам иногда включал телевизор и быстро выключал его с потемневшим от гнева лицом.

В тот день Илюшка узнал, что кроме мамы и папы в квартире живут еще бабушка и прабабушка. У прабабушки был маленький домик с большим садом далеко от Луганска, возле города Красный Луч. Она была очень старенькая, еле передвигалась по комнатам, и бабушка последние годы забирала ее осенью в город до лета. Прабабушка мечтала, как они вместе с маленьким Илюшкой и его мамой поедут летом в деревню, где станут пить коровье молоко, собирать сладкую малину и дышать свежим воздухом. Илюшка ничего не понимал, но внимательно слушал и сладко засыпал под тихий голос прабабушки.

А в это время в Киеве всерьез решили наказать области, Луганскую и Донецкую, не согласившиеся с государственным переворотом и провозгласившие себя независимыми народными республиками. Начались обстрелы городов Республик из «Градов» и минометов, мужчины брали в руки оружие и шли в ополчение, чтобы защитить свои семьи. Но многие жители еще не верили, что их будут убивать. Часто женщины и старики становились на дорогах живым щитом, пытаясь образумить солдат, едущих к ним на танках по приказу из Киева. Иногда это получалось, иногда – нет. Полилась кровь.

Илюшка об этих событиях не знал. Он много спал и хорошо ел, начинал самостоятельно держать головку и улыбаться. Наступало лето, и прабабушка с бабушкой все чаще обсуждали поездку в деревню. А 2 июня прямо над центром Луганска пролетел самолет и по команде из

Киева сбросил на людей бомбы. Это был теплый солнечный день. День для жизни, а не для смерти...

В тот же вечер из Киева бабушке позвонила ее племянница. Она когда-то тоже жила в Луганске, но потом переехала в столицу к мужу.

– Нас бомбили, – говорила бабушка в трубку и плакала, – как в войну, понимаешь? Разве это люди? И ты на их стороне?

– Никто вас не бомбил! – резко отвечала племянница. – Я слежу за новостями. Это ваши бандиты-сепары устроили перестрелку, вот кондиционер и взорвался.

– Какой кондиционер? О чем ты? – кричала бабушка. – Самолет сбросил бомбы на центр города! Погибли люди! Много раненых!

– Не смотрите российские каналы! – отрезала племянница. – Там все врут!

– Какие каналы? Мы живем здесь! Или ты забыла?

Илюшка тогда перед сном долго чихал и фыркал. Ему совсем не понравился резкий медицинский запах, расплзшийся по квартире после разговора бабушки с племянницей.

Тем временем лето вступило в свои права, и в молодых республиках стало по-настоящему жарко, но не от палящего солнца, а от повсеместных боевых действий. Вокруг Луганска было неспокойно, все чаще Илюшка просыпался по ночам от грохота снарядов и плакал. Мама его успокаивала, прикладывала к груди, но молоко было наполнено тревогой и страхом, и, напившись его, Илюшка плакал еще сильнее. На улицах начали возводить укрепления, а на дорогах – блокпосты. Город готовился к тяжелым боям. Папина и бабушкина работа закрылись, и теперь мать и сын часто сидели дома и спорили.

– Может, пока не все дороги перекрыты, успеем увезти Илюшку в деревню? – с тревогой спрашивала бабушка. – Что там с автобусами? Еще ходят?

– Не ходят, автовокзал под обстрелом, – говорил папа. – И нельзя в деревню. Там вражеские танки. От дома, скорее всего, ничего не осталось.

– Бог с ним, с домом, – бабушка умоляюще складывала руки, – Илюшку и себя спасайте...

Начинались самые страшные дни, когда по Луганску била артиллерия. Позвонила племянница из Киева и позвала к себе.

– Как я поеду к тебе, если ваши солдаты стреляют по мирному городу? – говорила бабушка. – Они убивают женщин и детей. Мы для Киева враги.

– Это неправда! – кричала в трубку племянница. – По вам стреляют россияне. Они с вашими сепарами заодно. Специально бьют по домам и людям, чтобы сделать картинку для СМИ.

Бабушка тогда что-то резко ответила и прервала разговор, а на следующий день папа велел всем быстро собираться в дорогу.

– Наши ополченцы формируют колонну из гражданских автомобилей, будут сопровождать до границы с Россией. Выезжаем через четыре часа. Берите только самое необходимое.

Бабушка с прабабушкой сказали, что никуда не поедут. Прабабушка была слишком старенькой и не хотела оказаться обузой в дороге, а бабушка решила, что не оставит свою мать одну. Илюшка недовольно хныкал и не понимал, почему его мама почти не обращает на него внимания, а мечется по комнатам с сумками, складывая в них вещи. Папа в это время уговаривал бабушку с прабабушкой, но они отвечали:

– Мы уже старые, умирать не страшно. Зато будем знать, что вы в безопасности.

Папа внезапно опустил глаза и сказал:

– Я только вывезу Илюшку с женой, обустрою их и сразу вернусь.

– Как вернешься?

Мама Илюшки замерла с пеленкой в руках и взглянула на папу с тревогой.

– Я ведь военный...

– Бывший! Ты уволился несколько лет назад!

– Я – опытный офицер! – Папа повысил голос, и все женщины в квартире замолчали. – И я нужен своей Родине. Я был в военкомате и восстановился. – Папа добавил чуть тише: – Я уже пообещал мужикам, они рассчитывают на меня. Разговор закрыт.

Папа всегда считал, что сорок километров от Луганска до границы с Россией – это ерунда. Он даже не думал, какой дорога может быть бесконечно долгой, когда едешь под артобстрелом. Мама почти всю дорогу пролежала на заднем сиденье, закрывая собой Илюшку. Колонна то останавливалась, то мчалась, то ползла вдоль обочин, объезжая воронки. Иногда гремело совсем рядом, и камни с комьями земли летели в стекла. Через несколько часов колонна прибыла в безопасное место. Папа еле дотянул до него на спущенном колесе, посмотрел на обшарпанные бока машины и с облегчением вздохнул:

– Выбрались.

Он отвез Илюшку с мамой в Крым, поселил у знакомых, а сам вернулся в Луганск. В Крыму было спокойно, Илюшка снова сладко спал по ночам, хорошо ел и быстро рос. Только чувствовал, как скучает мама по папе. Она очень обрадовалась, когда узнала, что в сентябре подписали какие-то соглашения, а спустя две недели приехал папа. Он забрал маму с Илюшкой домой, потому что тоже сильно по ним соскучился.

Но после соглашений мало что изменилось. Разве что снаряды больше не летели по центру города, а только по окраинам. Илюшка снова просыпался по ночам от звуков разрывов, а потом зимой были подписаны еще одни соглашения... Почему-то им больше никто из взрослых не радовался, а совсем наоборот.

Илюшка уже начал ходить, и ни мама, ни бабушка не могли его удержать, когда он бежал навстречу папе. Тот хватал смеющегося Илюшку, подбрасывал к потолку, ловил, а потом прижимал к себе. Илюшкин нос упирался в папин камуфляж, пахнувший взрослой суровой жизнью.

Иногда папа долго не возвращался с работы, Илюшка скучал, а мама произносила странную фразу: «Похороны боевого товарища». Потом приходил папа, но не один, а с такими же мужчинами, как он, тоже одетыми в камуфляж. Хмурые лица светлели при виде Илюшки, а потом снова суровели. Папа с мужчинами располагались на кухне. В тесноте, плечом к плечу рассаживались вокруг стола. Илюшка протискивался между ними и устраивался у папы на коленях. Илюшке нравились громкие мужские голоса, он чувствовал себя большим и сильным. Он выплевывал пустышку, сверкал темными, как у папы, глазенками и улыбался всем подряд, понимая, что ему очень рады. Только одного Илюшка не мог понять. Почему у мужчин сдвигаются брови и сжимаются кулаки, когда кто-то из них произносит:

– Если бы не проклятые соглашения...

Илюшка засыпал у папы на коленях и не слышал, как папа вставал и уносил его в кровать.

Теперь Илюшка совсем взрослый и многое понимает. В апреле ему исполнилось девять лет, и он чувствует себя настоящим богатырем. Его не пугают доносящиеся издалека звуки взрывов. Он привык к ним за восемь лет, а за последний год взрывов почти не слышно – фронт отодвинулся от Луганска на сто километров. В городе стало непривычно тихо. Иногда только доносятся одиночные отзвуки дальнобойных вражеских снарядов, да на окраины проникают диверсанты, чтобы подорвать что-нибудь важное. Вот в Донецке гораздо хуже. Там снарядами бьют прямо по центру города и часто разбрасывают маленькие мины, отрывающие людям ноги. Мины

называются обманчиво красиво – «лепестки», но с цветами у них нет ничего общего. Илюшка прекрасно знает, как выглядят эти мины, им постоянно рассказывают о них в школе. Учится Илюшка хорошо, а еще он занимается боксом, и довольно успешно. Жаль, что не успевает обо всем рассказать папе, когда тот приезжает из-за «ленточки» на короткую побывку домой.

На каком участке фронта сейчас папа, никто дома не говорит Илюшке, но он часто слышит слово «Кременная». Мама с бабушкой могут ничего не рассказывать, но все ребята в классе прекрасно знают, что Кременная – это очень горячо. Там идут жаркие кровопролитные бои, и там находится папа. Каждый раз, когда папа приезжает, все по очереди бросаются ему на шею: Илюшка первый, за ним – мама, а потом и бабушка.

Прабабушки больше нет, она умерла три года назад, так и не побывав в своей любимой деревне. Иногда Илюшка заставляет бабушку снова рассказывать, как им с прабабушкой жилось тогда, когда его совсем крохотного вместе с мамой папа вывез из города. Бабушка показывает самый дальний угол прихожей и объясняет, как соорудила здесь на полу спальное место для себя и прабабушки. Прихожая оказалась самой лучшей частью квартиры, защищенная стеной от летящих осколков. Их девятиэтажке повезло – только повыбивало все окна взрывными волнами и посеколо обшивки балконов. Хотя улице досталось прилично, в два соседних дома попали снаряды, от целых подъездов остались одни развалины. Бабушка рассказывает, как на четвереньках пробиралась на кухню, чтобы взять еды себе и прабабушке, а в это время на улице все гремело и содрогалось.

– Вам не было страшно? – спрашивает Илюшка.

– Еще как! – отвечает бабушка. – Прабабушка твоя часто плакала и все спрашивала: неужели это немцы снова пришли?

Прабабушка пережила войну, о которой детям часто говорят в школе. Они много читают на уроках о подвигах прадедов, а потом на переменках рассказывают друг другу о подвигах своих отцов и старших братьев. Для Илюшки и его одноклассников война – это не книжки с картинками, а реальный запах пороха и гари. Это – гордость за проносящиеся над городом истребители и рожущие вертолеты. Это – долгое ожидание папы домой на побывку и встречающиеся на улице мужчины без ноги или руки. Это – похоронные процессии и женщины в армейском камуфляже или черных косынках. Война – это соседка тетя Тамара, поседевшая от горя. О ее сыне ничего не было известно больше двух месяцев, а потом вдруг оказалось, что он среди пленных, которых обменяли на вражеских солдат. Илюшка помнит тот день, когда сын соседки вернулся домой. Бабушка почему-то плакала, а мама все обнимала Илюшку и папу, приехавшего тогда на побывку. Ночью Илюшка проснулся от душераздирающего крика за стеной и ужасно испугался. Папа, натягивая спортивные штаны, выскочил из квартиры и рванул в квартиру соседки. Илюшка хотел бежать за ним следом, но мама не пустила. Из-за двери соседки доносилась возня, женские всхлипывания и рев – не человека, а раненого зверя.

После приезда скорой папа вернулся в квартиру. Он отправил женщин спать, а сам сел на кухне, подперев голову руками. Илюшка заметил, как дрожат у папы руки и спросил:

– Это кричал сын тети Тамары? Но почему? Он ведь живой вернулся...

Папа посмотрел на Илюшку долгим темным взглядом и ответил:

– Он, сынок, в плену побывал. У тех, к кому в плен нельзя попадать. Лучше бы он погиб...

Илюшка словно холодом обдало от этих слов, он прижался к папе и прошептал:

– Но ведь и ты можешь попасть в плен?

– Нет, – твердо ответил папа, притянул Илюшку к себе и крепко обнял, – я никогда не попаду в плен.

– Последний патрон для себя?

– Граната надежней.

В ту ночь Илюшка забыл, что он взрослый, и долго плакал на папиной груди, умоляя его остаться в живых.

Через три дня домой из больницы вернулся сосед. Он пришел к папе, и они о чем-то долго и обстоятельно говорили на кухне. А утром папа снова уехал туда, где горячо, в Кременную. Вместе с папой уехал сын тети Тамары. Илюшка почему-то был уверен, что он больше никогда не попадет в плен.

Бабушка по полночи стоит на коленях перед иконами и зажженной лампадкой. Илюшка слышит, как она молится. О них с мамой, о папе и обо всех воинах, которые сейчас там, где идут бои на ЛБС. Илюшка знает, что ЛБС – это линия боевого соприкосновения. Бабушка молится, чтобы большая могучая страна, частью которой они стали, поскорее победила и наступил долгожданный мир. Племянница из Киева больше бабушке не звонит. Последний ее звонок был год назад. Тогда она рыдала, кричала, что их бомбят, и требовала все остановить. Бабушка спокойно выслушала и ответила:

– Посеявшие ветер, пожинают бурю. Вспомни о кондиционерах и о том, как мы сами себя обстреливали.

Плач в трубке прекратился, племянница разразилась проклятьями. Илюшка услышал часть из них, прежде чем бабушка прервала связь.

Илюшка часто вспоминает тот звонок, а перед глазами встает большой белый памятник, установленный в Детском парке. Погибшим детям Луганщины. Детские силуэты, расправив белоснежные руки-крылья, взмывают к небу. Илюшка с одноклассниками приносят цветы к этому памятнику. А иногда они приходят сюда вдвоем с мамой и приносят игрушки. Илюшке тогда кажется, что из синевы небес доносится веселый детский смех. Потихоньку от мамы Илюшка машет рукой детям, которые уже никогда не станут взрослыми. А в Донецке совсем другой памятник. Там целая Аллея Ангелов, и она продолжает расти. Илюшка мечтает когда-нибудь поехать в этот город и принести к памятнику не цветы, а много-много конфет. Ведь все дети любят сладкое. Донецким Ангелам тоже должно понравиться.

– Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? – спрашивает у Илюшки бабушкина подруга, пришедшая в гости.

– Буду вместе с папой бить фашистов! – отвечает Илюшка.

Бабушка с мамой переглядываются.

– Не приведи господи, чтобы война столько длилась, – вздыхает бабушка.

– А какой подарок ты себе попросил на день рождения? – продолжает спрашивать бабушкина подруга.

– Не скажу! – выпаливает Илюшка и уходит в свою комнату.

Он никому не хочет говорить о подарке, потому что бабушка с мамой не могут осуществить его мечту. Илюшка достает из потайного угла шкафчика маленькую иконку со строгим бородатым святым. Это его покровитель – богатырь Илья. Илюшка стащил иконку у бабушки. У нее их много, она, наверное, и не заметила. Илюшка не хочет в подарок ни игр, ни машинок. Ему не нужен даже новый телефон. Он просит у строгого богатыря с нимбом вокруг головы, чтобы все небесное войско пришло папе и его товарищам на помощь. Чтобы в день Илюшкиного рождения папа приехал домой, бросил рюкзак в угол, улыбнулся и сказал:

– Больше никуда не уеду. Всё. Мы победили.

ДАМОЧКА С ФУРАЖКОЙ

Никогда еще Юрка не чувствовал себя таким слабаком, как на второй день учебы в школе. С самого утра надавали ему лещей сыновья местного воровского авторитета – младшие Зинченки. Один ходил во второй класс, а другой в третий. Оба были крепко сбитыми, вихрастыми крепышами с нагловатыми ухмылками на веснушчатых лицах. С Зинченками никто не решался связываться. Их многочисленная семейка была знаменита на весь район. Глава семейства Кондрат лихо промышлял в городе и окрест со старшими сыновьями. И хотя на своей улице и соседних они вели себя демонстративно вежливо, большинство жителей старалось пройти стороной, заведя шесть коренастых фигур с вечно хмурыми лицами. Младшие Зинченки умело пользовались семейной славой и вели себя в школе вальяжно и дерзко. Впрочем, задирали они не только Юрку, а всех первоклашек, утверждая свое превосходство над малышкой.

Но ладно бы только Зинченки! Двоюродный брат Алик, старше всего на год, но выше на полголовы, тоже не смог удержаться, чтобы не поиздеваться над Юркой. Во дворе-то сильно не разгуляешься – то мать прикрикнет, то бабушка одернет. А по дороге из школы, когда одни сорванцы вокруг, чего ж не напомнить хилому Юрке, кто сильнее. К тому же тот гордо вышагивал в новой, специально к школе купленной форме. В отличие от формы Алика, приобретенной еще в прошлом году на вырост, у Юрки ярко сияли пуговицы на курточке, подпоясанной ремнем с тяжелой матовой пряжкой, а на голове ладно сидела школьная фуражка с начищенной кокардой. Эта фуражка вызывала особую зависть и неприязнь у Алика – свою-то он дважды терял и чудом находил на заборах, в драках посеял кокарду и сломал околыш. Фуражка бесформенным блином болталась на голове, вызывая насмешки одноклассников, а мать наотрез отказалась покупать ему новую, считая это пустой тратой денег. Оно и понятно – всего-то семь лет прошло, как война окончилась, хозяйство медленно восстанавливалось, и каждая копейка была на счету. Брюки с курточкой для школы есть, а фуражку и такую доносит.

Алика так и подмывало хоть чем-то Юрке напакостить. Вот он и принялся больно толкать младшего брата кулаком в спину.

– Эй, полегче! – вскричал Юрка, уворачиваясь от тумачков. – Чего пристал?

– Хочу и пристаю! – ответил Алик, ударив его в плечо.

– Сейчас врежу! – пообещал Юрка.

– А ну, врежь!

Алику только это и надо было, чтобы затеять драку. Юрка неуклюже махнул рукой, и тут же получил тычок в нос, хотел двинуть Алика ногой, но тот с хохотом ударил его сзади своей. Юрка разозлился и с криком бросился на брата. Они сцепились посреди дороги и с воплями принялись тусить друг друга. Закончилась бы эта потасовка, как обычно, слезами Юрки и победой Алика, если бы у того не было другой цели. Стукнув Юрку в живот одной рукой, другой он схватил его новенькую фуражку и швырнул ее в сторону. И надо же такому случиться, что плюхнулась она в единственную мутную лужу посреди дороги и стала оседать в жирную липкую грязь.

– Ты что натворил?! – закричал Юрка, отпихивая брата и бросаясь к фуражке. Вид ее был ужасен, а мать только утром давала строгое наставление ничего не порвать и не испачкать. А с такой фуражкой как вернуться домой? Трепка ждет неминуемая. – Я мамке скажу, что это ты виноват!

– Только попробуй! – погрозил кулаком Алик. – Я получу от твоей, от своей, а потом еще и бабушка добавит! Хана тогда тебе! Лучше в школу не ходи!

– А так мне от матери достанется, – хлюпнул носом Юрка, и Алик сразу остыл, почувствовав жалость. Мать у Юрки была ох как строга. За малейшую провинность тетя Вера могла живо всыпать по первое число.

– А давай знаешь что? – Алик заговорщически подмигнул. – Скажем, что это Зинченки фуражку в грязь бросили. Все знают, какие они шалопутные, и сразу поверят. Зато нам с тобой не влетит!

Юрка сделал так, как договорились. Пока он красочно описывал матери вероломное нападение Зинченков, Алик стоял рядом и кивал с самым серьезным видом, подтверждая его слова.

– Вот как? – проговорила мать Юрки и нахмурилась. Женщина она была молодая, двадцати шести лет, изящной приятной наружности и в целом вела себя культурно и обходительно. Но внутри нрав имела непростой, отчаянный, доставшийся ей в наследство от покойного отца Федора и здравствующей матери Настасьи.

Юркин дед Федор до войны был примечательной личностью. Назывался биндюжником, имел в своем распоряжении пароконную повозку и занимался перевозками грузов. Силищей обладал не меньшей, чем у двух крепких коняк, с ним все боялись ввязываться в драку, но была и слабость – любил после работы пропустить пару стаканчиков. От проклятого напитка делался он не в меру горяч и вспыльчив, а потому, когда Федор возвращался домой, вся улица сидела по домам, опасаясь высунуть нос. Эта слабость и довела Федора до беды – зимой по пьянке заснул в сугробе и отморозил почки. Помирал потом долго и в страшных мучениях.

Не успела Настасья похоронить мужа, как грянула война. Немцы наступали, и вскоре стало ясно, что город сдадут. Настасья тоже была женщина с непростым характером, в оккупации держала связь с партизанами, явочную квартиру и большое хозяйство для прикрытия подпольной деятельности. Немцы с ней считались, как с набожной и зажиточной горожанкой, и долго не подозревали в антифашистской деятельности, пока не получили донос от жившей недалеко осведомительницы. Чудом Настасье тогда удалось спастись от засады, устроенной гестапо, и дожить до освобождения родного города.

И такая наследственная смесь биндюжника и бесстрашной подпольщицы выиграла в Юркиной матери после рассказа о бесчинстве Зинченков, что взяла она в одну руку покрытую грязью фуражку, а другой крепко стиснула ладошку сына и решительно зашагала к дому Кондрата. Тот же, ничего не подозревая, сидел на веранде за большим деревянным столом в окружении старших сыновей и нескольких приятелей по воровскому делу и степенно попивал чай. Все в изумленном молчании уставились на Веру, когда она ворвалась во двор и быстро направилась к столу.

– Здоров, Кондрат! – проговорила Юркина мать, подходя к главе семейства. – Вот, полюбуйся, что твои сыновья натворили! Испортили фуражку, а она, между прочим, совсем новая была и денег стоила! Но коль уж тебе своих детей воспитывать и учить хорошим манерам некогда, так я повоспитаваю тебя!

С этими словами Юркина мать наотмашь ударила воровского авторитета грязной фуражкой по лицу, потом в сердцах швырнула ее на стол и, гордо подняв голову, вышла со двора, сопровождаемая тягостным молчанием. Юрка топал рядом, втайне ликуя, что мать поверила про Зинченков и для него все обошлось без выволочки. Домой он не пошел, а остался гулять на улице с мальчишками.

Минут через пятнадцать на дороге показалась группа мужчин, направляющихся к дому, где жили Юрка с матерью и бабушкой. Во главе шагал Кондрат Зинченко, сжимая в руках здоровенный колун, за ним топали старшие сыновья, кто с топором, кто с дубиной, и несколько незнакомых дядек. У всех на лицах было свирепое выражение. «Вот здесь та дамочка с фуражкой

проживает», – донеслось до Юрки. Он порядком струхнул, прервал игру и пулей помчался домой. Прямо с порога закричал:

– Бабушка! Бабушка! Там Зинченки мамку идут убивать!

Бабушка Настасья в этот момент варила борщ. Коротко взглянула на Юрку, обернулась к ворвавшейся в кухню испуганной Вере и поинтересовалась:

– С чего бы это?

Та скороговоркой рассказала, как не сдержалась и повоспитывала самого Кондрата.

– Ясно, – констатировала бабушка, погасила огонь в плите, сняла цветастый передник и вышла во двор, где вокруг Зинченок уже собиралась любопытная толпа. Юрка с матерью последовали за бабушкой.

– Здоров, Кондрат! – проговорила Настасья. – Чего пришел?

Свирепый Кондрат, увидев бабушку, вдруг стушевался, спрятал колун за спину и робко забормотал:

– Я, пардон, мадам Настасья, конечно, страшно извиняюсь за беспокойство, но кто вам та дамочка, что из-за спины выглядывает?

– Это дочь моя, Вера, – ответила бабушка.

– Дочь? – У Кондрата от удивления вытянулось лицо, и он растерянно обернулся к притихшим мужчинам.

– Так чего пришел-то? – снова спросила бабушка.

– Тут, понимаете, какое дело, при всем моем к вам почтении, – замялся Кондрат, стоя перед Настасьей как провинившийся школьник. – Ваша дочь при всех смазала меня грязной фуражкой по роже. А вы ж знаете, я – авторитет, как стерпеть такую обиду? Что людям скажу? Не поймут меня.

– Так чего ты хочешь?

– Надо ж как-то восстановить, так сказать, справедливость. Пусть хоть извинится...

– Вера, – бабушка оглянулась на дочь, – извиняйся!

Юркина мать выступила вперед и пробурчала, потупив взгляд:

– Извините, не права была. Больше не буду.

– Теперь доволен? – Кондрат кивнул. – Вот и ступай себе! – проговорила бабушка, давая понять, что конфликт исчерпан.

Зинченки поплелись прочь со двора, а она вернулась в кухню доваривать борщ. Застывший на крыльце от удивления Юрка не мог поверить глазам и ушам. Как же так? Гроза всего района Кондрат Зинченко боится его бабушки? Невысокой женщины, худенькой, всегда тихой и спокойной? Но почему?

Он пробовал приставать к ней с расспросами, но Настасья только отмахивалась, занятая хозяйскими делами и перешептыванием с Верой.

– Не приставай! – осадил Юрку мать, выдала на всякий случай подзатыльник и выпроводила гулять на улицу.

Дождавшись вечера, когда Вера умчалась на завод в ночную смену, а бабушка уселась в кресло, вытянув уставшие ноги, Юрка снова заканючил, умоляя объяснить, почему Зинченко вел себя так странно.

– Ну ладно, слушай, – сдалась бабушка. – Случилось у нас с Кондратом одно недоразумение во время войны. Я тогда была партизанской связной, а жила под видом зажиточной горожанки – держала в сарае свиней, кур и торговала на рынке всякой всячиной. Перед тем как заколоть свинью, давала знать родне из деревни – мол, приезжайте, поможете мне с торговлей. Они приезжали, грузились на телегу и везли якобы все на базар, а на самом деле лесочками – да к партизанам. Так снабжала их пропитанием и свежими сведениями о том, что в городе делается.

И вот как-то раз заколола я кабанчика, разделала его и все в пристройке у сарая поскладывала. Приготовила, значит, для родни. Рано утром они явились, я пристройку открыла – а там-то пусто! Подчистую кто-то кабанчика вынес. «Кто ж это мог такое сделать?» – спрашивают у меня. «Да кто? – отвечаю. – Кроме Кондрата Зинченко больше некому. Его ребятня вчера целый день вокруг сарая околачивалась. Видать, не просто так». Но при немцах-то родственники не стали шум поднимать, чтоб меня не выдать. Уехали потихоньку обратно. А как наши город освободили, так Кондрату о его пакостях и припомнили. Он-то быстро во всем сознался, в ножки мне бухнулся. «Ой, – кричит, – мадам Настасья! Кто ж знал, что вы такая важная особа! Я-то думал, что с куркульки зажиточной не убудет! За молвите словечко перед нашими, не оставьте пацанят моих сиротками!»

– А ты что? – нетерпеливо спросил Юрка.

– Ну как что? За молвила, – усмехнулась бабушка. – Наши его и простили. Только постращали немного, чтоб другим неповадно было. Подвесили за ноги на дереве и табличку прицепили: «Он украл партизанское сало». Так день провисел, всем на потеху и в назидание. А потом домой отпустили. Но запомнил Кондрат ту науку на всю жизнь, потому и ведет себя со мной соответственно. Эх, жаль его, непутевого! Ладно, сам вор, так еще и мальчишек своих к этому делу прирастил. Не будет им ладу в этой жизни. Ладно, Юрка, спать идем, вставать завтра рано. В школе только языком не мели направо и налево. Узнаю, что проболтался – уши надеру.

Бабушка поднялась с кресла и пошла в комнату готовить постель, только Юрка потом долго не мог уснуть. Все ворочался, вспоминая прошедший день и дивясь бабушкиной жизни и авторитету.

А обман с фуражкой раскрылся на следующий день – Алик не сдержался и все выболтал во дворе. Юрке вечером знатно досталось от матери! Колотушек она ему выдала в двойном размере – за порчу имущества и за вранье. Но были после того случая и приятные последствия. Больше никогда Юрку в школе не задирали младшие Зинченки, но уж если какая затевалась драка, то махали они кулаками на его стороне. Сам же Кондрат Зинченко при встрече с Юркой всегда учтиво раскланивался, снимая головной убор, и просил передавать нижайшее почтение бабушке. Так и продолжалось пару лет, пока не повязали главу семейства со старшими сыновьями на какой-то большой краже да не отправили надолго в столь далекие места, что и на карте не сразу сыщешь. Жена его с младшими ребятами уехала в дальнейшее село к родне, и на том эта история закончилась.

Галина Вязникова. Лебеди Роппонги. 2020

ПРОЗА

Наталья Лапшина

(Набережные Челны)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ

Любите ли вы семейные праздники? Меня в последнее время они стали тяготить. Я появляюсь там только из чувства долга. Ну и еще чтобы увидеть бабушку. Вчера ночью весь наш клан отмечал первое осеннее полнолуние. Это особое время, когда границы между мирами становятся зыбкими, и могут произойти любые чудеса.

Мы собрались на поляне, чтобы поиграть, полюбоваться на луну, обменяться новостями. Я прибежала туда последней – задержалась на работе. Когда я добралась, всклокоченная и запыхавшаяся, все уже чинно сидели вокруг камня-алтаря и любовались восходящей луной. Зрелище и вправду захватывало. Огромная золотистая луна и крупные, будто спелые ягоды, звезды, до которых, кажется, можно дотянуться, если очень захотеть... Жаль, что в городе я почти не вижу звезд.

От размышлений меня отвлек двоюродный брат. Красный лис в три раза крупнее меня. Он подошел ко мне, растолкав лисят-подростков, обнюхал, как того требовали традиции, и скривился.

– От тебя за версту несет людьми и их проблемами.

А от него несло высокомерием. Мне очень захотелось сказать ему об этом. Но я понимала, сколько ушей сейчас нас слушает, и не решилась. Кроме того, ссориться на празднике – дурной тон, а я своим опозданием и так нарушила правила.

– Я только что с работы. Сегодня был тяжелый день.

– Как у тебя может быть тяжелый день, если ты не охотишься, маленькая Искра?

Мы с ним говорим на разных языках. Братец до сих пор считает, что единственный возможный путь для оборотня – это путь охотника. Как объяснить ему, что мир давно изменился? Сводить на экскурсию в большой город? Боюсь, это плохо кончится.

Пока я думала, что ответить, братец развернулся и ушел походкой победителя. Говорят, он метит в вожаки. Мне бы этого очень не хотелось.

Скоро все разбились на небольшие группки и начали общаться. Я осталась одна. Тут ко мне подскочили две младшие сестрички. Совсем еще щенята, даже пока не рыжие. Они весело наскакивали на меня, тявкали и слегка покусывали, приглашая поиграть. А почему бы нет? Я «страшно оскалилась» и бросилась за ними. У камня-алтаря началась настоящая свалка. Щенята играли, молодые лисы мерялись силами, а взрослые снисходительно наблюдали со стороны.

Я включилась в свалку, совсем как в детстве. Мне вдруг стало весело и легко. Я даже рассмеялась и попыталась схватить одну из сестричек за хвост. Тут ко мне подскочил Красный Лис и вцепился в ухо. Ухо обожгло. Я почувствовала, как по шерсти потекла тонкая струйка крови.

– Ну и что ты теперь сделаешь, Искра? Дашь отпор или пожалуешься бабушке?

Секунду мы смотрели друг другу в глаза, потом я отвела взгляд и убежала с поляны.

Спрятавшись под старой елью, я легла на землю и заскулила. Почему всё так? И что мне с этим делать?

Между тем ухо перестало жечь, а кровь остановилась. Теперь можно было показаться бабушке на глаза. Я вернулась к камню-алтарю. Здесь теперь было тихо. Бабушка беседовала с подругами. Увидев меня, они разошлись и оставили нас одних.

Бабушка сразу поняла, что что-то не так.

– Что случилось, Искра?

– Ничего. Просто тяжелый день на работе. И завтра будет не легче.

Она взглянула на меня сочувственно, как на заболевшего лисенка.

– Ты слишком много думаешь о своей работе, Искорка. Это опасно.

– Не переживай. Со мной все будет в порядке. Скоро я возьму отпуск и проведу его здесь. С тобой.

Кажется, она ни на секунду мне не поверила.

Я и не заметила, как посветлело небо. Ночь закончилась.

– Мне уже пора, бабушка.

И я убежала. А она еще долго сидела и смотрела мне вслед, я уверена.

Прием начинается в два. Я всегда прихожу за пятнадцать минут до этого. Волосы собраны в пучок, безупречно белая блузка с накрахмаленным воротничком, длинная широкая черная юбка в пол. Может быть, немного старомодно, но такой наряд помогает мне чувствовать себя профессионалом. К тому же в нем легче контролировать эмоции.

Теперь нужно подготовить несколько бутылок с водой, одноразовые стаканчики и бумажные платочки. Наконец все готово. Остается пара минут, чтобы собраться с мыслями. Почему я здесь? Потому, что меня всегда привлекали люди. В старых сказках говорится, будто такие, как я, наводят на них безумие. Если бы все было так просто! На самом деле человек носит свое безумие в себе, а нам просто легче общаться с такими людьми. Хотя бы потому, что они к нам тянутся. Как только я это поняла, сразу же поступила на психологический факультет. Сейчас я уже дипломированный специалист и работаю в частной клинике. Через неделю закончится мой испытательный срок.

День выдался непростой. То ли из-за полнолуния, то ли из-за недосыпа я контролировала себя куда хуже, чем обычно. Несколько раз из прически выбивались уши, но, кажется, погруженные в свои проблемы клиенты ничего не заметили. Мне удавалось держать себя в руках почти до самого конца смены. А потом появился он.

Вчерашний школьник, юноша болезненно застенчивый и робкий, приходящий на встречу с психологом в синем деловом костюме, застегнутом на все пуговицы, и разговаривающий со мной, девочкой-стажером, так, будто я преподаватель на экзамене. Так вот, он заметил кончик хвоста, выглянувший у меня из-под юбки.

Все началось с того, что он вбежал в кабинет, сияя от радости, и тут же вздохнул начал рассказывать. Буквально вчера он попытался познакомиться с девушкой на улице. Мялся и краснел, но все-таки спросил, как ее зовут, и даже сделал комплимент. Это был наш первый общий успех! Я вскочила из-за стола и подошла к юноше. Как всегда, когда слушаю что-нибудь захватывающее, я подалась вперед, прищурилась и шевельнула хвостом... По испуганному лицу клиента поняла, что что-то не так, и быстро спрятала хвост. Но было уже поздно. Еще секунда, и он закричал бы на всю клинику. Едва ли не силой я вытолкнула остолебеневшего парня из кабинета и заперла дверь. Что еще оставалось делать?

За дверью послышался изумленный крик юноши и стук каблучков девушки-администратора. Мои когти и зубы начали быстро расти и заостряться. Еще немного, и я сменю облик. А через несколько минут сюда придет кто-нибудь из докторов и увидит, что я оборотень. Выхода нет. Я бросилась к окну, дрожащими руками открыла его, сменила облик и выпрыгнула на улицу. Благо кабинет на первом этаже.

А теперь в парк! К счастью, он в двух шагах от клиники. В самом глухом уголке парка у меня есть любимая полянка. Там никто не ходит: ни мамы с детьми, ни собачники с питомцами. Там можно будет побыть одной и немного успокоиться.

На поляне я упала в густую траву и протяжно заскулила. Теперь человек всем расскажет, что видел лисицу-оборотня. А кто ему поверит? Главный врач клиники уже наверняка в моем кабинете. И что он там видит? Ничего особенного. Только распахнутое настежь окно. Ну и еще то, что я исчезла.

Хотя если разобраться, это даже не прогул. До конца приема оставалось минут сорок. И у меня такое в первый раз. Не уволят. Хотя беседы с главврачом избежать, конечно, не получится... Он будет опять смотреть на меня своими холодными, равнодушными, как у рыбы, глазами и повторять прописные истины. Будто лисенку. Может, даже приставит ко мне куратора. Чтобы за мной надзирали и доносили... Переживу. Тем более что я действительно сглупила.

Приняв это решение, я вскочила на четыре лапы, взмахнула хвостом и побежала. Лисицы не могут долго о чем-то тревожиться. Слишком много в них жизненной силы.

Теперь бежать. Прочь от человеческих проблем. Петлять между деревьями, ощущая каждую травинку под лапами, наслаждаясь бегом, а еще своей силой и свободой.

Я сама не заметила, как перескочила через Грань. Здесь уже сгустились сумерки. Из-за туч выглянула луна. Круглая и желтая, как мои глаза. Тропа стала уже, а лес гуще. На тропе стали попадаться следы. Скоро я ощутила присутствие таких же оборотней, как я, совсем рядом. Тявкнула. Мне ответило несколько знакомых голосов. Это наш клан. Значит, здесь относительно безопасно. Значит, можно поохотиться.

Я замерла и прислушалась, чтобы услышать, где притаились полевки. Вдруг ветер донес откуда-то издали человеческий голос. Человек? Здесь? Смертный должен быть в полном отчаянии, чтобы перейти через Грань. Даже случайно. Ему нельзя здесь оставаться. Его найдут и разорвут оборотни. Секунда, и я уже бегу на голос. Ругаю себя, на чем свет стоит, но не бежать не могу...

Человек стоит на поляне. Высокий, стройный. С длинными темными волосами, собранными в хвост. Я припадаю к земле и замираю. Человек подходит к ближайшему дереву, внимательно разглядывает ветви, выбирает сук покрепче. Потом снимает с шеи длинный красный шарф. У человека сильно дрожат руки. Я вдруг все понимаю. Времени нет. Нужно действовать быстро.

Навожу на него самые простые успокаивающие чары. Минута – и шарф падает у человека из рук, а сам он, обессиленный, садится под дерево и закрывает глаза. Теперь мне нужно сменить облик.

Уже в образе девушки я подошла к нему, даже примерно не представляя, что делать. У меня еще не было таких сложных случаев. Я стажер.

Человек открыл глаза. В них ничего, кроме боли и отчаянья. Не отвожу взгляда. Начинаю мурлыкать первую пришедшую в голову мелодию. Колыбельную. Ее мне пела бабушка много лет назад. Это действует. Теперь человек почти спокоен и даже рад, что я пришла. По крайней мере,

он больше не один в заколдованном лесу. Я осторожно села перед ним на траву, так, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Человек окинул меня взглядом. Заметил лисий хвост и ушки. Улыбнулся, как иногда улыбаются спящие. Кажется, он не был уверен, во сне меня видит или наяву.

Я постаралась заговорить терапевтическим тоном, как опытный специалист, но голос предательски задрожал.

– Что произошло?

Человек коротко и совсем не весело рассмеялся.

– Ничего особенного. Просто мир рухнул и похоронил меня под собой.

– Вы хотите об этом поговорить?

Несколько минут он молчал. Потом начал рассказывать. Медленно. Не глядя на меня. Тихим, бесцветным голосом. Слова падали как тяжелые камни. Одно за другим: «деньги», «долги», «предательство». Мне вдруг стало очень холодно. И отчаянно захотелось снова сбежать. К бабушке. Чтобы зарыться носом в ее мягкий мех и ни о чем не думать... Но так нельзя. Нельзя, потому что я психотерапевт, а не затравленный лисенок!

Пока я боролась с собой, человек закончил свой рассказ и теперь сидел опустошенный, глядя в одну точку. Это было еще страшнее слов. Будто бы перед тобой уже не живое существо, а призрак.

Чтобы только нарушить молчание, я спросила:

– У вас есть мечта?

Человек взглянул на меня так, будто только что проснулся. Помолчал с минуту, потом и ответил:

– Когда-то мечтал увидеть Мьянму.

– Мьянму?

– Вы даже не знаете, где это, верно?

В его голосе прорезались нотки раздражения. Я пожала плечами.

– Это в Юго-Восточной Азии... Страна древней культуры, золотых пагод и синего неба...

Говорят, над Мьянмой светят самые яркие звезды...

Я подалась всем телом вперед и осторожно сжала его руку.

– Вы их обязательно однажды увидите.

Мы шли через парк, держась за руки. Где-то вдалеке светились неоновые рекламы. Слышался шум машин и голоса прохожих.

Вдруг я почувствовала на себе чужой взгляд. Обернулась. Красный лис. Он сидел под кустом и смотрел на меня так, будто хотел немедленно вцепиться в горло. Я остановилась и посмотрела ему в глаза. Прямо и спокойно. Что-то в моем взгляде заставило братца поджать хвост и скрыться в темноте.

СЕКРЕТ ВОЛШЕБСТВА

В подземном переходе стоял человек с марионеткой. Человек был высокий, седой, с окладистой белой бородой. Он мог бы сойти за волшебника из сказки, но разве бывают сейчас настоящие волшебники?

Марионетка тоже была колоритная: шут в колпаке с бубенцами. Артист и кукла разыгрывали представление для прохожих, однако люди их не замечали. Спешили по своим делам. Иногда скользили взглядом по артисту и его кукле, но чаще смотрели как бы сквозь, или вовсе отмахивались. Казалось, кукловод работал в пустоте.

Но вдруг одна идущая мимо девочка замедлила шаг и даже остановилась, залюбовавшись куклой. Обычная девочка лет десяти, в цветастом платье, с длинной русой косой и круглыми очками на пол-лица. Про таких обычно говорят «домашняя».

– Ой, какой... – прошептала она. Артист пристально посмотрел на зрительницу, широко улыбнулся, подмигнул ей, и началась игра. Маленький шут плясал на ниточках, кувырчался, говорил на разные голоса и читал стихи. Будто бы сам. Без кукловода. Девочка смеялась и хлопала в ладоши. Сколько прошло времени, никто из них не заметил, может быть, час, а может, всего несколько минут. Наконец шут и кукловод раскланялись. Спектакль закончился.

Девочка огляделась, будто очнувшись, потом, поймав на себе взгляд кукловода, смутилась, густо покраснела и достала из кармана монетку.

– Спасибо вам.

– Не нужно. Оставь на мороженое. Это тебе спасибо. Как тебя зовут?

– Варя.

– А меня – Иван Сергеевич. А этого субъекта, – артист кивнул на марионетку, – зовут Жан, и он живой. Только это секрет.

Варя серьезно кивнула.

– Он тебе понравился?

– Да. Вы ведь им не все время управляли? Или мне показалось?

Иван Сергеевич лукаво взглянул на Варю: не так проста.

– Хочешь научиться делать таких кукол? Я могу тебя научить. Приходи в воскресенье на Мастерскую улицу, дом семь. У меня там мастерская кукольных дел. Думаю, тебе у нас понравится.

Тем же вечером Иван Сергеевич сидел у себя на кухне. Жан тоже сидел за столом и пристально смотрел на хозяина. Между ними происходила странная односторонняя беседа.

– Да, нашел себе замену. Ты ее видел. Доверчивая, открытая новому, но не глупая. Раскусила нас обоих. Вот только застенчивая. В волшебство верит больше, чем в себя. Думаешь, не придет? А я говорю, что придет обязательно. Вот и увидим.

Жан не отвечал. Только понимающе смотрел на хозяина и внимательно слушал, как всегда. Таких попыток было уже много: кукольник три года ищет себе замену. Пока безуспешно. Эти его «люди, способные на чудеса» даже не могут найти дорогу к мастерской. Или не ищут. Может, хозяин просто идеализирует их? Принимает за искру волшебства что-то совсем другое? Хотя в сегодняшней девочке действительно что-то было. Впрочем, рано загадывать. Пусть сначала придет.

Варя встала рано. Сегодня обязательно случится что-то интересное. Человек, похожий на волшебника, пригласил ее в кукольную мастерскую. Только вот как туда попасть? Еще вчера Варя попыталась найти нужную улицу на карте. На электронных картах такой не оказалось. На старой

дедушкиной карте города – была. Возле парка с аттракционами. Может, ее уже снесли, когда перестраивали город? Но ведь Иван Сергеевич вчера сказал, что там работает.

Наскоро позавтракав, Варя под села к бабушке на диван. Бабушка взяла что-то теплое и полосатое. Увидев внучку, старушка заулыбалась.

– Ну что, Варюша, какие новости?

– Бабушка, я вчера встретила настоящего волшебника. Он делает кукол... Он обещал и меня научить... Я очень хочу к нему пойти... Только маме не говори, пожалуйста.

Бабушка удивленно покачала головой.

– Волшебник, говоришь? Жили раньше в городе волшебники, только пропали куда-то. Никто не знает куда. Учиться у настоящего волшебника – это счастье... Только вот нет их больше. А нечестных людей много стало, так что посиди-ка ты дома, Варюша.

Варя отправилась к себе в комнату. Что же делать? Остаться дома? Тогда она больше не увидит волшебника. Не послушаться бабушку? Боязно. Да и что скажет мама? Хотя если уйти ненадолго, можно вернуться домой раньше мамы. А бабушка Варю не выдаст, она сама хотела учиться у волшебника.

Варя выскользнула из комнаты. Бабушка дремала на диване, вязание выпало у нее из рук.

Если не сейчас, то уже никогда. Варя на цыпочках прошла в прихожую, сняла с крючка бабушкин ключ от квартиры и открыла дверь. На секунду девочка замешкалась у порога, но потом решилась и выбежала на улицу.

До парка Варя добралась без приключений. Парк был совсем небольшой, со стариной каруселью с лошадами, колесом обозрения и комнатой смеха. На заросшей травой танцплощадке несколько незнакомых мальчишек сражались деревянными мечами. Как рыцари. Такое Варя видела только в кино. Она залюбовалась поединком и остановилась. Наконец один рыцарь выбил у другого меч. Победа! Заметив Варю, мальчишки приветливо ей замахали. Может, спросить у них дорогу? Но как-то боязно. Одноклассники ее часто дразнили из-за очков и болезненной застенчивости. Эти оказались дружелюбными. Один из них подошел, широко и как-то по-хорошему улыбаясь.

– Привет! Хочешь поиграть с нами?

– Я ищу Мастеровую улицу. Но не могу найти.

– Это хитрая улица. Она от многих прячется. Иди прямо. Увидишь длинный синий забор. Нужно идти вдоль него, пока не увидишь в нем щель. Нырять туда и как раз окажешься на Мастеровой. Только пока идешь, повторяй какую-нибудь считалку про ремесло.

Варя растерянно заморгала. Это шутка?

Мальчик ободряюще ей подмигнул:

– Это правда. По-другому туда не попасть.

Что оставалось делать? Варя пошла, повторяя про себя: «На золотом крыльце сидели...» Больше ничего не пришло в голову. Только вот закончила она по-своему: «Я буду кукольник». Вот и две раздвинутые доски в заборе. Лезть прямо туда? Как-то глупо. А если над ней все-таки посмеялись? Может, лучше вернуться домой? Но тогда она не сделает живую куклу. Никогда! И ничего волшебного уже никогда не случится...

Варя решилась.

С другой стороны забора на газоне ярко желтели одуванчики. Шагах в десяти стояла обычная, совсем не волшебная пятиэтажка. Из окна первого этажа выглядывал Жан и махал Варю рукой. Варя удивленно моргнула. Такого не может быть. Но тут за шторой мелькнул Иван Сергеевич. Это он управлял куклой? Девочка улыбнулась и помахала в ответ.

Мастерская была просторная, светлая. Пахло здесь деревом, красками и лаком. На стенах висели куклы, маски и рисунки. Иван Сергеевич сидел за столом и что-то рисовал.

– Здравствуйте!

– Здравствуй, Варюша. Хорошо, что ты пришла. Значит, хочешь сделать куклу?

– Да. Живую, как у вас.

– Хорошо. Какая это должна быть кукла? Расскажи.

Девочка задумалась.

– Фея. С большими синими глазами, с длинными волосами и еще обязательно с крыльями, как у бабочки.

Иван Сергеевич внимательно слушал, улыбаясь одними глазами: Варя пришла. Он не ошибся. Идеи у нее есть. Это может быть интересно.

– Ты умеешь рисовать?

– Немного.

– Тогда нарисуй. Как получится. Это называется «эскиз». С него начинаются все куклы.

Кукольник подал девочке бумагу и карандаш. Варя села за стол напротив и начала рисовать. Не очень умело, но сосредоточенно. Через несколько минут она подала кукольнику рисунок – грубоватый, неумелый. Но на то он и волшебник, чтобы увидеть не то, что нарисовано, а то, о чем мечтается. Несколько уверенных штрихов, и вот уже эскиз заиграл новыми красками. У феи появилось жемчужно-голубое платье, мягкие серебристые локоны, синие глаза и легкие ажурные крылья. Это будет Лунная Бабочка.

Варя в это время с интересом осматривалась. В мастерской было уютно. Даже чужие взгляды не смущали, как обычно. На нее смотрели куклы, веселые и добрые. Все они будто бы приглашали девочку поиграть, стать немного не такой, как всегда. Даже Дракон и Кощей Бессмертный здесь были забавными.

Вот только один портрет на стене. Снежная королева. Величественная и грозная. Холодная, как лед, и негибкая, как железо. Почти как мама. Варя вздрогнула, встретившись с ней взглядом.

Иван Сергеевич нахмурился:

– Что случилось?

Варя покачала головой.

– Просто не люблю эту сказку.

Девочка как-то сразу сникла и стала собираться домой.

– Хочешь, я тебя провожу, чтобы дома не ругали?

Варя просияла и благодарно кивнула мастеру. Тот взял девочку за руку и решительным шагом направился на встречу со Снежной королевой.

Что-то от Снежной королевы в Вариной маме Анне Ильиничне действительно было: высокий рост, большие серые глаза, тонкие поджатые губы и властные манеры.

Стоило ей только взглянуть на дочь, как та опустила взгляд и вся будто бы одеревенела.

– Варвара! Ты исчезла на полдня... Оставила больную бабушку одну... Нарассказывала ей глупых сказок... Это безответственно. И ты сама это знаешь. Иди к себе. Поговорим потом.

Короткие рубленые фразы, от которых щеки горят, как от пощечины. Варя на ватных ногах прошла к себе в комнату и села на кровать. Она совсем не хотела подслушивать. Порядочные люди не подслушивают. Но обрывки фраз ей, все-таки, были слышны.

«У вас очень талантливая дочь... Все бесплатно, не беспокойтесь...» И совсем странная фраза: «Волшебство существует, когда-то вы в него верили». На этом разговор прервался, и в квартире стало тихо. Варя затаилась, как мышка, но мама не зашла к ней, а только долго и беспокойно ходила по комнате, как зверь по клетке.

Всю ночь мастер не ложился спать. Вырезал новую куклу. Ему всегда нравилось работать по ночам. Не отвлекал шум города, отступали дневные заботы. К тому же для настоящего волшебства нужна была капелька лунного света.

Сегодня работалось легко. Фея получилась маленькая, изящная, с тонкими запястьями и мягкой улыбкой. Варюша станет такой же, когда вырастет? Может быть. И так, фигурка закончена. Мастер бережно уложил ее на подоконник – так, чтобы свет молодой луны упал на нее. Миг – и кукольное тело замерцало в темноте, а по губам скользнула живая лукавая улыбка.

Волшебство удалось.

Мастер тяжело встал из-за стола, закашлялся и медленно направился к себе в спальню. Магия отнимает много сил, а он уже немолод. Хорошо, что появилась Варя.

Увидев фею на следующий день, Варя от радости захлопала в ладоши.

– Как живая!

«Когда распишешь, станет совсем живой. А пока это только основа», – пояснил кукольник.

И девочка взялась за кисти и краски. На щеках куклы проступил румянец, губы порозовели. Появился даже маникюр на ногтях. Девочка тоже понемногу оттаяла и разговорилась. Рассказала, что мама много работает, а бабушка часто болеет. Что сама Варя хочет быть актрисой и играть в театре. Только какая из нее актриса? Она некрасивая, невысокая и всех стесняется.

Иван Сергеевич с интересом слушал, проклеивая кукольный парик, и исподволь любовался Варей. Сейчас у ученицы блестели глаза, она улыбалась и увлеченно рисовала. Разве можно было назвать ее некрасивой!

Через несколько дней у куклы появились платье, прическа и крылья. Жан уже с интересом поглядывал на красавицу.

Наступил ответственный момент. Нужно было прикрепить к кукле нити и крестовину. Это Варя сделала сама, но под чутким руководством кукольника. Сначала нити рвались, путались и даже завязывались в узлы каким-то невероятным образом, но в конце концов все получилось.

Осталось только научиться управлять куклой.

– Возьми ее с собой. Порепетируете перед зеркалом. По пути домой постарайся замечать, как двигаются люди. Как двигаешься ты сама. Ты раньше обращала на это внимание? Если что-нибудь случится, позвони мне. В любое время.

Варя серьезно кивнула и бережно прижала к себе куклу, как дорогой подарок, как живое существо.

Увидев Варю с куклой, Анна Ильинична нахмурилась и грозно нависла над девочкой.

– Что это у тебя? Откуда?

Варя встретилась взглядом с матерью.

– Я ее сама сделала, мам. Правда, она красивая?

Кажется, впервые Снежная королева растерялась и не смогла ничего ответить.

Вечером Варя закрылась в своей комнате и попробовала сделать так, чтобы кукла прошла по полу. Ничего не получалось. Движения выходили резкие, руки и ноги куклы болтались в разные стороны. Девочка тренировалась больше часа. Бесполезно. Никак не получалось управлять хотя бы двумя нитями сразу... Уже легли спать мама и бабушка, а Варя все не выпускала крестовину из рук. В конце концов она посадила куклу на стул, а сама села на кровать напротив.

– Ну почему ничего не получается? Что я делаю не так? Ведь я же знаю, что ты можешь. Ведь ты живая.

Марионетка едва заметно кивнула. Варя протерла глаза. Такого не бывает. Может быть, это сон? Девочка ущипнула себя за руку. Больно. Значит, не сон. Значит, правда. Ее фея ожила!

Варя снова взялась за крестовину. Медленно. Спокойно. Главное – не спешить. Почувствовать каждую ниточку. Вдруг кукла медленно и плавно шевельнулась, почти сама. Варя только немного ей помогла. Получилось!

Девочка достала телефон и позвонила Ивану Сергеевичу. Шепотом, чтобы не разбудить маму и бабушку, сбивчиво и торопливо попыталась рассказать, что произошло.

Наставник молча выслушал, а потом ответил:

– Хорошо. Значит, вы нашли связь. Это один из секретов мастерства. Ты теперь почти все знаешь и умеешь. А самый главный секрет откроется тебе позже. На выступлении.

– Мы будем выступать?

– Обязательно. На летней ярмарке.

У Вари пересохло в горле. Руки дрожали, мысли путались. На нее смотрели десятки зрителей – гости летнего фестиваля. Они думают, что Варя настоящая актриса. Но ведь она только учится... Сейчас они это поймут и посмеются над ней.

И все-таки Варя взялась за крестовину. Фея на ниточках медленно подняла руки.

Маленький мальчик в первом ряду дернул бабушку за юбку: «Ой, смотри! Кукла живая».

Нити натянулись, и Варя почувствовала, что теперь марионетка танцует сама.

Артистка расправила плечи, а потом заговорщически улыбнулась и подмигнула мальчику. У них появился общий секрет. Самый главный секрет волшебства.

Вероника Алферова. Натюрморт на траве. 202

ПРОЗА

Илья Криштул
(Москва)

УЧЕНИК И МАСТЕР

Красивая китайская легенда

Как-то Ученик пришел к Мастеру и спросил:

– Я три года повторяю за тобой все, что делаешь ты, Мастер. Когда ты сидишь, сижу и я. Когда встаешь ты, встаю и я. Когда ты выходишь на улицу, я тоже выхожу. Я научился видеть зеленый осколок в зеленой траве и белый снег на белом дереве. Мое лицо уже не боится ни жары, ни холода, а сердце бьется медленно и спокойно. Я пью чай и вдыхаю аромат деревьев и кустов. Если я вижу повозку, я знаю, куда она едет. Если я не вижу повозку, я все равно знаю, куда она едет. Может, я уже стал Мастером?

Мастер молчал.

– Я умею спать сидя и сидеть во сне. Я думаю о вечном и презираю настоящее. Я редко опорожняю свой мочевого пузырь, потому что знаю – если это делать часто, случится нехорошее. Я выучил язык бродячих собак и кошек. С пятнадцати шагов я могу попасть камушком в бутылочное горлышко. Может, я все-таки стал Мастером?

Но Мастер опять ничего не ответил Ученику.

– Ты спишь, Мастер? – спросил тогда Ученик.

И Мастер поднял на него свои глаза.

– Я никогда не сплю, юноша. Поэтому я Мастер, а ты станешь им, только если лист, слетевший с дерева, превратится в трехкрылую птицу, – сказал он. – Ты никогда не будешь сидеть на моем месте. Твой удел находится там, откуда ты пришел ко мне. Да, твоя будка холодна зимой и горяча летом, а здесь всегда тепло и сухо. Но ты слишком мягок и спокоен, чтобы стать Мастером. А когда ты мягок и спокоен, ты не защищен. Ты любишь тех, кого видишь, и видишь тех, кого любишь. Разве этому ты учился у меня три года?

– Нет, не этому... – грустно ответил Ученик. – Я учился у тебя быть твердым, как кость, и подозрительным, как волк. Я учился следить за теплом почек и холодом головы...

– А что ты делаешь вместо этого? – громко спросил Мастер. – Может, ты ответил на все вопросы в Книге Загадок?

– Нет, – сказал Ученик. – Я ответил меньше чем на четверть вопросов...

– Посмотри на мою Книгу, – Мастер указал Ученику на лежащий перед ним манускрипт. – Тут только один вопрос без ответа, на шестьдесят восьмой странице, четыре буквы по горизонтали: «сухой туман», вторая буква «г». Но следующий выпуск сканвордов выйдет через неделю, и за это время я найду ответ. Поэтому я работаю охранником в магазине «Ивановский текстиль», а ты сидишь при шлагбауме на въезде в бизнес-центр и подсматриваешь за мной. Поэтому моя зарплата двадцать тысяч, а твоя – шестнадцать. Поэтому ты работаешь сутки через двое, а я каждый день. Это магазин «Ивановский текстиль», сынок! Что ты будешь делать здесь двенадцать часов каждый день?

– Я буду сидеть в телефоне... – прошептал Ученик.

– В телефоне! – захохотал Мастер. – А если Шахро Молодой выйдет из тюрьмы и захочет совершить налет? Или чеченцы? Или японские отморозки? Это «Ивановский текстиль», это лакомый кусок! У меня один глаз в сканворде, а второй всегда смотрит на улицу! Сегодня мужчина перепутал нашу дверь и дверь химчистки! И я отметил это в журнале происшествий и два раза докладывал начальству! Полдня мы обсуждали этот случай с продавщицей Томой! Начальство приехало и вынесло мне благодарность! А ты бы

так и сидел в своем телефоне... Ступай прочь, юноша. Работа охранника без лицензии похожа на бушующее море, а ты смотришь на это море с берега... Уходи в свою будку, я и так многое рассказал тебе.

И юноша ушел, и путь его был извилист. Опавшие листья превращались в прах под его ногами. Он не вернулся в свою будку при шлагбауме бизнес-центра. Он дошел до ближайшего универсама и устроился охранником туда. Двадцать тысяч, бесплатная еда, униформа, вахта неделя через неделю с проживанием прямо там, в универсаме. И через пять дней он поймал свою первую бабушку с украденным шампунем.

А через два месяца он стал Мастером. Он покинул универсам, прошел мимо магазина «Ивановский текстиль», и опавшие листья трехкрылыми птицами взлетали из-под его ног. Он устроился охранником в районную поликлинику. У него появились свои стул, стол, кушетка и чайник. Он ненавидел вечно больных стариков и разгадывал сборники сканвордов за три минуты. А «сухой туман» из четырех букв по горизонтали, вторая буква «г», он отгадал еще в универсаме...

Однажды, через много-много лет, когда он сдавал смену, мимо их поста охраны прошел кто-то без бахил.

– Кто это прошел так тихо и незаметно? – спросил он у молодого сменщика.

– Это твоя жизнь, – ответил сменщик.

Он вскочил и догнал ее.

– Без бахил проходить нельзя, – сказал он своей жизни.

И это были его последние слова. Сухой туман из четырех букв накрыл его и стер все следы пребывания на земле.

ВЕЛИКИЕ ЖЕНЩИНЫ ЗНАМЕНИТЫХ МУЖЧИН

Илья Криштул, при помощи великой Елены Кругловой с ее мечтой о новой шубе

Великие эпохи измеряются масштабом деяний их главных героев. А кем были герои всех великих эпох? Кто эти люди, честно прошедшие семь морей и двадцать семь царств, гении, переломившие ход истории, мечтатели, воплотившие в жизнь свои самые грандиозные замыслы? Кем были мореходы, с помощью одной астролябии совершавшие поразительные географические открытия? Ответ известен – все они были мужчинами. Именно мужчины с гордостью помещали свои имена на глобус, даря миру новые земли, моря и океаны. Знаменитые путешественники, бесстрашные покорители Северного и Южного полюсов, великие альпинисты и спелеологи, мореплаватели и завоеватели, ученые и картографы – все они представляли мужскую половину населения планеты, и именно перед их усталыми глазами впервые предстали вершина Эвереста и Бискайский залив, кратеры Луны и мрак Марианской впадины, стаи прыгающих кенгуру и табуны бегающих утконосов. Но...

«Историю творят женщины» – написал кто-то умный, может быть, даже я. «Ну написал и написал, красивая фраза и ничего более» – подумал кто-то неумный, может быть, снова я. Как женщины могут творить историю? Они рожают, воспитывают, стирают, часами что-то ищут в своих сумочках и шкафчиках... У них нет времени не то что творить, просто что-нибудь натворить у них получается редко! Правда, метко, но сейчас не об этом.

Фраза про женщин, творящих историю, засела в голове и я решил найти хоть какие-то свидетельства о жизни этих героических дам, узнать, как сложились их судьбы и открыть, наконец, их имена человечеству. Ведь если такие женщины действительно существовали, мы просто обязаны преподнести им венец вечной славы! Я не знал, не догадывался, что ждет меня каторжный труд в архивах разных стран мира, что женщин этих многие и многие тысячи... За каждым путешествием, за каждым великим открытием, за каждым военным походом стоит женский силуэт, из-за плеча каждого первопроходца, исследователя, воина и даже философа выглядывает очаровательное женское личико. Светлые образы этих бесстрашных женщин, как и архивная пыль, уже навеки останутся в моих легких, в моем сердце и в моей памяти... Перед вами три короткие истории. Три судьбы, три великих миссии...

Донья Фелипа Монис де Палестрелло, дочь мореплавателя времен принца Энрике, жена Христофора Колумба. Они поженились в тысяча четыреста семидесятом году и именно тогда у Колумба проснулась тяга к дальним и, главное, к долгим плаваниям. Он участвует во многих морских торговых экспедициях, дома бывает редко, а через шесть лет после свадьбы, оставив жену в Генуе, вообще уезжает – сначала в Португалию, а затем в Испанию. Там жизнь его налаживается, он находит работу в монастыре, не связанную с путешествиями, знакомится с милой и тихой женщиной, которая рождает ему сына, как вдруг...

...Как вдруг двадцать пятого июля тысяча четыреста девяносто второго года Христофор Колумб получает письмо. «Господин мой! – пишет уже забытая им донья Фелипа. – С трудом нашла твое нынешнее пристанище. Я соскучилось по тебе, милый друг, и через месяц приеду со всеми домочадцами, чтобы скрасить твое одиночество и разделить твои беды». Тут надо отметить, что особых бед до этого письма у Колумба не было, но он все понял и ровно через тридцать дней, за час до прибытия экипажа с доньей Фелипой, вывел три своих корабля из гавани города Палос-де-ла-Фронтера, чтобы отправиться на поиски неведомой и, естественно, далекой Индии.

Кстати, по некоторым признакам можно сделать вывод, что Индию Колумб все-таки открыл именно во время этого своего плавания. Вот что, например, он пишет по прибытии своему покровителю королю Фердинанду: «...умоляю Вас не говорить жене моей Фелипе про открытую мною некую страну, где обитает множество слонов и растет множество пряностей...», а чуть ниже объясняет почему: «...так как тогда я буду вынужден, завершив свои путешествия, провести остаток дней своих в одном доме с нею, не будучи никуда более отпущенным, ведь решит она, что миссия моя выполнена, а нрав ее суровый вам хорошо известен...» Видимо, королю Фердинанду действительно был уже известен суровый нрав Фелипы и он внял мольбам великого мореплавателя, ничего ей не рассказав. Вот так, благодаря непростому характеру простой женщины Фелипы Монис де Палестрелло, Христофор Колумб продолжил свои плавания и европейцы получили множество открытых им прекрасных островов, на которых так любят в наши дни отдыхать потомки Фелипы и Христофора...

Опустимся сквозь толщу веков в еще более стародавние времена. Сепфора, дочь священника Иофора, не имела отношения к географическим открытиям, но именно с ее помощью целый народ обрел страну и свободу...

Мужчина по имени Моисей, сбежавший из Египта, где он совершил страшное преступление, нашел приют в доме Иофора, который слыл человеком добрым и мягким. Он не только дал беглецу кров и работу, но и отдал замуж за него одну из своих дочерей, красавицу Сепфору. Брак был неравным, так как Иофор был богат, а Моисей нищ, и острая на язык Сепфора часто попрекала этим своего мужа. Со временем упреки становились все острее, все больше становились похожи на оскорбления, а однажды утром Сепфора сказала отцу, указывая на Моисея: «Зачем он ест хлеб наш? Зачем он спит с дочерью твоей? Я не единоверна ему, пусть возвратит он меня или я умерщвлю его!»

Моисей услышал эти речи и под покровом темноты тайно ушел из дома. Он вернулся в Египет, где собрал единоверцев и вместе с ними отправился в долгое сорокалетнее скитание по пустыне. О чем думал Моисей? Куда вел он народ свой? Только на тридцать девятый год скитаний, когда обессиленные люди начали роптать и малодушествовать, Моисей обратил свой взор на них и сказал устами брата Аарона: «Скоро, очень скоро откроются пред вами врата Земли Обетованной и за трудности великие станете вы народом Избранным...». В то же время есть свидетельства самых близких друзей Моисея, что они частенько слышали от него загадочную фразу о «...земле Израилевой, которая там будет, куда никогда не долетят сварливые речи жены моей и куда сама она явиться не сможет из-за пути великого и непроходимого». Так что, израильтяне, помните и не забывайте женщину по имени Сепфора, благодаря которой у вас появилась «земля, подобная сосцам, сочащимся молоком и медом»... Хотя, конечно, лучше б эти сосцы сочились нефтью...

Теперь заглянем во времена не столь далекие. Деятнадцатый век, Россия, грязный городишко Боровск, где двадцатого августа тысяча восемьсот восьмидесятого года в церкви Рождества Богородицы венчались раб божий Константин и раба божья Варвара...

Раб божий Константин носил польскую фамилию Циолковский. Никакого приданого за невестой он не взял, свадьбы не было, и сразу после венчания молодые приехали к отцу невесты, где и собирались жить.

Наутро после первой брачной ночи Константин Циолковский впервые задумался о создании «дирижабля, на котором можно устремиться далеко вдаль и отрешиться от всего земного...». Вторая брачная ночь только укрепила его в этих помыслах, а после третьей ночи Циолковский понял, что строить надо не дирижабль, а ракету. Вот что сам он писал в своих дневниках: «В страданиях от неудачной женитьбы и в попытках хоть изредка не видеть нелюбимую мной Варвару с ее постоянным желанием плотских утех я построил мансарду, в которой запираюсь и пытаюсь работать. А надо бы строить реактивный звездолет, чтоб уж наверняка. Чертежи звездолета уже готовы, ведь мансарда моя не спасает от нашествий этой психопатки, она взламывает замки любых хитроумных конструкций и требует от меня бесстыдств, к коим я не предрасположен по здоровью своему. Только находясь в межгалактическом пространстве, я смог бы посвятить себя высшим целям...».

Именно благодаря «этой психопатке» человечество успешно осваивает космос. Благодаря ей придуманы ракетное топливо и шасси, аэродинамическая труба и суда на воздушной подушке, ведь ее постоянное присутствие в доме заставляло ученого работать в мансарде сутками напролет, спускаясь вниз только для приема пищи. Конечно, многие чисто по-человечески жалели Константина Циолковского из-за его нескладной семейной жизни и небогатырского мужского здоровья, но почему никто не пожалел Варвару, положившую свое женское счастье и свою судьбу в основу космонавтики? Ведь если бы не ее неумная и, кстати, так и не удовлетворенная сексуальность, не ее постоянное желание близости с мужем, Россия получила бы еще одного хорошего школьного учителя и многодетного отца, а мир не получил бы основоположника ракетостроения, писателя, философа и изобретателя, решавшего небывалые по сложности задачи...

Три короткие истории, три судьбы, три великих миссии... А сколько таких судеб осталось за строками этого рассказа и обречены вечно оставаться в безвестности! Мир желает знать только героев-мужчин и даже слышать не хочет о своих дочерях, сделавших для него несоизмеримо больше!

Мы ничего не хотим знать о Еве Браун, а ведь именно после женитьбы на ней Адольф Гитлер впал в депрессию и совершил самоубийство! Двадцать четыре часа понадобилось Еве, чтобы избавить человечество от одного из самых кровавых преступников в истории! За двадцать четыре часа замужества она совершила то, что за много лет не смогли сделать разведки СССР, США и Великобритании!

А Элизабет Баттс, жена Джеймса Кука, которая буквально заставила мужа взять ссуду на строительство просторного дома в лондонском Ист-Энде и уйти в далекое плавание, во время которого он и был сожран дикарями. Ссуду отдало Британское Адмиралтейство, а выгоду из смерти бесстрашного капитана получили все – Адмиралтейство получило почет, людоеды – сытный ужин, сам капитан – великую посмертную славу... Все, кроме несчастной Элизабет Баттс, которой пришлось коротать свои дни в одиночестве и в огромном доме, общаясь только с детьми, любовниками и прислугой... Человечество очень быстро забыло, благодаря кому оно узнало о существовании Новой Зеландии и Австралии, Гавайских островов и Большого Барьерного рифа...

А жена Федора Конюхова, пригласившая погостить в их семейное гнездышко свою маму и этим вынудившая мужа впервые в истории переплыть Индийский океан на двух верблюдах!

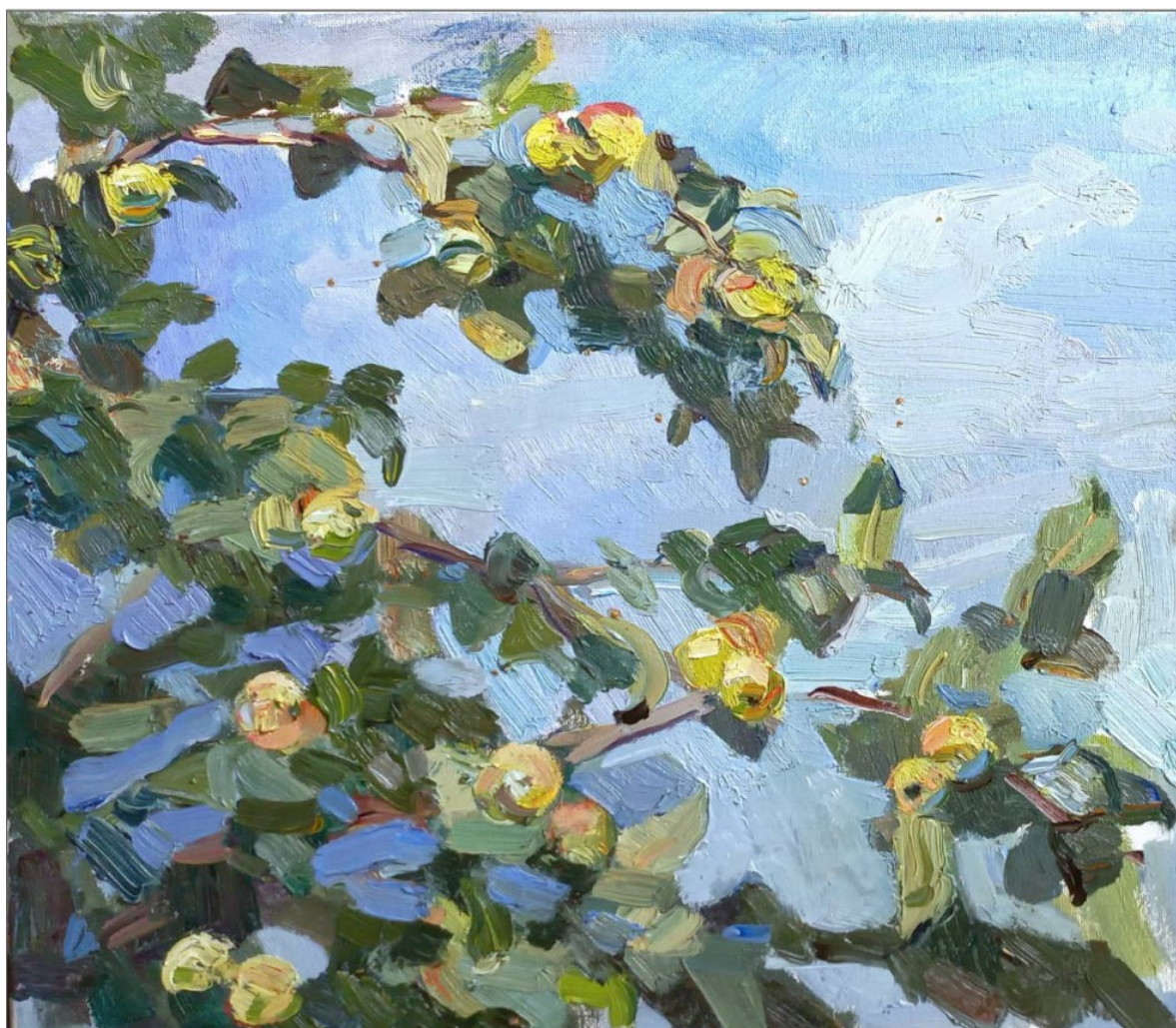
И таких историй множество! Безымянные жены полярников, которые сделали все для того, чтоб их мужья не мешались под ногами, а сидели на далекой льдине в компании белых медведей и научных приборов, оставив дома зарплатные карточки. Незаметные жены космонавтов, с гордостью смотрящие на звездное небо – ведь где-то там пронзают пространство их мужья, побившие уже все рекорды по продолжительности нахождения на орбите... «Возвращение домой, на Землю, в семью – это стресс, по сравнению с которым перегрузки кажутся детскими забавами...», – сказал в интервью один из таких космических рекордсменов, которого только силой и в наручниках удалось засунуть в спускаемый аппарат...

А героические жены тех мужчин, которые с удовольствием готовятся к полету на Марс, зная, что домой они уже никогда не вернуться... Но я верю в справедливость, я верю в разум, я верю в то, что истина восторжествует, что имена всех этих женщин выйдут из мрака нашего беспамьятства и золотом засияют на обновленных картах мира! И Америка справедливо будет зваться Хуанитией, в честь мудрейшей Хуаниты, первой гражданской жены Америго Веспуччи. А река Гудзон, которую открыл и исследовал Генри Гудзон,

Московский *BAZAR* № 2 (45) 2023

будет переименована в Язу, в память о величайшей женщине Язуе Гудзон, от выплаты алиментов которой и пытался спрятаться Генри в основанном им городе Новый Амстердам (будущий Нью-Йорк-на-Язуе)...

Только жаль, что уже не вернуть сгоревшего на костре инквизиции Джордано Бруно... Ведь гореть на том костре должна была Мария, его скаредная любовница! Джордано никогда не хотел писать свои еретические книги, он хотел сочинять милые и безобидные детские сказки, но Мария требовала и требовала денег на новые наряды. «За сказки так мало платят, любимый, – говорила она Джордано. – Сочини-ка что-нибудь о бесконечности вселенной и о естественном происхождении всех организмов, ведь я так хочу новые туфельки...». И Джордано сочинял, и Мария, как хищница, налетала на обувные лавки...

Вероника Алферова. Наливные яблочки. 2021

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Специально для МВ

Петр Дубенко

(МОССАЛИТ, Москва)

«ПУГВИДОМ» – простые вещи говорят о сложном мире

Когда-то очень давно, чтобы отпугнуть от себя злых духов, древние люди вешали на одежду из звериных шкур, мелкие костяшки. Но потом кому-то пришло в голову совместить полезное с приятным, то есть использовать амулеты как застежки. Так примерно шесть тысяч лет назад появились первые пуговицы.

В наши дни пуговицы – это однообразные стандартизированные изделия, которые штампуют из пластмассы миллионами штук в год. Но в древности их делали из кости, ракушек и камней, а процесс ручного производства не подразумевал наличие даже двух одинаковых изделий. Так что в свое время простая пуговица могла очень многое рассказать о человеке, его достатке, положении в обществе и т. д. Например, существовали гербовые пуговицы, по которым можно было определить, к какому клану относится их обладатель. Знатные ремесленники также использовали пуговицы разных расцветок и форм, так что по одному взгляду можно было понять, плотник перед вами или сапожник, какой у него стаж в данной специальности и в каком профессиональном цехе или гильдии он состоит. То есть пуговицы, которые современный человек воспринимает исключительно как функциональный элемент одежды, на самом деле пусть небольшой, но все же кусочек исторической мозаики. Вот почему следует сохранить это наследие прошлого.

Как раз такой благородной и важной цели служит «Пугвидом» – частный музей, который в ближайшее время откроется в селе Новодовичье Шигонского района Самарской области. Его создатели – большая и дружная семья Кремневых.

Столь необычная для нашего времени идея родилась, можно сказать, случайно, а невольным инициатором создания музея стала Любовь Ивановна Зайцева 1910 года рождения. В ее деревенском доме под кроватью стояла огромная коробка, где хранился запас пуговиц буквально на все случаи жизни – во всем мире не было такой вещи, к которой Любовь Ивановна не смогла бы подобрать подходящей застежки. Но ее внуков, которых каждое лето привозили к бабушке, эта волшебная коробка притягивала по другой причине. Одним из любимых занятий малышей было копаться в огромной горе пластмассовых, деревянных, металлических и роговых штуквин, об истинном назначении которых они порой не догадывались. По словам внучки Любви Ивановны, Надежды, она могла проводить рядом с этой коробкой все дни напролет, так завораживал ее этот волшебный мир.

После смерти бабушки коробка опять попала в руки уже повзрослевшей Надежды, и поскольку практической ценности старинные пуговицы уже не имели, она решила самые интересные и необычные экземпляры повесить на стене в виде небольшого стенда как память о бабушке. Это и стало началом музея.

На сегодняшний день собрано уже несколько тысяч экспонатов. При этом коллекция постоянно пополняется – идея нашла отклик у односельчан, родственников, знакомых, и все они с удовольствием приносят создателям музея все пуговицы, которые находят в старых, порой давно забытых запасах. Кроме старинных, давно вышедших из употребления изделий из дерева, рога, кости есть даже пуговицы из натуральной кожи или сплетенные из ниток. Особая гордость – старинные пуговицы-гирьки, а также серебряные фибулы и сюльгамы, которые использовались в качестве застежек еще в XIII–XV вв. Есть в коллекции и такая необычная вещь, как серебряный крючок для застегивания пуговиц, изготовленный в Англии в 1924 году. Глядя на нее, не каждый современный человек поймет, что это такое и как этим чудом пользоваться. Между тем в XIX и начале XX века без этого аксессуара не могла обойтись ни одна европейская модница, ибо без него невозможно было застегнуть многочисленные мелкие пуговицы на обуви. Необходимость в подобных крючках сохранялась вплоть до 30-х годов XX века, когда итальянский дизайнер Эльза Скиапарелли придумала обувь на молнии.

Есть в музее и современные пуговицы, но коллекция составлена так, что они представлены не сами по себе, а как бы в сравнении с похожими образцами прошлого. Например, стенд с современными детскими пуговицами расположен по соседству с пуговицами для детских вещей советских времен. И когда смотришь на изделия одного назначения, но из разных эпох, сразу же видишь их отличия, из которых можно понять, как, в какую сторону изменилась наша жизнь за прошедшее время. Так что даже такие простые вещи, как обычные пуговицы, могут стать интересным экспонатом и дать человеку богатую пищу для размышлений о многотрудной жизни нашей страны.

ПОЭЗИЯ

Борис Прахов
(Москва)

Сыграй мне что-нибудь, скрипач!

Сыграй мне что-нибудь, скрипач,
Чтобы от звука сердце сжалось.
Ведь мне нужна такая малость:
Сыграй мне что-нибудь, скрипач!
Как жеребенок, время вскачь
Несется в розовом тумане.
Я прожил жизнь в любви обмане...
Сыграй мне что-нибудь, скрипач!
Любовь – мой бог и мой палач,
Мое проклятье и отрада.
Под тихий шорох листопада
Сыграй мне что-нибудь, скрипач!
Уйдя от бед и неудач,
Я б растворился в этом звуке.
Меня твои излечат руки –
Сыграй мне что-нибудь, скрипач!
Ты видишь слезы – то не плач,
То хмель из глаз моих сочится.
Хотя б на миг мне дай забыться –
Сыграй мне что-нибудь, скрипач!
Чтоб – ран душевных лучший врач –
Святая музыка струилась,
Тебя прошу я: «Сделай милость,
Сыграй мне что-нибудь, скрипач!..»

Ты приезжай ко мне, мой друг старинный

Ты приезжай ко мне, мой друг старинный,
И мы повспоминаем о былом,
Как шли с тобой дорогой жизни длинной
Под рюмочку за кухонным столом...
Мы не юлили ни в большом, ни в малом,
Для друга не жалели ничего,
И «Горький парк» мы звали филиалом
«Стального» института своего.
Припомним, как с тобою мы шагали
По Якиманке старенькой пешком,
Где «в стоячка» пельмешки разбавляли
Из-под стола дешевым портвешком.
Нас память унесет с тобою прямо
Туда, где на двоих один конспект,
Где согревала нас коммуна-мама,
Нескучный сад и Ленинский проспект,
Где были мы так бесшабашно юны,
Душа была беззлобна и чиста,
Где летний дождь свои вплетает струны
В стальные арфы Крымского моста...
Ты приезжай ко мне, мой друг старинный!

Раннее утро

Где утра тонкая туника
 Меня прозрачностью манит,
 Росой умылась земляника,
 Насытив цвет своих ланит,
 Над тихо дремлющей протокой
 Туманом сотканный рушник,
 Где крик пичуги одинокой
 За донкой плюхнулся в тростник,
 В рассвет, глаза прикрыв неплотно,
 Смотрит печально, чуть дыша,
 Сквозь заколоченные окна
 Осиротевшая душа...
 За лесом Пана плачет флейта,
 Роняя ноты на настил...
 Я карасей из верши чьей-то,
 Достав, на волю отпустил...
 Пусть так же кто-то неизвестный,
 Когда я песню допою,
 Освободив из верши тесной,
 Отпустит душеньку мою...

В деревне умирает старый дом...

Где запах трав, где ивы над прудом,
 А у порога две собачьи миски,
 В деревне умирает старый дом,
 Как будто умирает кто-то близкий...
 Ему всю плешь проел осенний дождь,
 А под стрехой узор паучий соткан...
 И ничего печальней не найдешь,
 Чем взгляд его подслеповатых окон...
 На дом с тоской и жалостью глядят,
 В сугроб воткнув озябшие колени,
 Сколоченные пару лет назад
 Из чурбаков и палочек олени...
 Давно сверчок за печкою молчит,
 Болят жучком поточенные лаги...
 Лишь вздохи дома слышатся в ночи
 Да всхлипы домового-бедолаги...
 В деревне умирает старый дом...

Одноэтажная Москва

Пока подвыпивший сентябрь не захмелел вконец, безумец,
 И бабьелетнее тепло еще не продал с молотка,
 Пока Москву не навестил студёный ветер, вольнодумец,
 И сумасшедший листопад не разгулялся в ней пока,
 Тебя под вечер пригласить хочу сегодня на прогулку
 Туда, где нет людской толпы и паутины проводов...
 Давай заблудимся в Москве, в малоэтажье переулков,
 Пока не хмуры облака, пока закат еще бордов.
 Мы, взявшись за руки, пойдём, минуя шум широких улиц,
 Смотреть на прежнюю Москву сквозь детства чистое стекло,
 Пока подвыпивший сентябрь не захмелел вконец, безумец,
 Пока желанье заплутать по водостокам не стекло...
 Одноэтажная Москва, как будто скованная тишью,
 Здесь дремлют луковки церквей и милых дворишков тоска...
 Я на листе, как на холсте, твой силуэт стихами вышью
 И неразгаданность твою, одноэтажная Москва!

Московский BAZAR № 2 (45) 2023

Снова осень рисует тебя...

Перестаньте меня утешать, белобрысые ясени –
Вам, увы, не дано отменить седину на висках...
Как и мне не дано видеть снова тот берег с баркасами,
Где мы строили замки с тобою вдвоем из песка...
От квадратности метров Москвы с их гостями несносными,
От гудящих на всех перегонах чужих поездов
Мы умчались в щебечущий лес с корабельными соснами,
Приютивший пунктиры бегущих за нами следов...
Там лишь синее море и небо с кричащими чайками...
Да прибрежные дюны, в которых хмельные ветра
Прижимали друг к другу сердца под солеными майками,
Так, что шумный прибой их не мог разлепить до утра...
Деловая Москва снова сделала нас половинками,
Утонувшими в серой толпе, в сентябрях, октябрях...
Тихо осень о чем-то шуршит под моими ботинками
И рисует тебя в не подаренных мной янтарях...

У заколдованных прудов...
Уже свежее и прохладнее
Внутри Бульварного кольца,
И стали ночи звездопаднее,
Чем снег декабрьского Стрельца...
Высотки шпилями игольными
Насквозь пронзают синь небес,
И пятиглавки с колокольнями,
В сусальном золоте и без...
Уже сентябрь звонит на сотовый
Через горбатые мосты,
Своей палитрой терракотовой
Заляпав охрою кусты...
Где облака плывут гусынями
По чистопрудным зеркалам,
Мне август лжет глазами синими,
Деля невзгоды пополам...
Здесь отголоски лета спелого,
И вкус недалгих холодов...
Мне так фагото-азазеллово
У «заколдованных» прудов!
Но разливают масло Аннушка
На полотне трамвая «А»...
Я всю тебя люблю... до камушка,
Моя осенняя Москва!

Вероника Алферова. Отражение. Луна. 2021

Ну когда же...

Все озноб сильней,
 Хоть мороз не дуж –
 То в душе моей грусть-метелица...
 Ну когда же в ней
 (Поскорей бы уж!)
 Распогодится, раскапелится?
 За окном кружит
 Свежезимний снег,
 Деревенский снег – чище некуда!
 Не вези мне лжи,
 Привези мне смех,
 Чтобы ссориться было некогда...
 Появившись вдруг,
 Вновь уходят прочь
 Пара строк, что к утру не вспомнятся.
 Из-под пальцев рук,
 Словно тать, всю ночь
 Сигареты крадет бессонница.
 Боль в душе моей...
 Ну когда же ей
 Отпечалится, отнедужится?
 Мне б запрячь коней
 Да умчаться к Ней,
 Только Ей без меня не тужится...
 Скоро теплый луч
 На сугроб падет,
 Зазвенит капель нотой альтовой:
 «Ты себя не мучь –
 Отболит-пройдет!» –
 Но не тается льдинке смальтовой...
 Все озноб сильней,
 Хоть мороз не дуж –
 То в душе моей грусть-метелица...
 Ну когда же в ней
 (Поскорей бы уж!)
 Распогодится, раскапелится...

Предновогоднее

Озяб звонарь подвыпивший
 На старой колоколенке,
 А снег, недавно выпавший,
 Укрыл тропинку к дроленьке...
 По большаку на дровенках
 Спешит Предновогодие.
 Вы в варежках бордовеньких!
 Ах ваше благородие!
 Знакомая околица,
 Закат в сугробы прячется...
 В избе сестрица молится,
 А мне светло так плачется –
 За жизнь добра не скоплено,
 Зато грехи отмолены!
 За печкою натопленной
 Сверчит сверчок накормленный.
 Здесь травами духмяными
 Пропах салопчик маменьки,
 И мнят себя сафьянами
 Залатанные валенки,
 В метель гудёт поленница
 Голодными волчицами...
 Деревня, словно пленница,
 В снегах высоких, снится мне:
 Бубенчик переливчатый
 В низинке, вьюгой сотканной,
 И кот мурлычет причиты
 На теплой кофте теткиной...

Звездолет из диванных подушек

Тишина. Лишь в углу спит гора позабытых игрушек.
 Сиротливее их в целом мире, наверное, нет...
 Строю я без тебя звездолет из диванных подушек.
 В нем теперь я один, твой безумно тоскующий дед.
 А бывало, на нем мы летали на Третью Планету,
 Где меня ты спасал, подставляя родное плечо...
 Ты со мною делил пополам и лаваш, и конфету.
 И от этого вдруг становилось в груди горячо!
 Жаль, что с мамой ты переехал в квартиру другую.
 Я с работы иду, но не видно в окошке огня...
 Ты ко мне приезжай – полетим на звезду голубую!
 Без тебя не смогу! И тебе нелегко без меня.
 Две недели прошло. Повидаться давно уж пора бы!
 Ночью я для тебя новых звезд соберу урожай.
 И любимые сказки про репку и Курочку Рябу
 Я тебе расскажу, только ты поскорей приезжай!
 Тишина. Лишь в углу спит гора позабытых игрушек...
 Все со мной хорошо, только сердце все чаще болит.
 Приезжай! Ведь наш дом-звездолет из диванных подушек
 Без тебя, мой родной, все равно, никогда не взлетит...

Вероника Алфéroва. Туман над Москвой. 2020

ПОЭЗИЯ

Ольга Флярковская
(Москва)

В Пушкинских горах

Пол-июня откушено земляникой с куста,
Сан Сергеича Пушкина ныне кружка пуста.
Цвета вишен Тригорского зори белых ночей.
Сад уютный Петровского, да в кувшинках ручей,

Да проказы потешные для господских утех...
Поцелуя поспешного обжигающий грех.
Все аллеи, да мостики, да от писем зола...
Как под ситчиком простеньким грудь русалки бела!

В синей роще за Соротью снить раскрыла зонты.
Ну а мы, коль по совести, все пред Богом чисты?
Катит лето каретою, льет туман молоко.
Это время заветное так от нас далеко!..

От гусяного перышка на коленях труха.
Александр – наш – солнышко! Светлый ангел стиха...
Сыплет деревце вьюжное белым цветом с плеча.
Панихида отслужена... Но не гаснет свеча.

Никандрова пустынь

Вьюнок, кукушкин лен, ползучий белый клевер –
Венка родной земли неяркие цветы.
Влечет меня к себе прохладный Русский Север
Великой простотой разбросанных святынь.
Люпины, резеда, гвоздика полевая,
Черничные кусты в овражине лесной –
Пути к самой себе вернее я не знаю,
Здесь даже чудеса случаются со мной.
Никандровой тропы уложенные бревна,
Радоновый родник – бессонный синий глаз!

Пусть ноги устают, но я рождаюсь словно,
В студеную купель ныряя в первый раз.
Малина на подол украдкой брызнет соком,
Докучливый комар нацелит копьецо,
Тень утки промелькнет в разросшейся осоке,
И двери отворит высокое крыльцо!
Обитель тишины, умерь мои тревоги,
Оставь мои грехи и слезы осуши!
Я обретаю здесь, у храма на пороге,
Лесной недолгий рай, пристанище души...

Весна в Константинове

Памяти режиссера Андрея Денникова

Переменчивый март доедает снега.
Голубеет дорога голубкой во мгле.
Клочковатый туман завершает бега,
Прижимаясь под утро к холодной земле.

Век тумана недолог, и в здешнем краю
Он ручной и домашний, как кот на печи.
Подрастает весна, и тревожный Баюн
По оврагу хвостом в нетерпенье стучит.

Здесь холмы – словно складки на плате Оки,
Здесь поля отзываются в сердце тоской.
Здесь от груза неправды в себе отрекись,
Ведь иначе не выдержать этот покой!

Здесь старушки глядят на приезжих в окно:
С кистенем или с миром пришел на порог?
А тебе показалось: ты умер давно
И в рязанскую землю блаженную лег.

Здесь простор от остывших пожарищ горчит,
Здесь полынные зори Емелям встречать...
И опять прилетают несчетно грачи,
И внимают березы их шумным речам.

Ослепит чешуей на излуче река,
Приготовится сердце в лебязий полет,
И под немощным снегом очнутся века,
И к щекам половодье румянцем прильет.

И когда ты замрешь над обрывом Оки,
Где лучами изрыт оседающий склон,
Потечет с колокольни, как с Божьей руки,
Константиновской церкви серебряный звон.

Накануне

Спит Господь, и камень не отвален,
В храме воцарилась тишина.
Свет погас, не слышится седален,
Плещаница скорбная черна.

Мир все тот же, грешный и жестокий,
Испокон веков лежит во зле.
Для чего Ты умер, Светлоокий?
Для чего родился на земле?

На кресте за что Ты принял муки,
Добровольцем страждал от людей?
Смотрит Мать на сомкнутые руки,
Сердцем видя раны от гвоздей...

Свет луны залил Ее в ките,
Белых роз чуть слышен аромат.
В гробе Сын, а луч как призрак бродит,
Находя «Сошествие во ад».

Будут звон, и возгласы, и пенье,
Сдобный дух и хлопанье шутих...
Ты пришел нас выкупить из плена,
Не деля на мертвых и живых.

Вот сейчас от боли охнул кто-то...
Кто-то обессилел от потерь...
В эту ночь Великая суббота
Отворяет в будущее дверь.

Галина Вязникова. Уходя из рая. 2022

Маме

В этом имени вольность Улисса,
Новгородская песня Садко...
Только белая чайка Лариса
От меня далеко-далеко.

Режет волны веселое судно,
Парусами играет Борей...
Эта чайка ветрам неподсудна
Даже самых коварных морей!

Позабыты тяжелые снасти,
Старый рыбарь вздохнул тяжело...
Где же ты, синеокое счастье,
Отчего стороною прошло?

Пролетело, как чайка над мысом,
Растворилось в рассветной дали...
Но оставило имя Ла-ри-са
Для красивейших женщин земли.

ПОЭЗИЯ

Полина Орынянская
(Балашиха)

Вода притихла, нянчит облака.
Плотва лениво треплет червяка,
и солнце на верхушке поплавка
уселось, свесив розовые пятки.

Закатом разбудило соловья.
День уползает в сонные края,
за ним спешат вороны без оглядки.

В ведерке мелочь плюхает хвостом.
И думается просто о простом,
как будто нет полжизни за плечами,

и новый век еще не наступил,
и прошлый год еще не наступил,
и, словно в детстве, вечный миру мир,
ведь майскими короткими ночами

давным-давно закончились бои...
Темнеет. Берег светится вдали.
И холод, поднимаясь от земли,
напомнит: времена не выбирают.

И тишина, просторная такая
и хрупкая, как зелень первая,
во мне болит...

Пес

Дожди зарядили. Апрельская хмарь.
Ночами промозгло и гулко.
Торжественно лапу задрал на фонарь,
мой пес начинает прогулку.

Я тут *на раёне* давно аксакал,
мне все и привычно, и скучно.
А этот, гляди-ка, опять поскакал
обнюхивать разные кучи.

Смотрю и завидую: эх, ни черта
не смыслю я в жизни, на деле.
Не верую в чудо травы и куста,
мечтаю о свете в тоннеле.

А псу ни к чему городить огород,
и светит ему без печали
фонарь – перекресток собачьих миров,
описанный в самом начале.

В жизни не так уж мало
ради чего пожить.
Веточки краснотала,
зелень озимой ржи.

Небо роняет в лужи
перышки-облака.
Чайки вернулись, кружат
голову мне слегка.

Первый полет лимонниц –
солнечных лепестков...
Слышишь в пасхальном звоне
всякой беды исход?

Какая птичья тоненькая нить
натянута до звона надо мной.
Дай, Господи, весь этот мир любить
и мне, подобно живности лесной.

Прощать ему вчерашнюю печаль
и нынешнюю горькую беду,
и новый день надеждами встречать.
Смотри, в уже оттаявшем пруду

рябит от солнца. Выдохни-вдохни.
Все будет: жизнь, тепло, апрельский свет,
пока горят пасхальные огни
цветущей вербы вдоль дорог и лет.

Как себя ни выгуливай в тихой своей весне,
каждый шорох сухой травы все равно о войне.
Прошлогодние листья о смерти, побеги – о жизни.

Я иду, попирая смерть и шурясь на свет
в новорожденной, хрупкой, звонкой от птиц листве,
и над нами солнце, цепляясь за кроны, виснет.

Талым снегом в оврагах еще не допет апрель,
а уже тяжеленный спросонья буксует шмель,
проверяя на прочность воздух, надсадно воя.

Но похож на короткую очередь скрип сосны,
а выходишь из леса – пугаешься тишины.
Вроде просто поля, а видится поле боя...

Вероника Алферова. Натюрморт с самоваром. 2021

ПОЭЗИЯ

Ольга Драгунова
(Москва)

История любви. Прощание

Свидание осеннее...
И ветер зол и груб.
И ты весь – откровение
Измучившихся губ.

И я вся – откровение
Ладоней, губ и глаз...
Свидание осеннее –
Последнее для нас.

Заиндедеввшие ресницы
И слов – таких ненужных! – мука...
Зачем нам снова становиться
Тем, чем мы были друг для друга?
Уйди, забудь, дай мне забыться,
Жизнь перестроив наудачу.
Заиндедеввшие ресницы –
Зачем я на морозе плачу?

Закат на похоронах дня
Частит унылыми слезами,
И смотрят окна на меня
Дождливо-грустными глазами.
И вечер тает в тишине,
Глядит смущенно, удивленно –
Как, зябко съжившись во сне,
Березка спит в объятьях клена.
А он, как будто опьянев
От вечной прелести той встречи,
Горит в октябрьском огне
И льет ей золото на плечи,
Чтоб вновь под сказочный мотив
Мучительно забыться рядом
И тихо вместе в ночь уйти
Звенящим лунным листопадом...

ПОЭЗИЯ

Юлия Пучкова
(Москва)

Светлячок

Ах это чудо – свет другим дарить,
И рисовать узор на лике ночи,
И быть одним из лучших, между прочим,
Пока огонь горит, пока горит.

И светлячок с такими же, как он,
Украстить ночь спешил своим гореньем,
Испить восторг от общего творенья
И от работы дружной в унисон.

Но от судьбы, как видно, не уйдешь –
Хоть от других та ночь не отличалась,
Быть может, только тьма сильнее сгущалась,
Да пробежала вдруг по телу дрожь –

В ту ночь погас огонь его, погас.
Лишь позже все заметили пропажу.
Да он и сам не сразу понял даже,
Что безвозвратно всё на этот раз.

Они молчали все, и он молчал.
Слова подчас, увы, мешают смыслу.
А в голове убийственные мысли,
Что возникают часто сгоряча.

Но вот его похлопал по плечу
Один из них, другой шепнул: «Бывает,
Дорога жизни странная кривая,
Не скажешь ей, веди, куда хочу».

Он знал, что в мире много доброты,
Но доброта горенью не замена –
Не защитит она его от тлена,
Не возродит разбитые мечты.

Шли дни, его с собой никто не звал –
Боялись ранить иль хотели ранить,
Не все ль равно, когда есть только память,
А «завтра» будто кто-то оборвал.

И он решился в полной темноте
Лететь от них, лететь от жизни прежней,
Он не питал иллюзий и надежды –
Он просто прочь от прошлого летел.

Но расступалась тихо темнота,
И лес иным явился на рассвете,
И он глазел, как могут только дети,
Мир познавая с чистого листа.

Так мир цветной? Он раньше и не знал
И был уверен – тот кромешно черный,
И только звезды мраку непокорны
Да в темноте заблудшая луна.

А тут такими красками земля
Пестрит кругом, и так она прекрасна –
Он глянул вверх, а там на небе ясном
Горел один божественный светляк!

И рухнул мир, и все, чем прежде жил,
Вдруг показалось мелочью ничтожной –
На фоне этой мощи невозможной
Вся жизнь его – сплошные миражи.

И мысль одна – к своим лететь скорей,
Поведать им, что жизнь проходит мимо,
Что им увидеть день необходимо –
Ведь ради дня не жалко и сгореть.

Московский BAZAR № 2 (45) 2023

– Лететь назад – хорошая ли мысль? –
Раздался сзади голос незнакомый, –
И я сгорел, и я бежал из дома,
Был для меня потерян жизни смысл.

Летел я прочь в крошечной тьме в слезах
И не гадал, что есть иное счастье –
Тем, что творят другие, восхищаться,
Смотря на мир цветной во все глаза.

Судьба с тобой нам тьму сменить на свет,
Восторг творца сменить на созерцанье.
Но коль решишь лететь, то на прощанье
На мой вопрос правдивый дай ответ.

Когда горел, скажи, был счастлив ты?
А если так, зачем же красть их счастье?
Не лучше ль им и впредь с такой же страстью
Гореть во тьме во имя красоты?

Ковер-самолет

Я выкрал из сказки ковер-самолет.
Их там больше сотни – ну что им один?
Летал я на нем, будто сам Аладдин, –
Куда захочу, он туда и везет.

Никто и не знал, что я в небе парю, –
Лишь старый фонарь да большая звезда,
Что утром последней заходит всегда
И гаснуть сигнал подает фонарю.

Неделя прошла, и не знаю, с чего
Стал блекнуть ковер и заметно лысеть,
Теперь он скорее похож был на сеть,
И я беспокоиться стал за него.

Еще через день испугался всерьез –
Ковер мой ослаб и местами провис;
Бедняга дрожал как осиновый лист,
С трудом поднимаясь к верхушкам берез.

В тот день я полеты совсем прекратил –
Тревожить ковер стало совестно мне,
Я гладил его по шершавой спине
И думал-гадал, как беднягу спасти.

С ковром на плече я полночи бродил
И все-таки в сказку дорогу нашел,
По лестнице в небо, волнуясь, взошел,
А там на пороге стоял Аладдин.

Он весь просиял, лишь увидел ковер.
Но в миг не осталось от счастья следа,
Когда я беднягу ему передал –
В глазах его был только горький укор.

Он бросился в сказку с ковром на руках,
А я еще долго стоял у дверей.
Наверное, стал я немного мудрей
На лестнице той, что ведет в облака.

Я верить хочу, что ковроу хватит сил
Однажды ко мне возвратиться домой,
Всего лишь в окошко махнуть бахромой –
Мне б только понять, что меня он простил.

Раннее слово

Почему мы друг друга раним
Необдуманным словом ранним?
На тончайших весах хрустальных
Нам бы взвесить его заранее;
Нам бы сто тысяч раз представить,
Как оно отзовется в эхе,
Чтоб смогли ощутить мы сами,
Не нужны ль для него доспехи.
Чтоб подумать сперва успели,
Что доспехи других другие,
А под ними мы все нагие,
И достигнем ли болью цели.
Может, лучше смолчать, чем рано
Разродиться незрелым словом,
Чтобы позже полсотней новых
Не залатывать злую рану?

ПОЭЗИЯ

Галина Ключникова
(Сергиев Посад)

Рассвет

Благословен будь утренний рассвет
Со светлой полосой у горизонта,
Где расплывается его нечеткий контур
И набирает яркий нежный цвет.

Трель соловья среди листвы зеленой,
Еще такой прекрасно молодой,
И облаков пушистых легкий строй,
Дыханье ветра в роще обновленной.

Пусть будет так спокойно и красиво,
Пусть лишь добро приносит утро всем,
Без слез. Без взрывов, без больших проблем...
Пусть будет день привольным и счастливым.

О цветах

И эфемерное, и настоящее
Вечность и миг, увяданье, цветение...
Утро проснулось, живое, манящее,
В солнечном свете являя видение
Нежных цветов, что украшены росами,
Сонных соцветий, рассветом разбуженных,
В ярких лучах самоцветные россыпи
Нежность несут, теплоту и радушие.
Где-то в лугах ворожкой ромашковой,
Где-то в полях васильковой безбрежностью,
Желтым пятном разбежались овражками
И удивляют своей безмятежностью.
Им не познать хрупкость жизни, неведомо
То, что так краток их миг процветания.
Их лепестки, просыпаясь с рассветами,
Не ожидают момент увядания.
Рядом на клумбах под окнами сонными
Зреют бутоны пионов букетами.
Чистыми, белыми, розово-скромными,
Жизни людей наполняя рассветами.

Ты – ангел

Вдыхаю я цветочный аромат,
И в голове кружат воспоминанья.
Они пришли и, может, невпопад,
Напомнили забытые свиданья.

Бросает в руки ветер лепестки, –
Как бабочки, легки и невесомы,
Они, как будто хрупкие мостки,
К моим ночам тревожным и бессонным.

А ты, оберегая дни мои,
Невольно слезы в жемчуг превращаешь.
И мир, что создавался для двоих,
Опять во снах моих соединяешь.

Грустят калитка, звезды, старый сад,
Наполнен вечер нотами печали.
А мы с тобою много лет назад
О горечи потерь пока не знали.

Галина Вязникова.
Салатовая птица в лесу. 2022

Жизнь продолжается

Гуляю с внучкой. Воздух свеж в тени.
Два месяца исполнилось малышке.
Мала еще, ей не читаю книжки,
Но глазки все ж улыбкой зацвели.

Знаком ей запах маминой груди
И папин голос, звонкий смех сестреночек...
Теперь же спит в тени зеленых кленов,
И много дней познаний впереди.

Уходит август, через день – сентябрь!
Два месяца минутой промелькнули.
Опять все вновь для опытной бабули.
Жизнь продолжается, и я живу не зря!

Октябрь

Октябрьский дождь смывает красоту,
Которую сентябрь дарил нам щедро.
И падают, как будто в пустоту,
Листы, отдавшись дуновенью ветра.

Они легли, усыпав тротуар.
Шагаю по дорожкам разноцветным.
И гаснет под дождем их яркий жар,
Приняв закон природы безответно.

Что спорить? Ведь она всегда права!
Вот так и я свою встречаю осень...
Но красота в душе пока жива,
Еще ярки воспоминанья вёсен.

Но чувствую, совсем не за горой
Седая поступь близкого предзимья...
Но солнца луч широкой полосой
Подарит лета бабьего мне крылья.

ПОЭЗИЯ

Юрий Воротнин

(г. Дедовск, Московская обл.)

Снег каленый, как будто казенный,
Как ни крутишься, ветер в лицо,
В этом поле и хлебные зерна
Прорастают лишь сорным словцом.

Потому здесь и вольному воля,
Что удел ни один не обжит,
И дорога до этого поля
Через это же поле лежит.

Меньше яблока редкое солнце,
Облаков надвигается спуд,
Но как насмерть стоят оборонцы
И ворота туда стерегут.

Говорил, говорил, как слова доставал из колодца,
И заплакал потом, и давай причитать-голосить,
Будто горло пробил наконечник стрелы инородца,
И рванула из горла тоска и печаль по Руси.

Не по родине плач, что гремела державным железом,
По Руси, гой-еси, что лишь в гусельных сказах жива,
Где семь верст до небес, только семь, но всё лесом и лесом,
А за каждым кустом колдуны, ведуны, татарва.

Он плетет языком, но какие узлы расплетает,
Отмывает слезами, что боль накопила во мне,
Красно Солнце встает, Ясный Сокол с запястья взлетает,
И в воде не тону, и опять не сгораю в огне.

Я семь верст пролечу, отобьюсь, отмолюсь по дороге,
Меч заветный в руках, сапоги-скороходы не жмут,
И увижу свой дом, и узнаю родных на пороге,
И услышу, как птицы и ангелы вместе поют.

Нет, не всегда, лишь от случая к случаю
 Вижу, сжимая виски:
 В Царстве небесном за тучей тягучую
 Бабушка вяжет носки.

Нет, не всегда, только изредка-изредка
 Вижу: со звездных крылец
 Смотрит в печали, как будто сквозь изгородь,
 Как виноватый, отец.

Там, в небесах, перед взорами Божьими
 В вечной тоске по своим,
 Молят они, чтоб родные, пригожие
 Не поспешали бы к ним.

Кто мне истину откроет,
 Светом тьму посеребрит,
 Не с того ли ветер воет,
 Что душа моя болит?

Кто удержит равновесье,
 Кто пошлет благую весть?
 Есть над нами поднебесье,
 И земля под нами есть.

Отчего в ученье строгом
 Ересь тлеет, как ожог?
 То ли ходим все под Богом,
 То ли все мы вместе – Бог?

Я стою под образами,
 Я держу в руках свечу
 И закрытыми глазами
 Вижу больше, чем хочу.

Тяжелый дождь над нашей стороною
 Идет, бредет, качается, ползет,
 То вдруг застынет каменной стеною,
 Да так, что птицы тянутся в облет.

И не утихнет этот дождь до снега,
 Расквасит землю, небо раздерет,
 Зато какое время для побега,
 Размытый след собака не берет.

Вот и кончилось время прощаний,
 Обустроен последний приют,
 Мы уходим туда не с вещами,
 Вещи дольше обычно живут.

Их удел средь завалов поденных
 Больше века из рук не сходить,
 Чтоб еще на земле нерожденных
 И уже неживых породнить.

Чтобы утром в тягучем тумане
 Слышал я сквозь столетний гранит,
 Как у прадеда в чайном стакане
 Колокольчиком ложка звенит.

Сам себя сомненьем отягчаю,
 Колочусь в закрытые врата
 И обряд от веры отличаю,
 Как нательный крестик от креста.

За своих чужих не принимаю,
 Душу ясным пламенем палю,
 Так смотрю, что все запоминаю,
 И боюсь, что вдруг заговорю.

Угра

Мы отданы в зимнее иго,
Глаза открываем с трудом,
И наша заветная книга
Железным запаяна льдом.

Хватило бы силы небесной,
Достало бы веры земной,
Чтоб выдержать холод отвесный,
Чтоб наст продышать крепостной.

И, путь начиная от печки,
Увидеть сквозь темь и пургу:
Войска наши встали у речки,
А враг на другом берегу.

Галина Вязникова. Про март. 2023

Здесь говорят не твóрог, а творóг,
Пьют чай из блюдца с сахаром вприглядку
И, по слогам читая слово «Бог»,
Справляют быт по старому порядку.

Поденный труд с погодю в борьбе,
Жизнь вопреки злодеям и дорогам,
И если жалость – жалость не к себе,
А к сгинувшим по войнам и острогам.

Смотрю вперед – ни огонька окрест,
Взгляну назад – тьма разливаает реки.
Всю жизнь свою бежал из этих мест,
А оказался вросшим в них навеки.

Ласточки ниже и ниже,
Крыльями режут траву,
Я никого не обижу,
Если свой век доживу.

Солнце уже не согреет,
Холод уже не возьмет,
Что же все ласточки реют,
Что же все дождь не идет?

Или небесная сила
Выдала нам оберег,
Или мгновенье застыло,
Остановилось навек,

Чтоб на прощанье присели
Мы на пороге родном,
Вспомнить, что было доселе,
Думать, что будет потом.

ПОЭЗИЯ

Призеры конкурса «Путевка в жизнь»

Сергей Берсенев (Москва)

Учитель

Кто его старания оценит,
 будет ли потом от слова прок?
 Он идет к своей заветной цели –
 донести до школьника урок.
 Кажется – сурово, нарочито...
 Это – только взгляд со стороны.
 Отдает всего себя учитель,
 а порой от них – как от стены...
 А порою он – объект насмешек:
 старомоден да не так одет...
 Попадался на глаза бы реже
 за одиннадцать длинющих лет...
 Минус ли – что он умен, начитан,
 будто не от мира он сего?
 Не Господь же, а простой учитель...
 Вот таким примите вы его...
 Нет, не надо холить и лелеять,
 выделять героем из толпы...
 Выбирает – тропы, не аллеи;
 там – отчетливей следы стопы.
 Затаив дыханье, помолчите –
 пусть стучат взволнованно виски:
 самый верный друг ваш, ваш учитель,
 душу открывает у доски.

Мария Де Паоли (Санкт-Петербург)

Спасибо учителям

Вы – жизни нашей мудрое начало
И, словно капитаны корабля,
Ведете нас от школьного причала
Дорогой знаний в мир, учителя.
Уроков пролетают вереницы,
И ветер надувает паруса.
Мы изучаем классиков страницы,
Физических явлений чудеса.
Каникулы, уроки, перемены.
Плывет кораблик школьный по волнам.
Своей души частичку непременно
Учитель каждый щедро дарит нам.
Нас учите прилежности, терпению,
Упорству и уменью побеждать,
Обдуманное принимать решения,
Моральные законы соблюдать.
Ошибок бури преодолевая,
Мы взяли курс к заветным берегам,
Ведь миссия учителя святая –
Путь указать своим ученикам.
Переплывем мы океан безбрежный,
Когда наставник мудрый у руля.
Вселяете в нас веру и надежду.
Спасибо вам за труд, учителя!

Галина Вязникова. Букет с дачи № 1. 2020

Сергей Еремеев (Москва)

Гипноз

Стихи об открытиях и о науке
 Издательство мне заказало. И вот
 Мой текст попадает редактору в руки.
 Надеюсь, что в детскую книгу войдет!
 «Живет человек
 Среди многих событий,
 Проводит свой век
 Среди многих открытий.
 И если к открытиям есть интерес,
 То это развитие, это прогресс!
 К любому познанию, к новому делу,
 Сначала вопросы бывают всегда.
 Но годы прошли, и оно устарело,
 И новых открытий грядет череда!
 Любое открытие – это ответ,
 И в жизни предела открытиям нет!
 Сейчас даже школьник поймет без вопросов
 Все то, что когда-то постиг Ломоносов!
 Как будто бы то, что открыл он тогда,
 Мы знали прекрасно, и знали всегда.
 Бессмертен на свете познания свет,
 Всесильный от мысли и слова.
 И разум, открытый для новых побед,
 Открытия делает снова.
 Тропою познания смело иди,
 Открытия будут, они впереди!»

– Ну нет, – говорит мне редактор на это, –
 Не надо такого от вас трафарета!
 Красивый, скажу вам, шаблон, но – шаблон.
 И значит, не нужен читателям он.
 Историю нам сочините, чтоб – ух! –
 Читая ее, захватило бы дух!
 А это я сыну возьму своему:
 Хорошая будет программа ему!

Чтоб он над кроватью, проснувшись едва,
 Читал и читал золотые слова!
 Я сделал что надо. А годы идут.
 Но старость меня не поймала!
 И вот меня в том же издательстве ждут,
 Где книг моих вышло немало.
 Сказал мне редактор, отбросив дела,
 Что сыну программа моя помогла!
 Что сын его в школе, как в море матрос,
 И дышит к наукам неровно.
 Что есть в моих строчках какой-то гипноз,
 Хороший гипноз, безусловно!

Наталья Колмогорова

(ст. Клявлино, Самарская обл.)

Монолог учителя

Когда придут ко мне ученики,
Я двери непременно им открою –
Так русло высыхающей реки
Наполнится вдруг вешнею водою;
Так солнце вдруг проглянет между туч,
И трудный день застынет в шумном беге...
Пойму я, что не зря был пройден путь
От альфы до аккордовой омеги.
Когда придут мои ученики,
Я вскипачу на кухне старый чайник.
И смех, и гвалт!.. Как будто бы с руки
Клюет печенье стая резвых чаек.
Они придут – нескладны и смешны,
Успешные по жизни и не очень,
Но в каждом есть чуть-чуть моей души,
Моей любви – безмерной и бессрочной.
Я улыбнусь... Остынет в блюдцах чай –
Нам есть что рассказать сейчас друг другу,
И на душе – как будто месяц май,
А не зима с ее январской вьюгой.
Когда придут ко мне ученики?
Наверное, случится это вскоре,
Ведь легкие, как ветер, челноки
Однажды прибывает к пирсу морем.

*Галина Вязникова.
Гурзуфские мотивы. 2021*

Алексей Кузин

(г. Кропоткин, Краснодарский край)

Дачники

Приехал к бабушке на дачу
и говорю: «Давай играть!
Еще хочу к игре в придачу
Я что-то новое познать.
Хочу, к примеру, стать сегодня
Я садоводом, как и ты.
Хочу копать в огороде,
Месить компост, сажать цветы,
Окутить лозы винограда,
Собрать опавшую листву.
Ты дай мне свежую рассаду,
Ее сажать тотчас пойду!»
Мой дед немного озадачен,
В ответ с улыбкой говорит:
«Пойдем, внучок, мой милый дачник,
Погода нам благоволит.
Но ты оденься потеплее,

Весна обманчива, внучок.
На солнце вроде лучик греет –
В тени гуляет холодок.
И не забудь надеть перчатки
И непременно сапоги,
Сейчас пойдем с тобой на грядки,
Проверим свежие ростки».

Весь день играя в садовода,
Узнал, как сеять и сажать,
И спать, не съев и бутерброда,
Улегся просто я в кровать.
Укрыв меня, мой дед с азартом
Сказал: «Назавтра пилка дров».
А я в ответ: «Дедуль, мы завтра
Давай сыграем в поваров!»

Олег Томский (Санкт-Петербург)

Поток и миг

о времени поток! ты повергаешь в прах
цивилизации, культуры, государства,
что пред тобой империи и царства –
не знал владычества над временем монарх
ни на земле, ни над, ни в сумрачных мирах...

теченье времени нельзя остановить,
о время! ты – спаситель и предатель...
жизнь коротка, и человек лишь наблюдатель,
чтобы умом понять, познать и охватить,
в чем таинство твое – лишь ведает Создатель.

для времени вся наша жизнь – лишь миг;
все помыслы пред ним отчаянно безумны –
еще вчера в тебе раздался первый крик,
родился, начал жить – вдруг, глядь, уже старик,
но продлевают жизнь – бесценные секунды!..

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Рыбакова

(МОССАЛИТ, Москва)

СВОБОДНАЯ КАССА!

Еще совсем недавно (буквально пару десятилетий назад), когда заведения «быстрой еды» штурмом овладели желудками, умами и кошельками неискушенных россиян, вместе с заморскими бургерами нашим людям удалось познакомиться и с новыми стандартами обслуживания. Один сотрудник – одна функция, на каждую операцию отведено конкретное количество минут, унифицированная форма и улыбка для посетителя. Ни минуты простоя – только вскинутая вверх рука и звонкий голос: «Свободная касса!»

Так ведь и правильно: быстро получил что хотел – быстро заплати. Закон жизни, работающий во всех отношениях и смыслах. Хотел получить – получил – заплатил. Не хотел, но получил – тоже заплати. Цена вопроса – такова современная формулировка этой интересной закономерности.

Для наглядности давайте поиграем в одну любопытную игрушку – пирамиду Маслоу. Это общеупотребительное название иерархической модели потребностей человека, упрощенно иллюстрирующей идеи американского психолога Абрахама Маслоу.

Если представить себе детскую пирамидку с разноцветными, уменьшающимися в диаметре кольцами, нанизанными на вертикальную основу, то у основания игрушки расположилось самое широкое кольцо человеческих потребностей – физиологических (голод, жажда, сон и т. д.). Следующее кольцо, чуть меньшее в диаметре, символизирует потребности людей в безопасности и защите (постоянство условий жизни, комфорт и т. п.). Над ним кольцо наших социальных потребностей: потребность в принятии другими, социальные связи, общение, привязанность, забота о другом и внимание к себе, совместная деятельность. Еще выше и еще скромнее в диаметре кольцо, связанное с потребностью индивида в одобрении и самоуважении. Здесь речь идет об уважении со стороны других, о признании достоинств, о достижении успеха, о карьерном росте и т. д. Венчает пирамиду совсем маленькое колечко – наши духовные потребности, включающие познание, самовыражение, самоидентификацию.

Цена удовлетворения наших первейших – физиологических – потребностей предельно ясна, поскольку цифры на ценниках обычно пропечатаны достаточно крупным шрифтом. Иногда, конечно, возникает вопрос, почему позарез нужная нам вещь стоит как чугунный мост, но такие сомнения лучше отбросить и купить сегодня, потому что завтра ее стоимость превратится в полтора чугунных моста.

А вот как рассчитать стоимость лени как одной из разновидностей комфорта? Как вы понимаете, здесь речь пойдет уже о втором кольце нашей пирамидки. Формула не слишком сложна. Объясню на своем примере.

В светлое пасхальное воскресенье мне не сиделось дома в благодати и умиротворении, а понесло на «Горбушку» за пустяковой хозяйственной надобностью. Подъехав к торговому центру

и прикидывая, куда бы припарковать машину, я удивилась каким-то непонятным полотняным ограждениям и строительной технике, занявшей большую часть привычной бесплатной парковки, но ехать куда-то еще, искать место, а потом тащиться пешком обратно к магазину было лень. Сильно лень. Поэтому поставила машину вдоль ограждения, тем более что я была не одна такая умная: еще с десятков машин теснилось на оставшемся свободным пятачке.

Вернувшись с покупкой, машины я не обнаружила. Хорошо, что у меня уже была закалка двумя эвакуациями, поэтому инфаркта не случилось – обошлось скачком давления. Дальше обычная процедура: выясняешь, на какую спецстоянку увезли, ищешь ее на карте, вызываешь такси (потому что туда кроме как на оленях добраться невозможно), томишься в двух очередях на оформление самого правонарушения плюс штрафа к нему и добровольного отъема денег в пользу эвакуационной службы, которая, как формулируется в акте, оказала тебе услугу. Уезжаешь и еще час добираться до дома. Вишенка на торте: два сотрудника спецстоянки сердечно поздравили меня с Воскресением Христовым.

Итого (во что обходится немного поленившись): потрепанные нервы, потерянная половина дня, испорченное настроение и дыра в бюджете диаметром с жерло небольшого вулкана. Как-то так...

Теперь о следующем кольце пирамиды – удовлетворении социальных потребностей, куда, среди прочего, включаются и наши семейные отношения.

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Первая фраза романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» иногда служит формой утешения в трудных обстоятельствах – мол, у всех бывают проблемы, всем нелегко. А как быть, если счастливым браком расплачиваются за то, что по-разному смотрят на одно и то же событие? Один говорит: «Каждый убитый на войне – это чей-то сын. Нельзя допускать такого». Второй отвечает: «Это моя Родина. Какой бы она ни была, я на ее стороне». Встает и уходит из дома. Насовсем. Каждый остался верен себе, но счастливого брака длиною в двадцать девять лет больше не существует. Сделал – заплатил.

Поднимаемся выше – потребность человека в одобрении со стороны других и в самоуважении. Поговорим о карьере.

Медаль по окончании школы, красный диплом финансового вуза. По результатам тестирования взяли в российское представительство иностранного банка – одного из лидеров банковской индустрии. Стремительное развитие карьеры и сопутствующее карьерному росту финансовое благополучие. К тридцати годам достиг такого уровня профессионализма, что предложили возглавить филиал уже в другой стране. Но душа не лежала. Ушел в финансовый консалтинг. Думал, станет лучше. Не стало. Хотелось что-то делать самому – на себя, а не на чужого дядю. Бросил офисную работу и вообще работу по найму. Было много проектов: какие-то более успешные, какие-то менее. Но обязательное условие – труд своими руками. Сейчас вместе с партнером изготавливает нишевый продукт – компактные печи для обжига керамики. Богатства не нажил, доход скромный, но на жизнь хватает. Зато в глазах радость, удовольствие от принятия себя таким, какой есть, доброжелательность к окружающему миру, спокойная уверенность в своих силах и своей правоте. Разве офисная карьера и финансовое благополучие не стоят такого выражения глаз?

И вот мы на вершине пирамиды. Воздух разрежен и прозрачен. Дышать тяжело, сердце выскакивает из груди. Не все сюда добираются, не всем это нужно. Духовные потребности – это очень тонкая материя. Совесть, честность, вера – каждый сам наполняет эти понятия смыслом. Доверимся мудрости царя Соломона, слова которого приведены в Книге Екклесиаста – одной из книг Ветхого Завета: «...время разбрасывать камни, и время собирать камни». Лично мне близка такая трактовка этого выражения: неминуем час, когда за все, ранее содеянное, придется нести

Московский BAZAR № 2 (45) 2023

ответственность. Та самая цена, которую мы платим за познание, самовыражение, самоидентификацию; за то, какой след и память мы оставим после себя.

Закон жизни на то и закон, чтобы оставаться неизменным. Бесплатным сыр бывает только в мышеловке. Прислушайтесь. В микрокосмосе нашего сознания и в макрокосмосе жизни-вселенной не смолкает настойчивый голос: «Свободная касса!»

Вероника Алферова. Покров. 2022

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Елена Долгих

(Южно-Сахалинск)

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Начало лета

На тропинке вдоль реки
Распустились васильки,
Вместе с летом босоногим
Расцветает склон пологий,
И толкнутся возле речки
Одуванчиков колечки,
А над этой красотой
Вьются пчёлки чередой.
Сколько радости и цвета
Дарит нам начало лета!

На велосипеде

На велосипеде
Сквозь июнь качу,
А за мною едет
Лето – не шучу!
Хочет научиться
Трюки исполнять,
Легкокрылой птицей
Обгонять меня.
Я вильнул и резво
Проскочил июль,
Путь немного срезал
Меж дождливых пуль,
Жму я на педали
Из последних сил,
Позади – видали? –
Лето дышит в тыл.
Поднажать бы малость –
Август впереди,
Лето рассмеялось:
– Эх, не обойти!
Я тотчас ответил:
– Мне, коль захочу,
Обогнать и ветер
Будет по плечу!

А. Курзанов. Детство

Дождик падал

Вышел утром за порог,
Сверху донизу промок,
Потому что дождик падал,
В окруженьи ярких радуг.
Поскользнулся дождь на туче
И упал с небесной кручи.
Я рванулся со всех ног,
Сразу дождику помог –
Усадил его под куст,
Здесь удобно старику
Наблюдать сияние,
Радуг одеяние!

Летний дождик

Дождика горошки
Падают в ладошки,
И легко танцуют
На большом пеньке.
Образуют лужи,
Ими двор запружен,
Скоро ручейками
Потекут к реке.
Падают, падают
С неба пузырьки,
Радуют, радуют
Летом ручейки.

Дождика капли
Звонко-звонко пели
О прекрасном лете
Крышам и домам.
Ливнем долгожданным
Прыгали к фонтанам,
А потом упрямо
Плыли к ручейкам.
Падают, падают
С неба пузырьки,
Радуют, радуют
Летом ручейки.

По радуге

Как друзей порадовать?
Это так несложно:
Ждём, когда по радуге
Покататься можно!
Рядом с лучшим другом
Мир сильнее светится,
Бросим вызов скукам,
Если с ними встретимся,
Чтоб скользить восторженно
Яркими дорожками,
В нас давно заложены
Крупными горошками
Смех и море радости
От всего катания.
Хороши на радуге
Наши состязания!

Простой зонтик

Задумал дождь испортить день,
Рванулся рьяно ливнем,
А солнце взяло бюллетень,
Накрылось пледом длинным
Из темных хмурых рваных туч.
Как здесь гулять, скажите?
Но найден очень быстро ключ,
Веселья накопитель –
Такой есть даже у меня,
Вовсю теперь трезвоньте,
Что защищает от дождя
Простой надёжный зонтик!

По дорожке

По зелёной, по дорожке
 Лето прыгает на ножке
 И смеётся звонко-звонко
 Над оранжевым лисёнком –
 С головы до лап малыш,
 Словно лето, юн и рыж!

Солнцедар

Вот он, лета солнцедар –
 Всех накрыл в момент загар!
 Шоколадный и не очень,
 Бронзовато-позолочен,
 Солнце в кожицу впиталось,
 Растворив зимы усталость.
 Загорелый мир детей
 Полон смеха и затей,
 Полон радости, удачи,
 И не может быть иначе!

Украду кусочек лета

На картинах и на фото,
 В нарисованных букетах,
 Сохраняется погода,
 Настроение от лета.
 Холод зимний, время стужи,
 Но на летних акварелях,
 Меж цветочных завитушек
 Льётся песня свиристея.
 На пейзаже возле речки,
 В брызгах радуга смеётся –
 Лето, хоть и быстротечно,
 В нашей жизни остаётся
 Теплым ярким амулетом,
 Как подарок из июля.
 Украду кусочек лета
 С вкусом солнечного улья.

Наслаждаться буду долго,
 Сохранив свои секреты:
 Я из памятных осколков
 Сберегу в квартире лето.

Что случилось с речкой?

Что случилось с нашей речкой?
 Стала узкой, как ручей.
 Словно змейка, вьёт колечки,
 Между плёсов и камней.
 В ней никак не искупаться,
 Только ноги окунуть,
 Побродить среди акаций,
 Разгребать песок по дну.
 Но зато вокруг прохлады,
 Веет свежий ветерок,
 А другого и не надо,
 Был бы лету дольше срок!

Папа расклеен

Папуля сказал: «Я расклеен немного,
 Болит голова, тянет спину и ногу...»
 Ответил Денис: «Я тебя подлатаю!
 Прислали друзья лучший клей из Китая!»
 Тут папа закашлял, потом застонал,
 Промолвил: «Не надо! Я просто устал!
 Чуть-чуть отдохну, съем оладушек груду
 И снова, сыночек, как новенький буду!»
 «Как новенький? – сын прошептал. –
 Интересно!»
 Но клей неохотно поставил на место.

Странное время

Время шло неторопливо,
 Ногу за ногу, лениво,
 Сонно двигалось за мной
 Осенью, зимой, весной.
 Время попросту тянулось,
 До каникул не проснулось,
 А потом пустилось вскачь,
 Полетело, плачь, не плачь,
 Самолётом и ракетой,
 Укорачивая лето.
 Но пришёл сентябрь и снова
 Еле тащится коровой...

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Елена Пономарева
(Саратов)

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Чудеса

Вкус июня – земляничный,
Запах – мяты луговой.
До свиданья, смог столичный,
Мы прощаемся с тобой!
С рюкзаками в поезд сядем,
Разгоняя вороньё.
– Уступите полку, дядя!
Место верхнее моё.
Сверху всё как на экране
Возникает предо мной:
Солнце блинное в сметане
На тарелке голубой,
Земляничный луг из шёлка
Под надзором воробьёв,
Наполняется кошёлка
Земляницей до краёв,
Распускаются на склоне
Голубые васильки.
Будто замерли в поклоне
Над рекою рыбаки:
Вон круги пошли под леской,
Поплавок нырнул, опять,
Подсекай и дёргай резко!
Что там? Жалко – не видать.
Вот и лес – густой, лохматый,
Задрожал и замер весь –
Показал рога сохатый...
Чудеса! Выходим здесь!

Вечер в деревне

День торопится к закату:
Прячет в речку медный щит,
У плетня барбос кудлатый
Спелость вишен сторожит.
– Кто быстрее? –
К прохладной речке
Ребяшня бежит толпой,
Строем тянут за уздечки
Лошадей на водопой,
Отсчитала день кукушка,
Филин ухнул далеко,
Из подойника по кружкам
Разливают молоко.
Открывают настезь ставни,
Приглашая вечер в дом.
Часовые звёзды встали
В карауле за окном.
Погулять бы до рассвета,
Но слышны призывы мам:
– Вероника!
– Лиза!
– Света!
– Ну-ка, живо по домам!

Дом на облаках

Ночь скучала за окном,
Завернула дом с крыльцом
В ветряное одеяло,
– Кач да кач, – его качала.
Отвечал посудой дом:
– Дзинь-дон.
– Дзинь-дон.

На волнах реки несла
Без ветрила, без весла
От порога до причала.
Без конца и без начала
Отмеряло время такт:
– Тик-так.
– Тик-так.

На рогах луны качала
Потихонечку сначала,
Раскачала – кач да кач:
– Баю, старенький, не плач.
Заворчала крыша:
– Ти-ише.
– Ти-ише, ти-ише.

Мы проснулись:
– Ох и ах!
Дом наш спит на облаках.
Мы ему руками машем,
Полотенцем дружно машем:
– Просыпайся!
– Стынет каша.

Будет средство от простуды

Пять внучат – цепочкой длинной,
Животы у всех урчат,
Перепачканы малиной
Рот и руки у внучат.
Вышла бабушка с корзиной,

Дед смеётся:
– Эй, народ,
Дам варенья, кто малины
Полный короб наберёт!
Мила, Славик и Полина
Тянут ягоду в горсти:
– Дед, и бабушку малиной
На здоровье угости!
Раздвигает куст Марина,
И Роман не отстаёт,
Бросит ягоду в корзину,
Остальные сразу в рот.
Наполняется посуда:
За корзинкой коробок –
Будет средство от простуды
И начинка в колобок.

Повезёт и вам, ребята

Стало солнце неподвижно.
Загорает стар и млад,
Покраснел от спелой вишни
Небольшой вишнёвый сад.
Как по зову налетели
Из неведомых краёв
Вереница свиристелей
И ватага воробьёв.
Старый клёст команды птицам
Раздаёт:
– До темноты
Не робеть и не лениться!
Набиваем животы!
Ох как сочно!
Ох как сладко!
И никто не виноват,
Что ни горсти, ни десятка
Не осталось для ребят,
Что не сварит баба Ната
Ни варенье, ни компот.
– Повезёт и вам, ребята,
Но на следующий год.

Грушепад

А у нас пять дней подряд
Настоящий грушепад.
Груши, груши, груши, груши
Пруд засыпали и сушу:
Вон их сколько на дорожках,
На беседке, на скамье.
Есть у мамы на ладошках
И одна досталось мне.
Прямо в руки с ветки – скок!
М-м-м, какой же сладкий сок,
Съем и пальцы оближу,
Только маме не скажу.

Хорошо стреляет лук

Поднял дед переполох:
– Где чеснок, фасоль, горох?
Возмущенью нет предела,
Грядка с луком поредела!

– Это мы с сестрёнкой ВалеЙ
В грядках с луком воевали.
Пук-пук-пук – у лука звук,
Хорошо стреляет лук.

Из зелёного гороха
Постреляли мы неплохо.
Но стрелять из чеснока
Не решились мы пока.

На качелях

Давай раскачаем выше и выше,
Там ветер макушки деревьев колыхет.
За лесом качается синяя речка,
Вот поле качнулось, овин и овечка,
В седле раскачался коровий пастух,
Свалился с забора соседский петух,
Как маятник, пёс на железной цепи
Качается, ржавую цепью скрипит,
Качаются яблони в нашем саду,
И яблоки с веток вот-вот упадут,
Качается дедушка вниз головой,
А мы возвращаемся сверху домой.

Летний день

Вдаль бежит, петляет речка –
 Река,
 Не угнаться человечкам
 Пока.
 Так и незачем спешить,
 На бегу
 Не забросить в речку удочку –
 Дугу.
 Посидим на валунах,
 Помолчим,
 Валуны, как куличи,
 Горячи.
 Поплём на червячка
 Не спеша,
 Может, выловим рачка
 Иль ерша.
 Даже если не клюёт –
 Не беда,
 Будем просто за рекой
 Наблюдать.

Две руки у реки

Две руки
 У реки:
 Широки,
 Велики.
 Хороши
 В них лещи,
 Судаки
 И щуки.
 Тянутся руки
 В Великие Луки.
 Обнимает правая
 Острова кудрявые –
 Там, над сочною травой,
 Мошкеры гудящий рой
 И шумит дубрава
 Под рукой,
 Что справа.
 А под левой
 Под рукой –
 Порт устроился речной;
 Отдают швартовы
 Из ворот портовых
 Теплоходы,
 Сухогрузы,
 До Орла,
 Калуги,
 Рузы
 По рукам реки плывут,
 Не плывут, а едут.
 И не едут, а идут
 И гудут, гудут,
 Гуду-у-ут.

Алексей Зайцев. (Рязань)

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Мария Сидлер
(МОССАЛИТ, Москва)

ОСТАНОВИТЬ ВРЕМЯ!

Август, 2163 год

Вы уже заметили, что все наши с Тошкой приключения начинаются с пустяков? Как говорит папа, мы с Тошкой умеем находить их буквально на ровном месте. Да, дети двадцать второго века остались такими же непоседливыми, как были, наверное, и в двадцать первом веке, и в двадцатом, и во всем прошлом человечества, включая детей неандертальцев.

Вот и это приключение началось с того, что мы приехали к маме на работу. Кажется, я еще не упоминала, но наша мама – временщик-историк. Она изучает культуру двадцатого века. В то время было много войн, уничтожались красивые здания, картины, скульптуры и многое другое, очень важное для людей будущего. Мама и ее коллеги в Институте времени изучают все события, которые происходили в то столетие, и стараются воссоздать утраченные памятники – сначала виртуально, а потом, если есть возможность, то технически воспроизводят копии. Это очень важная и ответственная работа, потому что культура – это хранилище памяти человечества. И для каждого века есть своя команда ученых, которая занимается изучением и сохранением культурных ценностей. Даже потерянную Александрийскую библиотеку нашли, и теперь каждый человек может на хендтопе прочитать древний манускрипт. Они все переведены на современные языки.

Я это к чему все так подробно описываю? Тошка упросил маму в конце летних каникул взять нас с собой на экскурсию по Институту времени. И мама договорилась с директором, что нам покажут разные залы, где хранятся спасенные ценности, и машину времени, и еще много всего интересного, что там у них есть. Так в один августовский денек мы все вместе сели в аэромобиль и через несколько минут уже выходили у красивого огромного белого купола Института времени.

На входе нас встретил сам директор института, он поздоровался с мамой и нами:

– Что, привели к нам юную смену, Алиса Игоревна?

– Ох, не знаю, Николай Михайлович! Но если интересуются историей, это уже прекрасно, как вы думаете?

– Безусловно! Что ж, начнем, пожалуй, экскурсию!

Первые залы были не очень для нас интересные – в них были античные артефакты. Но кто из современных детей интересуется древнегреческими статуями? Хотя, как по мне, они очень красивые. Я вот каждый раз думаю – неужели действительно люди в древности все такими были? В двадцать втором веке люди тоже красивые, потому что научились ценить свое здоровье. Но античные похожи на пришельцев из других миров – такие у них совершенные лица.

Потом, конечно, шло средневековье. Здесь Тошка «залип» – рыцари и всё, что с ними связано во все века, это очень увлекательно!

Николай Михайлович рассказывал нам о том, как возник Институт времени и почему его работа важна. Как сотрудники иногда рискуют своими жизнями, чтобы спасти какую-то ценность или хотя бы сделать с нее голографическую копию, чтобы воссоздать ее в нашем времени.

Оказывается, недавно ученые изобрели машину времени. Это еще экспериментальный образец, поэтому про него не рассказывали нигде. Когда мы проходили мимо центра всего купола, огороженного стеклянной стеной, то увидели ее. Машина времени была похожа на вытянутую капсулу. Директор рассказал, что летать на ней можно только в прошлое, ведь будущее еще не наступило. А все события прошлого уже случились. Но в ближайшее прошлое летать нельзя, потому что в одном временном отрезке не может быть двух одинаковых людей. То есть наша мама, например, может полететь только в то время, когда она еще не родилась. Но главное, что эта машина, конечно, облегчила ученым возможность изучения прошлого, и теперь, при любой возможности, небольшие предметы искусства, обреченные на верную гибель в своем времени, стараются спасти и привезти в будущее, то есть в наше настоящее. На прошлое это никак не влияет, а для будущего человечества имеет огромное значение. Конечно, дворец какой-нибудь так не привезешь, но вот книгу или картину – вполне. Сотрудникам института строго-настрого запрещено долго находиться в прошлом и как-то влиять на него. Все должно идти своим чередом. И только в самый-самый последний момент можно выхватить рукопись из огня.

Так мы ходили из зала в зал и смотрели на ожившую перед нами историю. Мимо проходили другие сотрудники института, здоровались с мамой и директором, перекидывались какими-то фразами. Но мы не слушали их – во все глаза разглядывали, как машину времени готовили к запуску. Одни сотрудники, одетые в немецкую военную форму времен Второй мировой войны, скрылись в недрах шаттла, а другие, в форменных зеленых комбинезонах инженеров, колдовали на пульте управления, установленном на отдельной платформе. Шаттл на наших глазах исчез в яркой вспышке с тихим хлопком. На месте старта остался виться легкий дымок. Николай Михайлович заметил наш интерес:

– Это коллеги вашей мамы, специалисты по двадцатому веку. Им, наконец, удалось разработать план спасения янтарной комнаты, погибшей в годы Второй мировой. Надеюсь, что им все же удастся спасти шедевры, хотя бы часть.

И добавил, обращаясь к маме:

– Алиса Игоревна, дальше показывайте сами, я вынужден откланяться. Дела ждут!

Он энергично зашагал в сторону зала, где еще минуту назад была машина времени.

– Мам, а ты тоже летаешь в прошлое? – спросил Тошка.

Мы как-то никогда не задумывались раньше, насколько интересная у мамы работа. Всегда считали, что историки только пыльные книжки прошлых веков читают. А тут, оказывается, такие интересные дела происходят!

– Нет, но я помогаю планировать все операции по спасению ценностей – изучаю архивы, видео, выезжаю на место предполагаемого последнего нахождения предмета, который мы ищем, создаю в виртуальном пространстве похожее место, чтобы провести репетицию нашего плана спасения. Или воссоздаю виртуальную копию того, что нельзя спасти реально, чтобы потом передать историкам-реставраторам. Кстати, у меня сейчас очень интересный проект! Пойдемте, покажу.

На панели доступа у двери, ведущей в очередной зал, мама набрала код. Дверь открылась, и мы вошли в виртуальную комнату. Ими же пользуются не только дома для развлечения, в них работают. Виртуальные комнаты придуманы были в помощь разным ученым, врачам, космонавтам – для создания симулятора нужного пространства.

Мы оказались в старинном городе. Булыжные мостовые, белокаменные соборы, деревянные дома с резными кружевными наличниками, солидные, но невысокие, в два-три

этажа каменные дома с вывесками на русском языке: «Булочная», «Гастроном». Как будто мы уже перенеслись на машине времени в некое сказочное место.

– Что это за город, мам? – спросила я восхищенно.

– Это русская Атлантида – город Молога. Вы же знаете, какие города зовутся атлантидами?

– Да, те, которые когда-то существовали, а потом исчезли.

– Точно! Вот и этот город в начале двадцатого века еще жил на берегах реки Мологи, за Ярославлем. А потом утонул в Рыбинском море, при его создании. Единственное, что его отличает от Атлантиды, это то, что все всегда знали, где на дне он находится, но через двести с лишним лет Мологу уже невозможно поднять на поверхность – она почти вся разрушена.

– А жители? Они что, тоже утонули вместе с городом? – в голосе Тошки звучал ужас.

– Нет, конечно, их переселили. Но далеко не все дома перевезли на новое место, да и многие просто невозможно было перевезти. Это же было как раз перед Второй мировой войной. Тогда и технологий таких не было – деревянные дома сплавляли по реке, как плот. Многие утонули. А каменные никто и не разбирал. Под воду ушли целиком усадьбы. Что-то вывезли из них, что-то так и погрузилось на дно вместе с чьим-то родным домом. Мы стараемся создать виртуальную копию по документам, старым фотографическим карточкам – хорошо, что в то время хотя бы уже существовали фото- и кинохроники. Наши батискафы исследуют остатки зданий на дне Рыбинского моря.

Брат не унимался:

– Мам, а зачем его делали, это море? И почему море? Оно же пресное, если из воды рек состоит.

– Это давняя история. Раньше люди не умели использовать правильно силу солнца. И использовали силу воды для выработки электроэнергии. А для этого строили на реках гидроэлектростанции. Чтобы они работали и давали много энергии, приходилось создавать такие водохранилища. Ну и, конечно, от этого страдали населенные пункты по берегам рек. Морем Рыбинское водохранилище называют потому, что когда-то на его месте действительно было очень древнее ледниковое озеро, такое большое, что сравнимо с морем. А потом ледниковое озеро растаяло и дало воду для трех рек: Мологи, Волги и Шексны. И по берегам этих рек построили села и города. Среди них – и город Молога, один из самых древних и красивых. Он-то и пострадал больше всего, когда большая вода с помощью людей вернулась и погрузила город, как древнюю Атлантиду, на дно.

– Это очень печально... – Я была растрогана этой историей. Так и виделись несчастные люди, с грустью покидающие свои дома. И город, который в виртуальной реальности раскинулся перед нами как настоящий, только без людей, но которого не существует в действительности.

– Да уж, двести лет назад люди совсем не думали о будущем! – возмутился Тошка.

– Неужели ничего нельзя было сделать? – Брат никак не мог смириться с тем, что считал несправедливым. – У вас же есть машина времени...

– Ты же слышал директора – вмешиваться в прошлое категорически нельзя! Мы делаем, все, что можем, – ответила мама. – Постараемся привезти картины, иконы и другие артефакты, чтобы разместить в музеях. Скорее всего, голографическая копия города будет воссоздана на том же месте, на воде.

На этом наша экскурсия закончилась. Мы с Тошкой отправились домой, а маме нужно было работать. Но история о городе-призраке нас не отпускала.

– Просто не верится, как раньше люди не берегли ничего! Целый город затопили, чтобы немного энергии получить! – ворчал Тошка, пока мы катились в сторону дома на велосферах. Это такая штука, как большое колесо с сидением. Ты в него садишься и катишься по специальным дорожкам.

– Мы же не знаем, что тогда нужнее было – город или энергия. Мы вообще не можем, с нашими современными технологиями, осуждать людей прошлого, – я пыталась быть справедливой. – Но мне тоже жаль город... Было бы здорово, если бы он сохранился. Очень красивый, прямо как в книгах с древнерусскими сказками художники рисуют. Помнишь, как у Пушкина в «Сказке о царе Салтане»: «Город новый златоглавый»?

Тошка что-то сосредоточенно рассматривал на экране хендтопа.

– Смотри, я полез читать старые документы, и здесь написано, что город Молога мог быть сохранен, если бы уровень воды был на четыре метра ниже. Но тогда было бы меньше энергии на гидроэлектростанции.

– И что из этого? – я не понимала, куда клонит брат.

– А то, что мы можем спасти город!

– Это как?

– Так! Мы возьмем машину времени, сгоняем в прошлое и поправим уровень воды на меньший. Вода не затопит город!

– Тошка, ты сошел с ума! Во-первых, нас никто не пустит в машину времени! Во-вторых, мы не умеем ею управлять. В-третьих, тебе же сказали, что в прошлом нельзя ничего менять. Если город уцелеет, то история сильно изменится. Да и не факт, что за двести лет с ним еще что-нибудь не случится! – Я так горячо пыталась разубедить брата, что опять начала накручивать розовую прядь волос на палец.

– Да, точно... Но все равно нельзя допустить, чтобы его утопили... Нужно обязательно что-то придумать!

По дороге решили заглянуть в гости к киборгу дяде Мише. Мы часто навещали их с Альфой. Сейчас были каникулы, Вертер Робертович, наш школьный учитель, уехал на конференцию по новым технологиям в робототехнике, и дядя Миша с собакой-киборгом Альфой жили одни в его доме.

Альфа встретила нас, радостно виляя хвостом-пружиной и припадая на передние механические лапы. Обычная собака, если не считать, что тело ее теперь состоит из специального металлического сплава.

– Привет, ребята! – За Альфой стоял киборг дядя Миша.

– Дядя Миша, как у вас дела? А мы такое сегодня узнали... – Нам не терпелось поделиться историей про затопленный город.

Когда мы закончили рассказывать, дядя Миша задумчиво сказал:

– А ведь Тошка предложил интересную идею... Город можно спасти, не нарушая ход истории. Можно сделать из него заповедник, подняв над водой и накрыв его куполом времени – по аналогии с машиной времени.

– Как такое возможно? – спросили мы с братом хором.

– Я, с тех пор как познакомился с Вертером, вашим учителем, многое вспомнил из своего прошлого, да и постоянно читаю техническую литературу. Мне очень нравится изучать новые технологии. Так вот. Вокруг города нужно сделать ров и заложить уменьшители магнитного поля Земли. В момент, когда вода начнет наполнять ров, образуется остров и вместе с городом поднимется над водой. А установленный купол перенесет его во времени в будущее.

– Но за двести лет его же обязательно кто-нибудь будет искать! – Я не верила до конца в успех идеи.

– Да. Но люди, особенно в прошлом, склонны к мистификации. Место обрстет легендами, никто и не подумает искать здесь технологии будущего. На ход истории это не повлияет – города же нет, как и планировалось.

Мы ушли от дяди Миши воодушевленные и вечером рассказали о его идее маме и папе за ужином.

Папе, как инженеру, план понравился. Он сказал, что так реально сделать с инженерной точки зрения. Но мама... Мама сначала была против.

– Как вы не понимаете, что возможен эффект бабочки – когда одно незначительное событие может поменять ход истории! Да и кто нам позволит в институте взять машину времени! Это авантюра!

– Эх, зато какой музей мог бы быть! Настоящий древний город, а не голография скучная! – возражал ей Тошка.

Мы были так настойчивы и убедительны, что мама сдалась.

– Хорошо, я поговорю завтра с директором. Но ничего не обещаю.

– Мы с тобой! И дядю Мишу возьмем! – закричали мы хором.

На следующий день всей компанией, кроме Альфы, заявили в Институт времени. Николай Михайлович сильно удивился, увидев шумную группу в своем кабинете. И еще больше удивился, когда мама изложила нашу общую идею. Папа и дядя Миша пояснили все технические подробности. А мы с Тошкой горячо рассказывали о том, какой классный и интересный музей можно было бы реализовать в Мологе и как потомки тех людей, которых переселили, будут рады, что город не утонет. Директор Института времени всех выслушал очень внимательно и долго молчал, обдумывая что-то. Наконец сказал:

– План, конечно, очень рискованный. Но мне нравится идея! Русская Атлантида не должна быть затоплена! Алиса Игоревна, поручаю довести вам этот проект до конца. Я так понимаю, что ваш муж, Петр Петрович, также участвует? Но в случае неуспеха, вы, надеюсь, понимаете, что последствия могут быть фатальными не только для города, но для нас всех, ныне живущих. Поэтому будьте предельно осторожны и тщательно все спланируйте со специалистами.

– Ура! – Мы с Тошкой запрыгали по комнате, радуясь и вопя во все горло. И сложили пальцы на удачу в нашем тайном знаке: большой и безымянный в кольцо, а средний и указательный в букву V.

Срок назначили через неделю, в последних числах августа. Сначала никто не собирался брать нас с братом в путешествие по времени. И Тошка долго упрашивал маму посмотреть на прошлое «ну хоть одним глазком», обещая сто баллов по всем предметам в следующем учебном году. К счастью, на нашу сторону встал папа, сказав, что без наших идей ничего бы не вышло и отправить нас в прошлое будет справедливо. И мама пообещала взять нас с собой. Мы торжественно поклялись не отходить ни на шаг от машины.

В назначенный день мы снова оказались в Институте времени. Но теперь не как гости, а как полноправные члены экспедиции. Мы прошли в зал с машиной времени, чувствуя себя очень важными персонами. Я, Тошка, мама, папа и дядя Миша, которого тоже взяли в команду – ведь кроме всего прочего нужно же было вырыть ров вокруг всего города, а кто как не киборг справится с этим быстрее всех?

Папа и дядя Миша проверили, все ли необходимое оборудование роботы-техники погрузили в машину времени. Специалисты Института времени настроили пульт на первое апреля одна тысяча сорок первого года, когда город Молога стоял уже пустой, но не был затоплен. Мы удобно устроились в пассажирских креслах и надели специальные шлемофоны, которые должны были обеспечивать стабильное давление на мозг в течение всего путешествия сквозь пространство и время. Никаких иллюминаторов не было – полностью закрытая капсула. Пилотов в машине времени тоже не было, она передвигалась только под контролем инженеров института. На голографическом мониторе загорелась надпись: «СТАРТ!», нас немного качнуло, и мы как будто поплыли по волнам. Впрочем, это длилось совсем недолго, и на экране возникла

надпись: «Вы ПРИБЫЛИ В ТОЧКУ НАЗНАЧЕНИЯ». Шлемофоны мы сняли и выбрались наружу. И словно очутились в виртуальной комнате Института времени, где мама создала проекцию города! Настолько точно все совпадало: деревянные дома с резными наличниками, солидные купеческие особняки, колокольни и белокаменные церкви с золотыми куполами. На пустой город опускался закат, и купола отсвечивали розовым.

Машина времени стояла на небольшой площади, видимо ранее использовавшейся как место сбора всех горожан: по всему периметру оставались брошенные хозяевами навесы для торговли. Я наклонилась и потрогала брусчатку под ногами – она была холодной и гладкой. Тошка дернул меня за рукав:

- Вась, давай посмотримся здесь!
- Мы же обещали никуда не отходить от машины времени!
- Да ладно, мы недалеко!

Пользуясь тем, что взрослые занялись приготовлениями к цели нашей экспедиции, мы улизнули в одну из боковых узких улочек. Причудливо извиваясь, точно ручей, среди наклепленных деревянных домишек, она вывела нас на другую небольшую площадь, во главе которой стояла колокольня. Неожиданно мы увидели возле башни сидящего человека.

- Но город же должен быть пуст! – прошептала я.
- Может, ошиблись сотрудники института в расчетах? – так же шепотом ответил брат.

Мы спрятались за сараем и начали наблюдать. Человек посидел еще несколько минут, а затем скрылся в арке входа на колокольню. Еще через некоторое время он показался на верхнем ее ярусе и начал дергать за веревки колокола. Над городом раздался печальный перелив колоколов: «Динь-динь-дон! Динь-дон-дон! Дон! Дон! Дон!». Это было так неожиданно и так красиво, что Тошка как замороженный вышел из нашего укрытия. Человек на колокольне заметил его и перестал звонить. Тошка так и стоял на месте, когда тот спустился вниз и направился в его сторону. Молодой и щедедушный, одетый в порванный местами ватник, мешковатые брюки, заправленные в заляпанные весенней грязью сапоги. Тут уже и я встала рядом с братом. Мало ли что. А я на три минуты старше.

- Здоровеньки! – поздоровался человек из колокольни.
- Здравствуйте! – вежливо ответили мы, лихорадочно соображая, как объяснить свое присутствие в выселенном городе.

– А что вы тут делаете? Вы разве не уехали с последними подводами? – спросил человек.

- Тошка нашелся первым:
- Да нет, мы завтра уезжаем. А вы почему еще здесь?
- А мне, мил человек, некуда от своей колокольни ехать. Мы вместе с ней тонуть будем.

Значит, судьба у нас такая. Я звонарь, зовут меня Сашкой. А вот вас что-то я не припомню... И одеты вы как-то странно, не по-нашему. Вы не из наших краев, что ли? Неужто пожить чем в пустом городе удумали? – Сашка нахмурился. – Не позволю здесь безобразничать! – Он сжал кулаки, наступая на нас.

- Я поспешила успокоить звонаря:
- Нет, нет! Вы не думайте ничего плохого! Мы ничего не возьмем!

- Неожиданно Тошка выпалил:
- Мы из будущего! Мы вас спасти хотим! И вас, и колокольню эту! И весь город!
- Да ты, малой, головой стукнутый? – Звонарь теперь сочувственно смотрел на Тошку. –

Понимаю, я сам чутка с ума не спятил, когда нам объявили, что город топить будут, чтобы эту, как ее там, гидростанцию строить... Эх, такой город погубить задумали!

– Он правду говорит, – вмешалась я. – Мы честно из будущего прилетели. Ваш город не затопит, он станет музеем под открытым небом. А вот вам нужно скорее уходить...

– Куды ж я уйду? Некуда. Здесь всегда был мой дом, при монастыре. Я ж сирота. Как прибился к обители, так и служу тут сызмальства звонарем. Нет уж, никуда я отсюда не пойду. Ежели город тонет, то и я с ним, под колокольный звон ко дну пойду. Я так решил, и начальству городскому, которое меня уговорить пыталось уйти со всеми на новые места, так же сказал. И вам, кто бы вы ни были – сумасшедшие ли или правда из будущего, – так же говорю: Сашка-звонарь никуда от своей колокольни не пойдет. Запас провизии мне добрые люди оставили, а через месяц тут все равно ничего не останется – все под воду уйдет.

Мы с Тошкой переглянулись. Здесь нужно было что-то срочно делать. Скорее всего, киборг уже вовсю копает ров с помощью роботов-кротов и ставит заряды, которые помогут городу с куском земли зависнуть в воздухе. Но этот человек, Сашка-звонарь, обрекает себя на верную гибель.

– Пойдемте с нами, пожалуйста. Здесь недалеко, – попросила я. – Вы увидите, что мы не врем и не сумасшедшие.

Сашка доверчиво пошел за нами.

На площади возле машины времени находились только наша мама. Судя по ее лицу, она была встревожена и сердита одновременно. Дядя Миша окапывал город, как мы и думали. Папа устанавливал временной купол, который решили расположить на пожарной каланче.

– Вы же обещали никуда не уходить! – Мама укоризненно посмотрела на нас с братом, когда мы подошли. – И, кстати, вы тоже слышали колокольный звон? – добавила она тревожно.

Пришлось признаться, что свое слово мы нарушили, но зато нашли человека, который мог бы пострадать от эксперимента. Ведь по всем документам того времени город должен был быть пустым. Ни о каком звонаре там не упоминалось. Мама пришла в ужас.

– Я так и думала, что в исторических документах могли быть неточности! Нужно было высылать сначала на разведку специалистов.

– Мам, сейчас уже поздно об этом думать, – рассудил Тошка. – Что делать-то будем?

Звонарь Сашка совершенно не интересовался ни своей судьбой, ни нашим разговором – он во все глаза смотрел на машину времени.

– Значит, правду мальцы сказали... Ненашенские вы... А расскажите, что там, в будущем? Как народ живет?

Мама вымученно улыбнулась:

– Хорошо живет! Технологии современные. Энергетика экологичная. Вот только с вами что теперь делать?

– А ничего. Здесь меня и оставьте.

Мне пришла в голову идея.

– Мам, а ведь музею нужен смотритель!

– Но мы не можем... Хотя... – Мама задумалась. – Купол остановит время в этом месте...

Пожалуй, это лучший вариант в непростой ситуации.

Она обратилась к звонарю:

– Раз уж вы все равно избрали такой путь – исчезнуть вместе с городом, то предлагаю вам стать сотрудником музея. Мы перенесем город вместе с вами в будущее. Мы обо всем позаботимся – вам будут привозить продукты и все необходимое сюда. И время от времени приходить специалисты, которые будут изучать культурные ценности города. Вот только вам нельзя будет выходить за границы города. Никогда.

– Да я на все согласен, лишь бы с Молодой моей судьбу разделить.

– Тогда встречаемся в будущем! – Тошка радостно потряс руку Сашке.

Остаток времени мы провели, рассказывая Сашке-звонарю о будущем. А он все воспринимал доверчиво, точно маленький ребенок. И даже если бы мы сказали, что люди ходят в будущем на руках, он бы и в это поверил. Но, конечно, мы рассказывали только правду.

Когда дядя Миша и папа закончили все подготовительные работы, мы попрощались с новым зрителем музея града Мологи и вернулись в машину времени. Путешествие обратно в наше настоящее показалось еще быстрее, чем в прошлое. Мама объяснила, что это потому, что время, как река, имеет течение из прошлого в будущее. И в будущее мы движемся немного быстрее – плывем по течению. А при движении в прошлое машине времени приходится преодолевать сопротивление бурного течения времени.

Вернувшись, первым делом мы рассказали директору института о нашем знакомстве с местным жителем и решении, которое пришлось принять. Николай Михайлович в ответ показал нам статью в газете столетней давности.

«Куда исчез затопленный город?»

Город Молога, как известно, был затоплен в конце апреля одна тысяча сорок первого года. Но куда он исчез? Уже в наше время водолазы обшаривали дно Рыбинского моря, но не нашли никаких свидетельств того, что город лежит на дне. Старожилы рассказывают, что свидетели той трагедии якобы видели, что в дни затопления город как будто парил над водой и сквозь золотистую дымку видны были его очертания, а над водой плыл торжественный колокольный звон».

– Значит, все получилось? – спросила мама.

– Да, Алиса Игоревна. Но временной купол, видимо, при определенных погодных условиях немного приоткрыл нашу тайну. И образовались легенды вокруг города. Ну да это не страшно. Город теперь в наше время. Звонаря мы, конечно, не бросим на произвол судьбы. Пусть живет. Он под куполом фактически бессмертный. Там теперь всегда первое апреля одна тысяча сорок первого года. Завтра поедем, навестим город.

Аэрокатер парил над гладью Рыбинского моря, едва касаясь ее воздушной подушкой. Мама, Михаил Васильевич, я и Тошка пристально вглядывались вдаль. Я в нетерпении крутила розовый локон. Еще чуть-чуть, и вот над слепящей от яркого солнца поверхностью воды возник он – город Молога, русская Атлантида. Купол времени обрамлял парящий остров и создавал вокруг города тонкий разноцветный ореол, похожий на радугу. Над водой разносился радостный колокольный звон. Подлетев поближе, мы увидели Сашку-звонаря на колокольне. Он дергал за веревки, заставляя большие и малые колокола создавать эту музыку. Аэрокатер облетел город вокруг. И перед нами открывались во всей красе его мощные улочки с торговыми рядами, домами и соборами. Приветливо улыбались открытыми резными ставенками деревянные дома, а солидные купеческие провожали одобрительными кивками покатых крыш. Казалось, город рад, оставшись жить в веках таким, каким он привык быть.

Мама украдкой вытерла слезу.

– Мам, ты чего? – забеспокоился Тошка.

– Все в порядке. Это от счастья.

Николай Михайлович похлопал успокаивающе маму по плечу и сказал, обращаясь к нам:

– Спасибо вам, ребята, что вы помогли не дать исчезнуть такому великолепию! Культура – вот то, что дает шанс человечеству не просто выживать, но и развиваться.

Аэрокатер, облетев древний град, взял курс на берег. Завтра начнется новый учебный год. Угадайте, какой предмет будет моим любимым?

ПРИВИДЕНИЕ

Рано утром обычный двор между двумя обычными пятиэтажками содрогнулся от душераздирающих звуков.

«У-у-у-у! У-у-у-у!» – завывало где-то под крышами. Вой перекатывался по двору, точно осенняя листва.

Дворник дядя Петя стоял посередине двора, растеряно глядя по сторонам, и чесал голову, пытаясь определить источник беспокойства. Жители домов с тревогой выглядывали из окон своих уютных квартир.

– Что случилось?

– Кого-то грабят?

– Надо вызвать милицию!

– И скорую!

– Прекратите немедленно шуметь! Я спать хочу!

– Дядя Петя, сходил бы ты посмотрел, кто так безобразничает!

Примерно такие разговоры слышались сквозь неумолкающие завывания.

Дворник дядя Петя продолжал растеряно топтаться на месте, не зная, что предпринять: и идти на разведку страшно, и полицию вызывать не хочется – вдруг это просто ветер, а ответственные работники шуточек не любят.

Вдруг из подъезда одной из пятиэтажек во двор выбежала маленькая девчушка.

– Что, Настёна, и тебе не спится от шума? – Спросил ее дворник дядя Петя.

– Не спится! Надо проверить, кто там плачет...

– А почему ты решила, что это плач? – спросила Настёну тетя Таня с первого этажа. Двор был небольшой и все, что в нем происходило, всегда хорошо было слышно всем жильцам.

– Потому что я в книжке читала, что привидения всегда плачут жалобно!

– Ой, привидение! – испуганно вскрикнула тетя Таня и захлопнула окно.

– С чего ты взяла, что это привидение? Привидения только в книгах и фильмах бывают, – рассудительно заметил дворник дядя Петя.

В это время звук с «У-у-у!» сменился на «Р-р-р!».

– Да, возможно, это не привидение, – согласилась Настёна. – Больше похоже на льва или тигра. Наверное, он из зоопарка сбежал и к нам во двор забрался.

– Надо срочно позвонить в зоопарк! И в цирк! – И дядя Миша с четвертого этажа тоже поспешно захлопнул окно, как будто лев вместе с тигром уже подбирались по воздуху к окнам его квартиры.

– Фантазерка ты, Настёна! – улыбнулся дворник дядя Петя.

– И вовсе я не придумываю ничего! Я сто раз про такое в книжках читала – и про привидения, и про сбежавших львов!

– Ну, пойду, проверю, что там за лев прячется. – Дворник дядя Петя покрепче ухватил свою метлу и направился к тому подъезду, откуда громче всего неслись подозрительные звуки. – А ты здесь оставайся! – строго сказал он Настёне, скрываясь в подъезде.

Но Настёна, конечно же, не послушалась – какой ребенок останется в скучном дворе, если где-то под крышей завелось настоящее привидение? Или хотя бы забрел на чердак сбежавший лев?

Девочка быстрой тенью метнулась в подъезд. Но не в тот, куда пошел дворник дядя Петя, а в соседний.

Тем временем дворник дядя Петя дрожащими от страха руками уже отпирал замок решетки, которая вела к выходу на чердак.

«Может, и правда, надо было милицию сразу вызвать?» – подумал он. Но возвращаться и показывать девочке Настёне, что он, взрослый дядя, испугался какого-то там несуществующего привидения или даже сбежавшего льва, ему не хотелось. «Скорее всего, это ветер безобразничает! – успокаивал себя дворник дядя Петя. – Ну откуда в городе может быть лев? И привидений не бывает!»

Дворник дядя Петя справился наконец с замком и выбрался по узкой лестнице на пыльный чердак.

Как нарочно, переполошившие всех вопли стихли. В полной тишине дворник дядя Петя осторожно начал пробираться через трухлявые доски, валявшиеся на чердаке, поминутно останавливаясь и оглядываясь в сером сумраке. Ему все же было немного страшно.

В это же самое время Настёна тоже выбралась на пыльный чердак, но только из соседнего подъезда. Она была такой худенькой, что смогла без всяких ключей пролезть сквозь прутья чердачной решетки. Прислушиваясь к тишине полутемного чердака, она пошла навстречу дворнику дяде Пете, сама того не подозревая.

Дворник дядя Петя первым услышал чьи-то легкие шаги: «Топ! Топ! Топ!»

«Привидение топать не может! Значит, все-таки лев?!» – подумал он и прокашлялся от страха: «Кхе-кхе!»

Настёна услышала странный звук. «Львы так кашлять не могут, значит, это все-таки привидение!» – подумала девочка.

Осторожно, чтобы не вспугнуть «льва» дворник дядя Петя двигался вперед – туда, где ему слышались «топ-топ».

Осторожно, чтобы не вспугнуть «привидение» Настёна пробиралась вперед – туда, где ей слышалось «кхе-кхе».

Как раз между двумя подъездами было слуховое окно, которое пропускало на чердак немного света. Дворник дядя Петя почти дошел до этого места – ведь именно оттуда слышались подозрительные «топ-топ», и Настёна почти достигла места, откуда слышались ей подозрительные «кхе-кхе». Около оконца валялась брошенная кем-то ржавая труба. И вдруг из трубы раздался страшный звук...

«У-у-у! Р-р-р!»

Дворник дядя Петя испугано замер на месте.

Настёна вскрикнула и тоже замерла.

Из ржавой трубы торчал рыжий хвост.

«Для льва или тигра хвост слишком маленький», – подумал дворник.

«У привидений рыжих хвостов не бывает!» – подумала девочка.

Настёна первая подбежала к трубе и поняла, что это хвост котенка, который застрял в ней.

Малыш засунул голову прямо в отверстие и теперь жалобно мяукал. Полая внутри труба многократно усиливала его тоненькое «мяу!» и разносило по чердаку, а заодно, через слуховое окно, и по всему двору двух обычных пятиэтажек, искаженное трубой громовое «у-у-у!».

– Ах ты беденький! Сейчас я тебя достану!

Девочка бережно взяла котенка за спинку и начала помогать выбраться из трубы. Котенок благодарно заурчал, а коварная труба снова переиначила звук в грозное «р-р-р!»

С противоположной стороны подоспел дворник дядя Петя, который увидел непослушную Настёну и решил, что не бросит девочку ни на растерзание привидению, ни на растерзание льву.

Вместе они не без труда вытащили из трубы котенка, который все время душераздирающе мяукал. Со двора слышались взволнованные голоса жильцов, обеспокоенных происходящим на чердаке.

– Так вот кто устроил переполох! – сказал дворник дядя Петя, когда котенок был освобожден из плена. И погрозил малышу пальцем.

– А мы-то уже и про приведение, и про льва... Едва милицию не вызвали! Хулиган!

– И совсем он не хулиган! – возразила Настёна. – Смотрите, как он напуган! Больше нас с вами! Ему, наверное, все эти «у-у-у!» и «р-р-р!» еще страшнее слушать было!

– Ну ладно, пойдем покажем твоего «льва» соседям, чтобы успокоились! – Дворник дядя Петя затопал к выходу. Настёна, бережно прижимая к себе спасенного котенка, заторопилась следом.

– Я назову его Привидение, чтобы всегда помнить об этом приключении! И оставлю жить у себя, я знаю, мама мне обязательно разрешит!

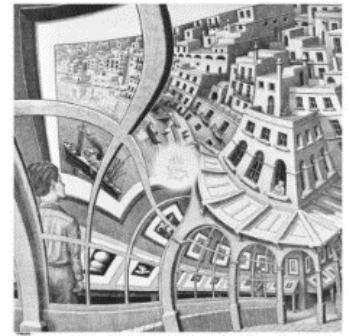
Полосатый котенок благодарно замурлыкал, уютно устроившись на руках у девочки. И на этот раз его «мур-р-р-р!» никто не испугался. Ни дворник дядя Петя, ни тетя Таня с первого этажа, ни дядя Миша с четвертого этажа. Вообще никто. Потому что это было похоже именно на кошачье мурлыканье, а не на грозный рык «льва» и не на стоны «привидения». А Настёна еще крепче прижала к себе нового друга – полосатого котенка по имени Привидение.

Вероника Алферова. Березовая роща. 2021

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

Маргарита Голованова
(Москва)

ПРОСТО УЛИЦА НА ЮГЕ МОСКВЫ

В 2003 году я переехала жить в Чертаново, в совершенно новый для меня район. Все здесь было непривычно и незнакомо, вплоть до названий. Помню, поехала оформлять документы на прописку, вышла на станции метро «Улица Академика Янгеля». Кругом кипит стройка, ломают старые двухэтажные домики и возводят многоэтажки. Пробираюсь по деревянным настилам и думаю: «А кто такой этот академик? Почему я, всезнайка, ничего о нем не слышала?!»

Прошло много лет. Я хорошо изучила местность, где живу, исходила ее вдоль и поперек, и улица Академика Янгеля теперь входит в мой любимый прогулочный маршрут. При мне на ней построили два торговых центра и несколько жилых высоток. А еще к концу года обещают возвести у метро развлекательно-оздоровительный центр с водными термами, фуд-холлом и прогулочной верандой на крыше. Сейчас улица выглядит вполне современно, но будет еще круче!

Вообще-то она очень короткая и жилых домов на ней немного, но здесь отразилась история не только столицы, но и фактически всей нашей страны.

Улица Академика Янгеля

Улица простирается от Варшавского шоссе к трамвайно-автобусному кругу в конце соседней Чертановской улицы. А когда-то она вела к проходной воинской части, которая располагалась прямо в Битцевском лесу.

Имя Янгеля в названии возникло неслучайно. Дело в том, что эта часть сформировалась в военные годы из линии ПВО, со временем стала ракетной и входила в оборонительный пояс Москвы. Шахты с их грозной начинкой располагались под землей, и разработчиком этих боевых ракет был Михаил Янгель – соратник и конкурент Сергея Королева. В советское время оба были засекречены, и их имена нам обнаружили лишь посмертно.

Ракет здесь давно нет. Говорят, их вывезли в конце 60-х годов, когда линию противовоздушной и противоракетной обороны столицы отодвинули далеко в область. Потом на освободившейся территории обитало еще несколько воинских частей, с течением времени также расформированных и перебазированных. От них остались постройки разного служебного назначения – правда, в весьма плачевном состоянии. И у всех фактически один адрес: улица Академика Янгеля, дом 11, строение такое-то. Всего 88 строений (!). Большинство из них я уже не застала.

О военном городке узнала не сразу, хотя мимо него проходила популярная грунтовая дорога, по которой народ гулял через лес из Чертанова в Ясенево. Вот только проход к ней преграждали гаражные и складские постройки, где постоянно тусовались всякие мрачные личности. Так что не было желания лишней раз туда заглядывать. Но однажды моя коллега, которая тоже поселилась в нашем районе, прогуливалась тут с детьми и сделала неожиданное открытие: «Представляешь, а в нашем лесу какие-то военные живут!..»

И во мне разыграло природное любопытство – стала изучать краеведческие сайты и расспрашивать старожилов. Соседи рассказали, что в советское время территория, где обитали военные, строго охранялась – как и положено стратегическому объекту. Поэтому внутри никто не бывал и подробностей особо не знает. Зато снаружи, возле КПП, работал магазин военторга, куда взрослые заходили за молочкой, а дети – за импортной жвачкой. Ракетных шахт в округе никто не помнит. Бывал ли тут Янгель, тоже неизвестно, скорее всего, нет. Но один пожилой житель сообщил, как в 90-е видел здесь Ельцина, который водил по территории американского президента – своего «друга Билла». Еще люди помнят о работавших здесь военных связистах и нескольких радиовышках (из них в глубине территории сохранилась лишь одна). В общем, информации не много.

Последние годы я заглядывала в бывший городок регулярно и, пробираясь через канавы и кучи всевозможного мусора, снимала на смартфон «уходящую природу» – многие сооружения рассыпались буквально на глазах. Проходила через ворота бывшего КПП и шла вперед по старой асфальтовой дороге, которая в межсезонье всегда покрывалась грязью и лужами.

Вдоль всего этого пути попадались на глаза обветшавшие дома и хозяйственные постройки. То, что было пригодно, использовалось под конторы легальных и нелегальных фирм, гаражи, авторемонтные мастерские и общежития для мигрантов.

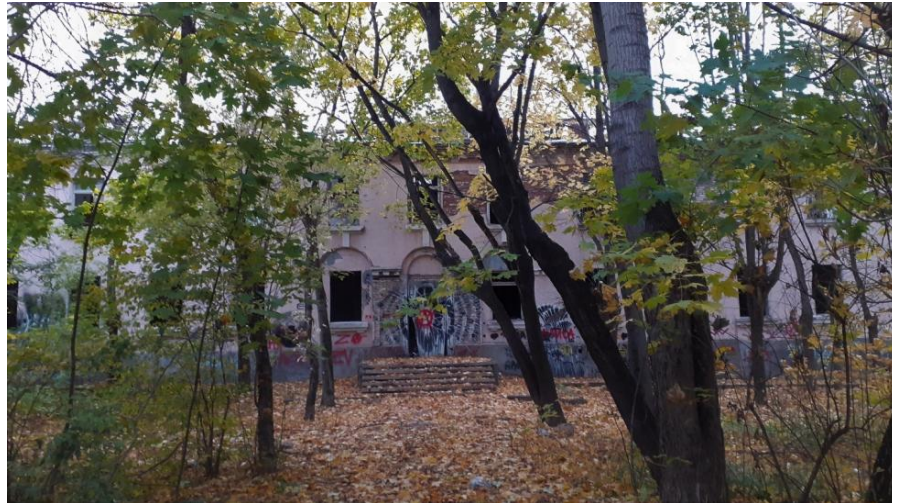
А в центре погибающего городка, по обеим сторонам от основной аллеи, выделялись два крупных здания. Справа среди густых зарослей деревьев виднелся двухэтажный дом – бывший штаб воинской части. Его хорошо оштукатуренный фасад зиял пустыми оконными глазницами.

Перед ним от былых времен сохранилась широкая дорожка, выложенная фигурной плиткой. Некогда она вела к центральному входу.

Московский BAZAR № 2 (45) 2023

Это было самое старое здание в округе, построенное еще в 1933 году. Фактически с него начинался военный городок. При мне этот дом с провалившейся крышей уже никак не использовался, был завален мусором и заходить в него решались только подростки-экстремалы.

С левой стороны дороги простирался большой неухоженный плац. Когда-то его использовали для торжественных построений и занятий военно-строевой подготовкой, а в последние годы приспособили под мусорный полигон. Свозили сюда разные отходы и складировали огромными бесформенными кучами. Местная общественность возмущалась, писала протестные письма. В конце концов площадку частично расчистили.

Двухэтажное здание весьма оригинальной конфигурации, виднеющееся вдали, возвели в 1952 году. Два его крыла первоначально имели разное назначение: в одном располагалась казарма, в другом – клуб с кинозалом.

Рассказывают, что над одним из входов вплоть до 70-х годов красовалась надпись: «Слава великому Сталину!», которую позже все-таки исправили на «Слава великому Ленину!».

Наконец на исходе прошлого века фасад здания выкрасили в темно-бордовый цвет и напрочь замазали все ненужные лозунги и украшения. Таким я его и увидела.

Когда с территории съехала воинская часть, в здании обосновался пейнтбольный клуб и несколько лет проводил в нем свои мероприятия. Потом рухнули перекрытия между этажами и тренировки прекратились, потому что находиться здесь стало опасно. Так печально закончилась жизнь этого здания.

Московский BAZAR № 2 (45) 2023

А вот жилой дом с военными отставниками, про который рассказывала моя знакомая, жив до сих пор. Он фактически оказался за пределами городка – вне основной территории.

Эта двухэтажная постройка 1951 года, типичная для послевоенных лет и сильно запущенная, тем не менее имеет все удобства цивилизации (газ, свет, водоснабжение и прочее). Я снимала ее осенью прошлого года.

Здание находится на балансе Министерства обороны, которое явно не утруждает себя должной заботой. А у самих обитателей финансовые возможности ограничены, так что обустраивают они свой быт как придется – в некоторых квартирах окна вместо стекол затянуты полиэтиленовой пленкой. Даже приличной дворовой территории у дома нет – вокруг сплошь гаражи, сараи и горы мусора.

Той же осенью я вдруг нашла за этим домом дорожку, которая вела на территорию, в прежнее время закрытую глухим бетонным забором. Пробралась через нагромождение строительных отходов и попала в ранее незнакомую мне часть военного городка, где обнаружила еще более интересные сооружения. Прежде всего вот такой красивый краснокирпичный дом – уже опустевший к тому времени, но, как выяснилось, еще недавно служивший для представительств нескольких производственных фирм.

Оказалось, изначально это был дом для офицерских семей, построенный в 1957 году. Я даже прочла на одном из чертановских форумов рассказ женщины, которая в 60-е годы провела здесь свое детство. Она как-то приходила сюда с внучкой, хотела увидеть родные пенаты, но военные ее не пустили. А вот я, следопыт-любитель, по счастливой случайности так легко сюда забрела, облазила всю прилегающую территорию и даже в самые дальние уголки заглянула.

Причем в глубине, за металлическим забором углядела еще одно жилое трехэтажное здание, явно построенное недавно (как потом выяснила, в 1993 году). По городским сводкам оно числится как общежитие для военнослужащих. Есть в нем и несколько квартир для офицеров.

В общем, вызвала эта заброшка какие-то ностальгические воспоминания! В детстве я много путешествовала с родителями по разным стройкам страны и видела много подобных домов в городках, где мы проживали...

В нынешнем году я с нетерпением ждала теплых дней, чтобы вновь прогуляться по знакомой местности. Но когда наконец попала туда, то оказалась на пустой и полностью расчищенной площадке. Все сооружения снесли подчистую, даже симпатичный красный домик не пожалели – на его месте обнаружилось лишь несколько мелких кирпичных осколков. Уцелели только два дома, где до сих пор живут военные, да еще барак, приспособленный под общежитие для мигрантов, и какой-то ангар с автомастерской. Всю освободившуюся весьма обширную территорию готовят под застройку – по слухам, будут возводить ЖК для военных. Что ж, можно только порадоваться за тех, кто получит здесь квартиры и сможет улучшить свои жилищные условия! Военные и их семьи это заслужили! А те фотографии, которые я когда-то тут снимала, теперь станут свидетельством истории и напоминанием об уже исчезнувшей жизни!

Кстати, в прошлом году привели в порядок тот отрезок улицы, который идет мимо бывшего городка. Снесли все гаражи, которые тянулись безобразной серой цепью по левой стороне трассы. Проложили дорожки для пешеходов и велосипедистов, поставили удобные скамеечки, оборудовали несколько детских игровых площадок. Сейчас улица Академика Янгеля эффектно вливается в Ясневскую аллею.

Получилась удобная и красивая прогулочная зона. Общественность протестовала поначалу, ратовала за сохранение девственного леса. Однако теперь многие согласились, что так стало гораздо лучше. Сегодня на этом маршруте очень оживленно – гуляют пенсионеры, семьи с детьми и собаками, ездят велосипедисты и самокатчики...

Жаль только, что о самом академике Янгеле на улице нет никаких упоминаний! Когда-то на одном из входов в метро висела мемориальная доска с таким текстом: «Улица названа в честь дважды Героя Социалистического труда, выдающегося ученого, конструктора ракетной техники Янгеля Михаила Кузьмича (1911–1971)». Даже ее фотографию в некоторых СМИ напечатали. Однако сейчас этой таблички нигде нет – кстати, я ее никогда не видела. Недавно обошла все выходы, расспросила охранников и сотрудников метро. Никто не помнит табличку и не знает, когда и почему она исчезла...

Зато возле станции метро есть другой мемориал. Это напоминание об одной трагической истории, которая случилась тут в 90-е годы в новогоднюю ночь.

1 января 1993 года здесь был убит молодой милиционер Михаил Тарасов. Помню, как в нулевые обнаружила тут в траве неприметную табличку с написанным от руки текстом. С годами недалеко от этого места обустроили вот такой ухоженный мемориальный островок.

Долго искала подробности той истории. Оказалось, существуют два варианта ее изложения. Один опубликован на официальном районном сайте и был как-то напечатан в местной газете: в новогоднюю ночь участковый милиционер Тарасов находился на дежурстве, и ему сообщили по телефону, что в одной из ближайших квартир скрывается находящийся в розыске преступник. Михаил отправился по вызову, но встретил правонарушителя уже возле метро. Тот был вооружен и при попытке задержания застрелил участкового.

На самом деле все было несколько иначе, но не менее трагично. Об этом на местном форуме рассказали люди, знавшие подробности той истории. Михаил служил во вневедомственной охране. Возле метро в то время стояла коммерческая палатка, где работала его девушка. После дежурства он собирался с ней отпраздновать Новый год. Пришел как раз в тот момент, когда вооруженный негодяй пытался ее ограбить. Михаил пистолет отобрал, а преступник убежал. Но вскоре вернулся на машине с многочисленной подмогой. Бандиты расстреляли милиционера через окно, а отобранный пистолет оказался неисправным – патрон заклинило в стволе...

Вот такая она – короткая, но чрезвычайно важная для нашего района улица Академика Янгеля!

Московский BAZAR № 2 (45) 2023

ГАЛЕРЕЯ BazART

Наши выставки

15 апреля в культурном центре «Внуково-МВТ» (ул. Ленина, 23) открылась совместная выставка московских художников Вероники Алферовой и Галины Вязниковой

Галина Вязникова
(Москва)

ЧИСТЫЙ БЕЛЫЙ ХОЛСТ, ДАВАЙ ПОГОВОРИМ?

Чистый белый холст... Что ты на этот раз мне покажешь? О чем я буду рассказывать тебе в процессе своего творчества?

Пока не знаю...

Вероника Алферова.
Фото А. Захаринского

Галина Вязникова.
Фото А. Захаринского

Галина Вязникова. Мурашки. 2018

Галина Вязникова. Лестница в небо. 2017

Знаю только, что буду любить тебя, наполнять красками, жизнью, энергией и вдохновением, наполнять до тех пор, пока не почувствую, что ты отвечаешь мне взаимностью.

Картины рождаются по-разному...

Иногда все начинается с маленьких и неуверенных мазков, которые потом обретают силу и сплетаются в хоровод образов. Эмоции приобретают очертания, и появляются удивительные существа: они бегают, танцуют, парят и летают вокруг, едва тебя касаясь, оставляя мурашки на коже. Смотрю на них и понимаю, что «мурашки» именно такими себе и представляла. Немного влюбленными и наивными. Как хорошо, что теперь с «мурашками» можно познакомиться – они живут на моей картине.

Порой бывает, так сказать, от обратного... Ты видишь что-то, и тебе просто необходимо поделиться со всеми своим впечатлением! Ты пропускаешь увиденное через призму своего внутреннего мира и рассказываешь живописную историю, как на картине «Лестница в небо».

Мостик, уходящий под воду... Старые ступени облупились, показывая следы пережитых слоев краски... А по водной глади плывут облака, и получается, что мостик ныряет глубоко в небо. Очень философская история, на мой взгляд.

Глубоко ввысь, высоко вглубь. Каждый выберет свое...

Чистый белый холст, давай поговорим?

Вероника Алферова. Сквозь листву. 2021

Вероника Алферова
(Москва)

МИР КАК ОБРАЗ

Для меня, как и для любого художника, живопись является способом передачи собственного восприятия мира, его понимания. Это распространяется не только на сюжетные картины, как могло бы показаться, но и на портретную, натюрмортную и даже пейзажную живопись. Причем происходить это может даже не вполне осознанно. Положим, сейчас мой ум и мысли привлекает пластическая сторона мира, его материальность и реальность при сохранении некоего возвышенного образа. Тогда, даже если я не буду давать себе никаких установок при написании картины, мое внимание уже будет зафиксировано именно на указанных аспектах реальности, поэтому даже при простом копировании природы я буду передавать только то, что находит отклик, и опускать мешающее моему восприятию. Так и возникает художественный образ.

На мой взгляд, живопись тем ценнее, чем яснее видит глаз художника, видит мир не «как он есть», а мир как образ, вбирающий в себя сразу всё. И задача художника – выделить из этого многообразия нужное для передачи именно своей мысли и выразить это средствами ремесла.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Анастасия Милютина
(Москва)

Я ПОКАЖУ ТЕБЕ УЗБЕКИСТАН. ЧАСТЬ 2

Хроники одного путешествия

Фото автора

(Анастасия Милютина. Узбекистан – восточная сказка. Часть 1. Московский BAZAR, № 3 (42) 2022)

Ташкент – Самарканд – Бухара... Да, я снова в Узбекистане. Последняя апрельская неделька, переходящая в майские праздники, около 34 градусов тепла и начало туристического сезона.

Исполняя мечту своего папы, я создала для него индивидуальный тур по влюбившему меня в себя Узбекистану. Мне хотелось показать не только то самое лучшее, что некогда привлекло мое внимание, но и открыть новое для себя.

Утро вторника. Готовлюсь жить ближайшую неделю с разницей во времени в +2 часа от Москвы, надеваю соломенную шляпу и любимый узбекский костюм... «Мама, мы с папой в Ташкенте».

Успешно мимикрируя под местных, поняла, что чувствую себя в Ташкенте абсолютно привычно и спокойно ориентируюсь без навигатора.

Столица разительно отличается от других городов Узбекистана. Это как Москва и Питер в России. Большой город, много высоток и новостроек, метро. Но, несмотря на весь этот модернизм, здесь все еще господствует узбекское гостеприимство и тепло. Ташкенту более двух тысяч двухсот лет. Этот город – один из самых больших в Средней Азии и один из старейших, расположенных на Великом шелковом пути.

Обжорные ряды

Старый город

Шахи Зинда

В Центре плова в Ташкенте одновременно в одном казане могут готовить тысячу порций. Кстати, мой любимый вид плова – свадебный, приготовленный на более дорогом оливковом масле, с множеством специй и менее жирный, в отличие от других видов. Стоит попробовать плов и на рынке Чорсу. Рядом с главным куполом есть Обжорный ряд, чем-то похожий на фуд-корт, но по-ташкентски. И да, тут не только плов, но и другая национальная кухня. Дым от мангалов идет клубами. Пройти мимо – невозможно! Вкусно!

Гуляя по старому городу, привела отца к религиозному комплексу Хазрати Имам. Хазрати Имам был имамом Ташкента, ученым, знатоком Корана и хадисом, а также одним из первых проповедников ислама в этом городе. Здесь находится его могила, а сам комплекс расположен на площади Священного Корана, которым в этих местах называют Коран Усмана из 353 пергаментных листов. В Хазрати Имам хранится единственная из сохранившихся оригинальная рукопись Корана.

Если Хазрати Имам находится в старом городе, то в новом квартале на берегу канала Анхор поражает своим масштабом и величием построенная около десяти лет назад из белого мрамора и рассчитанная более чем на 2400 человек мечеть Минор.

Интересно, что история Узбекистана переплетается с историей России. Николай Константинович Романов, тот самый, внук Николая I, был сослан на окраину империи в Туркестанский край в конце XIX века. Он прожил здесь до конца своей жизни. В год его смерти, в 1918 году, был основан Музей народного университета, позднее – Центральный художественный музей, с 1924 года – Ташкентский музей искусств. В число экспонатов входили и входят произведения западноевропейских и русских художников из коллекции Великого князя Николая Константиновича, ведь до 1935 года музей находился в здании Дворца Романовых. С ростом коллекции она была переведена в новое здание. Ныне это Государственный музей искусств Узбекистана.

Много гуляли по моим любимым местам, пили кофе в кафе с видом на фонтаны в Ташкент Сити и одним будним вечером уехали в Самарканд...

Это Регистан, мавзолей Амира Тимура, музей Афросиаб... В этот раз мой список ненамного, но расширился. Например, мечеть Биби Ханум, строительство которой началось после успешного похода Тамерлана в Индию в 1399 году. Мечеть была названа в честь любимой жены Тамерлана – Мульк-Ханым. Она была не только главной советчицей, но и главной воспитательницей всех его детей, несмотря на бесплодие.

Еще одно интересное место в Самарканде, оставшееся без внимания в мой прошлый приезд, Шахи Зинда, включенный в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Это ансамбль мавзолеев Караханидской и Тимуридской знати, последовательно пристраивавшихся друг к другу в течение XIV–XV веков.

Бухара

Рынок. Бухара

Если в Ташкенте и Самарканде я уже была, то Бухара стала для меня совсем новым местом, музеем под открытым небом! Через город когда-то проходил Великий шелковый путь. Бухара играла роль крупного административного, торгово-ремесленного и культурного центра.

Одной из главных достопримечательностей Бухары и самой древней частью города является цитадель Арк. Монументальная крепость возвышается почти на 20 метров над уровнем окружающей местности и занимает площадь около 4 гектаров. Арк некогда была зимней резиденцией бухарского эмира. А летней служила Ситораи Мохи-Хоса, находящаяся в нескольких километрах от города. На территории помимо дворца есть и гостевой дом, и дворцовый гарем. По всей территории, как и сотню лет назад, разгуливают павлины.

В 1911 году на престол Бухарского эмирата взошел 31-летний Эмир Саид Алим-хан, который в течение трех лет учился в Санкт-Петербургской военной академии. Для строительства своей загородной резиденции Саид Алим-Хан пригласил не только уроженца Бухары, но и двух русских инженеров. Таким образом, сюда были включены элементы русской архитектуры.

Арк

Калян

Белый зал летней резиденции

Возвращаясь в Арк, невозможно не заметить возвышающийся напротив минарет Калян. Минарет – одна из составляющих архитектурного ансамбля Пои-Калян, в который также входят мечеть Калян и медресе Мири Араб, построенные в XII–XIV веках. В один из наших бухарских вечеров фасад Мири Араб превратился в сцену под открытым небом для Спивакова и его оркестра.

На противоположной стороне исторического торгового центра от Каляна – архитектурный ансамбль XVI–XVII веков возле водоема – Ляби-Хауз.

До свидания, Узбекистан, но не прощай! Здесь еще есть что посмотреть, но уже в следующий раз...

Московский салон литераторов (МОССАЛИТ)

www.moscowbazar.com

mari.veglinska@mail.ru

© МОССАЛИТ, 2023